

B 28 280

КУРСЪ
ИСТОРИИ
Русскаго Военнаго Искусства.

Выпускъ IV.

Эпоха Императрицы Елизаветы.

Ординарный профессоръ
Императорской Николаевской Военной академіи
Полковникъ **Д. БАЮВЪ.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ГР. СКАЧКОВЪ съ С-ми. Типографія, Итальянская, 16.
1909.

B 28 280

КУРСЪ

ИСТОРИИ

Русскаго Военнаго Искусства.

Выпускъ IV.

Эпоха Императрицы Елизаветы.

Ординарный профессоръ
ИМПЕРАТОРСКОЙ НИКОЛАЕВСКОЙ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ
Полковникъ **А. БАЮВЪ.**

2609/2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ГР. СКАЧКОВЪ съ С-ми. Типографія. Итальянская, 16.

1909.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Предисловіе	V
I. Организация, составъ, управление войсками и ихъ комплектованіе.	
1. Воинскія комисіи царствованія Импер. Елизаветы	1
2. Пѣхота полевыхъ войскъ	3
3. Кавалерія полевыхъ войскъ	6
4. Артиллерія	9
5. Инженерныя войска	14
6. Гарнизонныя войска и ландмилиція	15
7. Высшія тактическія соединенія	16
8. Центральное управление	16
9. Комплектованіе арміи нижними чинами	19
10. Комплектованіе арміи офицерами	20
11. Обмундированіе, вооруженіе и снаряженіе	24
12. Довольствіе войскъ и лошадей, обозы	25
II. Строевая и полевая подготовка регулярныхъ войскъ	26
III. Участіе русскихъ войскъ въ Семилѣтней войнѣ.	
1. Причины войны и событія до 1759 г.	51
2. Кампанія 1759 г.	65
а) Пальцигская операція	65
б) Куннерсдорфская операція	83
3. Событія послѣ 1759 г.	102
IV. Заключение о всей эпохѣ и ея значеніе въ исторіи военнаго искусства въ Россіи	104

Важѣйшія опечатки:

Страница	строка	Напечатано	Слѣдуетъ читать.
3	14 снизу	1741 г.	1742 г.
6	1 снизу	несенія удара.	нанесенія удара.
20	9 снизу	дѣло сдѣлано	было сдѣлано.
20	9 снизу	отрицательно	отрицательно
36	19 сверху	вели атаку	вели въ атаку.
37	20 снизу	его отъ	его въ зависимости отъ
39	7 снизу	кавалеріи 1755 г.	кавалеріи по уставу 1755 г.
43	19 снизу	по 1758 г.	по 1759 г.
44	8 снизу	дѣйствій и орудій	дѣйствій у орудій
57	14 снизу	такъ-же	также
63	18 снизу	Дюстенбизе	Гюстенбизе.
71	5 сверху	непріятельскаго	непріятельскаго
76	8 сверху	конницы	конницы)
76	11 сверху	Цюлихаю	Цюлихау
76	20 сверху	ручья и	ручья. и

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Послѣ смерти Императрицы Анны на престолѣ Россійской Имперіи въ теченіе года числился младенецъ—Императоръ Іоаннъ VI.

Его чрезвычайно краткое царствованіе, весьма бурное во внутреннемъ управленіи, съ военной точки зрѣнія нельзя отмѣтить чѣмъ либо заслуживающимъ вниманія, хотя отецъ Императора и мужъ правительницы, принцъ Антонъ-Ульрихъ, пытался проявить свою дѣятельность по званію генералиссимуса русскихъ войскъ.

Переворотъ 25-го ноября 1762 г. возвелъ на престолъ дочь Великаго Петра, Императрицу Елизавету, царствованіе которой съ военной точки зрѣнія является непосредственно слѣдующимъ за царствованіемъ Императрицы Анны.

Вотъ почему и въ соотвѣтствіи съ намѣченнымъ мною планомъ *) настоящій IV выпускъ „Курса“ посвящается эпохѣ Елизаветы.

Этотъ выпускъ по своему содержанію вполне соотвѣтствуетъ учебной программѣ „Исторіи Военнаго Искусства въ Россіи“, утвержденной конференціей Императорской Николаевской Военной академіи, и я

*) См. предисловіе къ 1 выпуску „Курса“.

въ „Курсѣ“ только нѣсколько подробнѣе, чѣмъ требуется программой, остановился на вопросахъ: объ уставахъ 1755 г., объ артиллеріи и о причинахъ, приведшихъ насъ къ участию въ Семилѣтней войнѣ; это сдѣлано, съ одной стороны, вслѣдствіе особыхъ значенія и интереса указанныхъ вопросовъ, а съ другой стороны,—въ виду того, что весьма часто можно встрѣтить въ литературѣ ихъ неправильное освѣщеніе.

А. Байовъ.

Для составленія настоящаго выпуска „Курса“ были
использованы слѣдующіе источники:

- 1) ARNETH, Von. Maria Theresia, und der siebenjährige Krieg 1756—1763. Vien. 1875.
- 2) АРХЕНГОЛЬЦЪ, І. В. Служившій капитаномъ въ арміи Фридриха Великаго. Исторія Семилѣтней войны въ Германіи съ 1756 по 1763 г. Перевелъ Алексѣй Мартосъ. Москва. 1841 г.
- 3) АРХИВЪ кн. ВОРОНЦОВА. Москва. 1871—1873.
 - а) Томъ 3-й. Письма Ѳ. Д. Бехтѣева къ графу М. Л. Воронцову. 1756 и 1757 г.г. Изъ бумагъ Елизаветинской конференціи 1756 г.
 - б) Томъ 4-й. Переписка канцлера гр. Бестужева съ фельдмаршаломъ Апраксинымъ. Записки гр. М. Л. Воронцова о Семилѣтней войнѣ. 1759.
 - в) Томъ 6-й. Переписка гр. М. Л. Воронцова съ Ѳ. Д. Бехтѣевымъ, И. И. Шуваловымъ и съ главнокомандующими въ Семилѣтнюю войну. Записки о взятіи Берлина русскими войсками. Письмо о русскомъ войскѣ въ 1757 г.
 - г) Томъ 7-й. Бумаги объ измѣнѣ гр. Тотлебена. Переписка гр. Воронцова съ Н. И. Панинымъ.
- 4) ВАНТЫШЪ-КАМЕНСКІЙ, Д. Біографіи російскихъ генералиссимусовъ и генераль-фельдмаршаловъ. Ч. II. СПБ. 1840 г.
- 5) BERNHARDI W. Theodor. Friedrich der Grosse als Feldherr. Berlin. 1881.
- 6) БОЛОТОВА Андрея Тимофѣевича. Записки 1738—1794 гг. Т. I. СПБ. 1871 г.
- 7) ВЕЙДЕМЪЙЕРЪ, А. Царствованіе Елизаветы Петровны. СПБ. 1834.
- 8) ВОЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ. 1810 г.
- 9) ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ Россійскаго государства. СПБ. 1839 г.
- 10) HASENKAMP. Ostpreussen unter dem Doppelaar. Historische skizze der russischen invasion in den Tagen des siebenjährigen Krieges. Königsberg. 1866.
- 11) GESCHICHTE des siebenjährigen Krieges in einer Reihe von vorlesungen mit Benutzung authentischer Quellen bearbeitet von den Offizieren des Grossen Generalstabes. Berlin. 1824—47.
- 12) ГЕЙСМАНЪ. Краткій курсъ Исторіи военнаго искусства въ средніе и новыя вѣка. Ч. III, кн. 1-я. СПБ. 1896 г.

- 13) ГЕЙСМАНЪ, П. А. Столѣтіе военнаго министерства 1802—1902 гг. Историческій очеркъ возникновенія и развитія въ Россіи генеральнаго штаба до конца царствованія Императора Александра I включительно. СПБ. 1902 г.
- 14) ГИШУСЪ, А. И. Столѣтіе военнаго министерства 1802—1902 гг. Образование (обученіе) войскъ. Ч. I. СПБ. 1903 г.
- 15) ГЛИНОЕЦКІЙ. Исторія русскаго генеральнаго штаба; т. I. СПБ. 1883 г.
- 16) ГОЛИЦЫНЪ, КН., Н. С. Всеобщая военная исторія новыхъ временъ. Ч. III. Войны второй половины XVIII вѣка въ Западной Европѣ 1740—1791. Войны Фридриха Великаго. СПБ. 1874 г.
- 17) ДАНИЛОВА, Михаила Васильевича, артиллеріи майора записки, написанныя имъ въ 1771 г. Москва. 1842 г.
- 18) ДАНИЛОВЪ, Н. А. Столѣтіе военнаго министерства 1802—1902 г. Историческій очеркъ развитія военнаго управленія въ Россіи. СПБ. 1902 г.
- 19) ЖОМИНИ. Разсужденіе о великихъ военныхъ дѣйствіяхъ, или критическое и сравнительное описаніе походовъ Фридриха и Наполеона. Перевелъ съ французскаго Федоръ Холчинскій. Ч.ч. I—III. СПБ. 1810 г.
- 20) Журналъ о военныхъ дѣйствіяхъ Россійской Императорской арміи сборникъ изъ Санктпетербургскихъ вѣдомостей чч. 1, 2 и 3. СПБ. 1761—1763.
- 21) ЗАТЛЕРЪ. Записки о продовольствіи войскъ въ военное время. СПБ. 1861 г.
- 22) З. С. Состояніе военнаго искусства въ Россіи и въ западной Европѣ въ періодъ Семилѣтней войны. „Военный Сборникъ“ 1865 г. № 5.
- 23) ИВАНОВЪ, П. А. Обзоръніе состава и устройства регулярной русской кавалеріи отъ Петра Великаго и до нашихъ дней. СПБ. 1864 г.
- 24) ИЛЬЕНКО, А. К. Столѣтіе военнаго министерства 1802—1902 г. Историческій очеркъ комплектованія вооруженныхъ силъ въ Россіи до 1802 г. СПБ. 1902 г.
- 25) ИЗВѢСТІЯ о началѣ, учрежденіи и состояніи регулярнаго войска въ Россіи, съ показаніемъ перемѣнъ, какія по временамъ и обстоятельствамъ въ ономъ производимы были, съ предисловіемъ А. В. Терещенко. СПБ. (?) 1863 г.
- 26) ЛАЛАЕВЪ, Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ главному ихъ управленію, отъ основанія въ Россіи военныхъ школъ до исхода перваго двадцатипятилѣтія благополучнаго царствованія Государя Императора Александра Николаевича 1700—1880. СПБ. 1880 г.
- 27) ЛАСКОВСКІЙ, Ѳ. Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи. Ч. III. СПБ. 1865 г.
- 28) МАСЛОВСКІЙ, Д. Ѳ. Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи. Вып. I-й, СПБ. 1891 г.
- 29) МАСЛОВСКІЙ, Д. Ѳ. Записки по исторіи военнаго искусства въ

- Россіи. Вып. II-й. Ф. I-я. СПБ. 1894 г.
- 30) МАСЛОВСКИЙ, Д. Матеріалы къ исторіи военнаго искусства въ Россіи. Вып. I. Москва. 1888 г.
 - 31) МАСЛОВСКИЙ, Д. Письма гр. Петра Ивановича Панина къ брату его, гр. Никитѣ Ивановичу. „Русскій Архивъ“ 1888 г. кн. II.
 - 32) МАСЛОВСКИЙ, Д. О. Реляціи временно—главнокомандовавшаго русскою арміею генераль-поручика Фролова-Багрѣева въ 1759 г. Москва. 1888 г.
 - 33) МАСЛОВСКИЙ, Д. Роль графа Готлиба Тотлебена при взятіи русскими Берлина въ 1760 г. „Военный Сборникъ“ 1888 г. № 11.
 - 34) МАСЛОВСКИЙ, Д. Русская армія въ Семилѣтнюю войну. В. в. 1-й—3-й. Москва. 1886—1891 гг.
 - 35) МАСЛОВСКИЙ, Д. Русско-австрійскій союзъ 1759 г. Москва. 1887 г.
 - 36) МАСЛОВСКИЙ, Д. Строевая и полевая служба русскихъ войскъ временъ Императора Петра Великаго и Императрицы Елизаветы. Москва. 1883 г.
 - 37) МИХНЕВИЧЪ, Н. П. Исторія военнаго искусства съ древнѣйшихъ временъ до начала девятнадцатаго столѣтія. Второе изданіе. СПБ. 1896 г.
 - 38) МИХНЕВИЧЪ, Н. П. Основы русскаго военнаго искусства. СПБ. 1898 г.
 - 39) МИХНЕВИЧЪ, Н. П. Столѣтіе военнаго министерства 1802—1902 гг. Вооруженныя силы Россіи до царствованія Императора Александра I. СПБ. 1902 г.
 - 40) НАЩОКИНА, Василія Александровича. Записки. СПБ. 1842 г.
 - 41) ОПИСАНІЕ пѣхотнаго полковаго строю, раздѣленнаго на три части, со всеми нужными къ тому примѣчаніями 1755 году.
 - 42) ПЕКАРСКИЙ, П. Походъ русскихъ въ Пруссію въ 1757 г. „Военный Сборникъ“ 1858 г. т. III.
 - 43) ПЕТРОВЪ, А. Н. (подъ редакціей). Русская военная сила. Изданіе второе, т. II. Москва. 1897 г.
 - 44) ПЛАТОНОВЪ, С. Ф. Лекціи по русской исторіи. СПБ. 1900 г.
 - 45) РЪПИНСКИЙ, Т. К. Графъ Готлибъ Куртъ Генрихъ Тотлебенъ въ 1715—1763 гг. Матеріалы для біографіи. „Русская Старина“. 1888 г. № 10. 1889 г. №№ 6, 9 и 10.
 - 46) САВЕЛЬЕВЪ, Ал. Историческій очеркъ Инженернаго управленія въ Россіи. СПБ. 1879 г.
 - 47) СБОРНИКЪ Русскаго Историческаго Общества, т. 9-й. Изъ бумагъ Ив. Ив. Шувалова (письма къ нему С. Ф. Апраксина, гр. В. В. Фермора, гр. П. С. Салтыкова, гр. А. Б. Бутурлина, гр. П. А. Румянцева). СПБ. 1873 г.
 - 48) СЕМЕВСКИЙ, Михаилъ. Противники Фридриха Великаго: Апраксинъ и Бестужевъ-Рюминъ. Очерки русско-прусскаго войны 1756—1761 гг. „Военный Сборникъ“ 1862 г. №№ 5, 6 и 11.
 - 49) СОЛОВЬЕВЪ, Н. И. Историческіе очерки устройства и довольствія русскихъ регулярныхъ войскъ въ первой половинѣ XVIII ст (1700—1761) В. I, СПБ. 1900.

- 50) СОЛОВЬЕВЪ, С. М. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ тт. XXI—XXIV. СПБ. Изданіе товарищества „Общественная польза“.
- 51) СУХОТИНЪ, Н. Н. Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней. Ч. IV, кн. 1-ая. СПБ. 1898 г.
- 52) СУХОТИНЪ, Н. Н. Фридрихъ Великій. Лѣкціи по исторіи военнаго искусства. СПБ. 1882 г.
- 53) ФЕОКТИСТОВЪ, Е. М. Отношенія Россіи къ Пруссіи въ царствованіе Елизаветы Петровны. „Русскій Вѣстникъ“ 1882 г. №№ 7 и 8.
- 54) ШЕЛЕХОВЪ, Ф. П. Столѣтіе военнаго министерства 1802—1902. Главное интендантское управленіе. Ч. I. СПБ. 1903 г.
- 55) ЭКЗЕРЦИЦІЯ и учрежденіе строевъ и всякихъ церемоніаловъ регулярной кавалеріи 1755 г.

КУРСЪ

ИСТОРИИ

Русскаго Военнаго Искусства.

Выпускъ IV.

Эпоха Императрицы Елизаветы.

Ординарный профессоръ
Императорской Николаевской Военной академіи
Полковникъ **А. БАЮВЪ.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ГР. СКАЧКОВЪ съ С-ми. Типографія. Итальянская, 16.

1909.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Предисловіе	V
I. Организация, составъ, управление войсками и ихъ комплектованіе.	
1. Воинскія комисіи царствованія Импер. Елизаветы	1
2. Пѣхота полевыхъ войскъ	3
3. Кавалерія полевыхъ войскъ	6
4. Артиллерія	9
5. Инженерныя войска	14
6. Гарнизонныя войска и ландмилиція	15
7. Высшія тактическія соединенія	16
8. Центральное управление	16
9. Комплектованіе арміи нижними чинами	19
10. Комплектованіе арміи офицерами	20
11. Обмундированіе, вооруженіе и снаряженіе	24
12. Довольствіе войскъ и лошадей, обозы	25
II. Строевая и полевая подготовка регулярныхъ войскъ	26
III. Участіе русскихъ войскъ въ Семилѣтней войнѣ.	
1. Причины войны и событія до 1759 г.	51
2. Кампанія 1759 г.	65
а) Пальцигская операція	65
б) Куннерсдорфская операція	83
3. Событія послѣ 1759 г.	102
IV. Заключение о всей эпохѣ и ея значеніе въ исторіи военнаго искусства въ Россіи	104

Важѣйшія опечатки:

Страница	строка	Напечатано	Слѣдуетъ читать.
3	14 снизу	1741 г.	1742 г.
6	1 снизу	несенія удара.	нанесенія удара.
20 ¹	9 снизу	дѣло сдѣлано	было сдѣлано.
20	9 снизу	отрицательно	отрицательно
36	19 сверху	вели атаку	вели въ атаку.
37	20 снизу	его отъ	его въ зависимости отъ
39	7 снизу	кавалеріи 1755 г.	кавалеріи по уставу 1755 г.
43	19 снизу	по 1758 г.	по 1759 г.
44	8 снизу	дѣйстви́й и орудій	дѣйстви́й у орудій
57	14 снизу	такъ-же	также
63	18 снизу	Дюстенбизе	Гюстенбизе.
71	5 сверху	непріятельскаго	непріятельскаго
76	8 сверху	конницы	конницы)
76	11 сверху	Цюлихаю	Цюлихау
76	20 сверху	ручья и	ручья. и

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Послѣ смерти Императрицы Анны на престолѣ Россійской Имперіи въ теченіе года числился младенецъ—Императоръ Іоаннь VI.

Его чрезвычайно краткое царствованіе, весьма бурное во внутреннемъ управленіи, съ военной точки зрѣнія нельзя отмѣтить чѣмъ либо заслуживающимъ вниманія, хотя отецъ Императора и мужъ правительницы, принцъ Антонъ-Ульрихъ, пытался проявить свою дѣятельность по званію генералиссимуса русскихъ войскъ.

Переворотъ 25-го ноября 1762 г. возвелъ на престолъ дочь Великаго Петра, Императрицу Елизавету, царствованіе которой съ военной точки зрѣнія является непосредственно слѣдующимъ за царствованіемъ Императрицы Анны.

Вотъ почему и въ соотвѣтствіи съ намѣченнымъ мною планомъ *) настоящій IV выпускъ „Курса“ посвящается эпохѣ Елизаветы.

Этотъ выпускъ по своему содержанію вполнѣ соотвѣтствуетъ учебной программѣ „Исторіи Военнаго Искусства въ Россіи“, утвержденной конференціей Императорской Николаевской Военной академіи, и я

*) См. предисловіе къ 1 выпуску „Курса“.

въ „Курсѣ“ только нѣсколько подробнѣе, чѣмъ требуется программой, остановился на вопросахъ: объ уставахъ 1755 г., объ артиллеріи и о причинахъ, приведшихъ насъ къ участию въ Семилѣтней войнѣ; это сдѣлано, съ одной стороны, въ слѣдствіе особаго значенія и интереса указанныхъ вопросовъ, а съ другой стороны,—въ виду того, что весьма часто можно встрѣтить въ литературѣ ихъ неправильное освѣщеніе.

А. Байовъ.

Для составленія настоящаго выпуска „Курса“ были
использованы слѣдующіе источники:

- 1) ARNETH, Von. Maria Theresia und der siebenjährige Krieg 1756—1763. Vien. 1875.
- 2) АРХЕНГОЛЬЦЪ, І. В. Служившій капитаномъ въ арміи Фридриха Великаго. Исторія Семилѣтней войны въ Германіи съ 1756 по 1763 г. Перевелъ Алексѣй Мартосъ. Москва. 1841 г.
- 3) АРХИВЪ кн. ВОРОНЦОВА. Москва. 1871—1873.
 - а) Томъ 3-й. Письма Ѳ. Д. Бехтѣева къ графу М. Л. Воронцову. 1756 и 1757 г.г. Изъ бумагъ Елизаветинской конференціи 1756 г.
 - б) Томъ 4-й. Переписка канцлера гр. Бестужева съ фельдмаршаломъ Апраксинымъ. Записки гр. М. Л. Воронцова о Семилѣтней войнѣ. 1759.
 - в) Томъ 6-й. Переписка гр. М. Л. Воронцова съ Ѳ. Д. Бехтѣевымъ, И. И. Шуваловымъ и съ главнокомандующими въ Семилѣтнюю войну. Записки о взятіи Берлина русскими войсками. Письмо о русскомъ войскѣ въ 1757 г.
 - г) Томъ 7-й. Бумаги объ измѣнѣ гр. Тотлебена. Переписка гр. Воронцова съ Н. И. Панинымъ.
- 4) БАНТЫШЪ-КАМЕНСКІЙ, Д. Біографіи російскихъ генералиссимусовъ и генераль-фельдмаршаловъ. Ч. II. СПБ. 1840 г.
- 5) BERNHARDI W. Theodor. Friedrich der Grosse als Feldherr. Berlin. 1881.
- 6) БОЛОТОВА Андрея Тимофѣевича. Записки. 1738—1794 г.г. Т. I. СПБ. 1871 г.
- 7) ВЕЙДЕМЕЙЕРЪ, А. Царствованіе Елизаветы Петровны. СПБ. 1834.
- 8) ВОЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ. 1810 г.
- 9) ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ Россійскаго государства. СПБ. 1839 г.
- 10) HASENKAMP. Ostpreussen unter dem Doppelaar. Historische skizze der russischen invasion in den Tagen des siebenjährigen Krieges. Königsberg. 1866.
- 11) GESCHICHTE des siebenjährigen Krieges in einer Reihe von vorlesungen mit Benutzung authentischer Quellen bearbeitet von den Offizieren des Grossen Generalstabes. Berlin. 1824—47.
- 12) ГЕЙСМАНЪ. Краткій курсъ Исторіи военнаго искусства въ средніе и новыя вѣка. Ч. III, кн. 1-я. СПБ. 1896 г.

- 13) ГЕЙСМАНЪ, П. А. Столѣтіе военнаго министерства 1802—1902 гг. Историческій очеркъ возникновенія и развитія въ Россіи генеральнаго штаба до конца царствованія Императора Александра I включительно. СПБ. 1902 г.
- 14) ГИШУСЪ, А. И. Столѣтіе военнаго министерства 1802—1902 гг. Образование (обученіе) войскъ. Ч. I. СПБ. 1903 г.
- 15) ГЛИНОЕЦКІЙ. Исторія русскаго генеральнаго штаба; т. I. СПБ. 1883 г.
- 16) ГОЛИЦЫНЪ, КН., Н. С. Всеобщая военная исторія новыхъ временъ. Ч. III. Войны второй половины XVIII вѣка въ Западной Европѣ 1740—1791. Войны Фридриха Великаго. СПБ. 1874 г.
- 17) ДАНИЛОВА, Михаила Васильевича, артиллеріи майора записки, написанныя имъ въ 1771 г. Москва. 1842 г.
- 18) ДАНИЛОВЪ, Н. А. Столѣтіе военнаго министерства 1802—1902 г. Историческій очеркъ развитія военнаго управленія въ Россіи. СПБ. 1902 г.
- 19) ЖОМИНИ. Разсужденіе о великихъ военныхъ дѣйствіяхъ, или критическое и сравнительное описаніе походовъ Фридриха и Наполеона. Перевелъ съ французскаго Федоръ Холчинскій. Ч.ч. I—III. СПБ. 1810 г.
- 20) Журналъ о военныхъ дѣйствіяхъ Россійской Императорской арміи сборникъ изъ Санктпетербургскихъ вѣдомостей чч. 1, 2 и 3. СПБ. 1761—1763.
- 21) ЗАТЛЕРЪ. Записки о продовольствіи войскъ въ военное время. СПБ. 1861 г.
- 22) З. С. Состояніе военнаго искусства въ Россіи и въ западной Европѣ въ періодъ Семилѣтней войны. „Военный Сборникъ“ 1865 г. № 5.
- 23) ИВАНОВЪ, П. А. Обзоръніе состава и устройства регулярной русской кавалеріи отъ Петра Великаго и до нашихъ дней. СПБ. 1864 г.
- 24) ИЛБЕНКО, А. К. Столѣтіе военнаго министерства 1802—1902 г. Историческій очеркъ комплектованія вооруженныхъ силъ въ Россіи до 1802 г. СПБ. 1902 г.
- 25) ИЗВѢСТІЯ о началѣ, учрежденіи и состояніи регулярнаго войска въ Россіи, съ показаніемъ перемѣнъ, какія по временамъ и обстоятельствамъ въ ономъ производимы были, съ предисловіемъ А. В. Терещенко. СПБ. (?) 1863 г.
- 26) ЛАЛАЕВЪ, Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ главному ихъ управленію, отъ основанія въ Россіи военныхъ школъ до исхода перваго двадцатипятилѣтія благополучнаго царствованія Государя Императора Александра Николаевича 1700—1880. СПБ. 1880 г.
- 27) ЛАСКОВСКІЙ, Ѳ. Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи. Ч. III. СПБ. 1865 г.
- 28) МАСЛОВСКІЙ, Д. Ѳ. Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи. Вып. I-й, СПБ. 1891 г.
- 29) МАСЛОВСКІЙ, Д. Ѳ. Записки по исторіи военнаго искусства въ

- Россіи. Вып. II-й. ч. I-я. СПБ. 1894 г.
- 30) МАСЛОВСКИЙ, Д. Матеріалы къ исторіи военнаго искусства въ Россіи. Вып. I. Москва. 1888 г.
- 31) МАСЛОВСКИЙ, Д. Письма гр. Петра Ивановича Палина къ брату его, гр. Никитѣ Ивановичу. „Русскій Архивъ“ 1888 г. кн. II.
- 32) МАСЛОВСКИЙ, Д. О. Реляціи временно—главнокомандовавшаго русскою арміей генераль-поручика Фролова-Варфоломея въ 1759 г. Москва. 1883 г.
- 33) МАСЛОВСКИЙ, Д. Роль графа Готлиба Тотлебена при взятіи русскими Берлина въ 1760 г. „Военный Сборникъ“ 1883 г. № 11.
- 34) МАСЛОВСКИЙ. Русская армія въ Семилѣтнюю войну. В.т. 1-й—3-й. Москва. 1886—1891 гг.
- 35) МАСЛОВСКИЙ. Русско-австрійскій союзъ 1759 г. Москва. 1887 г.
- 36) МАСЛОВСКИЙ, Д. Строевая и полевая служба русскихъ войскъ времянь Императора Петра Великаго и Императрицы Елизаветы. Москва. 1883 г.
- 37) МИХНЕВИЧЪ, Н. П. Исторія военнаго искусства съ древнѣйшихъ времянь до начала девятнадцатаго столѣтія. Второе изданіе. СПБ. 1896 г.
- 38) МИХНЕВИЧЪ, Н. П. Основы русскаго военнаго искусства. СПБ. 1898 г.
- 39) МИХНЕВИЧЪ, Н. П. Столѣтіе военнаго министерства 1802—1902 гг. Вооруженныя силы Россіи до царствованія Императора Александра I. СПБ. 1902 г.
- 40) НАЩОКИНА, Василія Александровича. Записки. СПБ. 1842 г.
- 41) ОПИСАНІЕ пѣхотнаго полковаго строя, раздѣленнаго на три части, со всѣми нужными къ тому примѣчаніями 1755 году.
- 42) ПЕКАРСКИЙ, П. Походъ русскихъ въ Пруссію въ 1757 г. „Военный Сборникъ“ 1858 г. т. III.
- 43) ПЕТРОВЪ, А. Н. (подъ редакціей). Русская военная сила. Изданіе второе, т. II. Москва. 1897 г.
- 44) ПЛАТОНОВЪ, С. Ф. Лекціи по русской исторіи. СПБ. 1900 г.
- 45) РЪПИНСКИЙ, Т. К. Графъ Готлибъ Куртъ Генрихъ Тотлебенъ въ 1715—1763 гг. Матеріалы для біографіи. „Русская Старина“. 1888 г. № 10. 1889 г. №№ 6, 9 и 10.
- 46) САВЕЛЪЕВЪ, Ал. Историческій очеркъ Инженернаго управленія въ Россіи. СПБ. 1879 г.
- 47) СБОРНИКЪ Русскаго Историческаго Общества, т. 9-й. Изъ бумагъ Ив. Ив. Шувалова (письма къ нему С. Ф. Апраксина, гр. В. В. Фермора, гр. П. С. Салтыкова, гр. А. В. Бутурлина, гр. П. А. Румянцева). СПБ. 1873 г.
- 48) СЕМЕВСКИЙ, Михаилъ. Противники Фридриха Великаго: Апраксинъ и Бестужевъ-Рюминъ. Очерки русско-прусскаго войны 1756—1761 гг. „Военный Сборникъ“ 1862 г. №№ 5, 6 и 11.
- 49) СОЛОВЬЕВЪ, Н. И. Историческіе очерки устройства и довольствія русскихъ регулярныхъ войскъ въ первой половинѣ XVIII ст (1700—1761). В. I, СПБ. 1900.

- 50) СОЛОВЬЕВЪ, С. М. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ тт. XXI—XXIV. СПБ. Изданіе товарищества „Общественная польза“.
 - 51) СУХОТИНЪ, Н. Н. Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней. Ч. IV, кн. 1-ая. СПБ. 1898 г.
 - 52) СУХОТИНЪ, Н. Н. Фридрихъ Великій. Лекціи по исторіи военнаго искусства. СПБ. 1882 г.
 - 53) ФЕОКТИСТОВЪ, Е. М. Отношенія Россіи къ Пруссіи въ царствованіе Елизаветы Петровны. „Русскій Вѣстникъ“ 1882 г. №№ 7 и 8.
 - 54) ШЕЛЕХОВЪ, Ф. П. Столѣтіе военнаго министерства 1802—1902. Главное интендантское управленіе. Ч. I. СПБ. 1903 г.
 - 55) ЭКЗЕРЦИЦІЯ и учрежденіе строевъ и всякихъ церемоніаловъ регулярной кавалеріи 1755 г.
-

I. Организація, составъ, управленіе войсками и ихъ комплектованіе.

1) Военскія комисіи царствованія Императрицы Елизаветы.

Императрицѣ Елизаветѣ и всѣмъ, возведшимъ ее на престолъ, въ первое время послѣ переворота, очевидно, было не до какихъ либо новыхъ реформъ въ военномъ дѣлѣ. И дѣйствительно, со вступленіемъ на престолъ Елизаветы новые дѣятели на армію не обращали почти никакого вниманія вплоть до конца 1750-хъ годовъ, когда были предложены въ этой области мѣры графа Петра Ивановича Шувалова.

Но если дѣятели переворота, поглощенные другими заботами, и не интересовались арміей, то на стражѣ ея интересовъ пытался быть другой, оставшіяся отъ временъ Императрицы Анны, фельдмаршалъ, неигравшій вліятельной роли въ предшествовавшую эпоху, скромный Ласси, почти единственный генералъ, прошедшій славную боевую школу Петра I.

1-го декабря 1741 г., т. е. спустя только 6 дней послѣ вступленія на престолъ Елизаветы, по предложенію Ласси, при Высочайшемъ дворѣ состоялось министерское и генералитетское собраніе, на которомъ общимъ мнѣніемъ было положено вернуться къ Военскому Штату Петра Великаго, а 21-го января 1742 г. „по присланному изъ Правительствующаго Сената указу велѣно, не учреждая особливой комисіи, Военскій Штатъ, по Высочайшей Ея Императорскаго Величества аппробаціи, разсмотрѣть и во исправность привести въ Военной Коллегіи, къ чему призывать изъ обрѣтающихся въ С.-Петербургѣ генералитета“.

Но уже указомъ 19-го марта предписывалось „при разсужденіи Военскаго Штата собрать генералитетъ“ въ

составъ генераль-фельдмаршала Долгорукова, генераль-фельдцейхмейстера принца Гессенъ-Гомбургскаго, четырехъ полныхъ генераловъ, двухъ генераль-лейтенантовъ, четырехъ генераль-маіоровъ, одного бригадира и двухъ командировъ полковъ: одного—пѣхотнаго, а другого—драгунскаго.

Такимъ образомъ, вопреки первоначальному намѣренію, для пересмотра Штатовъ, собственно говоря, была образована комисія.

Работы этой комисіи нѣсколько затягиваль Сенать, такъ какъ, въ виду общаго стремленія поднять его значеніе до Петровскаго уровня, всѣ мнѣнія Военной Коллегіи съ генералитетомъ прежде, чѣмъ быть представленными на Высочайшее утвержденіе, поступали на разсмотрѣніе Сената. Тѣмъ не менѣе, къ началу 1743 г. составленіе штатовъ было закончено, и собранный въ Коллегіи генералитетъ распущенъ. Однако, работы комисіи 1742 г. признавались, повидимому, недостаточно полными и удовлетворяющими потребности въ реформированіи арміи, что, въ связи съ недостатками, обнаруженными въ арміи во время похода князя Репнина въ Австрію въ 1748 г., привело къ тому, что въ 1754 г., по инициативѣ Шувалова, состоялось распоряженіе объ учрежденіи при Военной Коллегіи комисіи „для разсужденія какъ по дѣламъ, касающимся до Военной Коллегіи, такъ и о казакахъ и калмыкахъ и о всѣхъ легкихъ войскахъ“. Комисія эта, по составу своихъ членовъ, назначенныхъ послѣдовательно тремя указами Сената и Военной Коллегіи, сильно отличалась отъ предшествующей комисіи, составленной главнымъ образомъ изъ старшаго генералитета. Въ составъ комисіи 1754 г. въ концѣ концовъ входили: одинъ генераль-лейтенантъ, четыре генераль-маіора, два полковника, четыре подполковника и одинъ секундъ-маіоръ.

Наибольшую дѣятельность означенная комисія проявила въ 1754—56 г.г., когда ею разсматривались слѣдующіе вопросы: три, оставшіеся неразработанными отъ Воинской комисіи 1730 г., а именно: о единой экзерциціи, о штатѣ артиллеріи и фортификаціи и о новыхъ артикулахъ, а также вопросы: по устройству казачьихъ войскъ и калмыковъ; по реформированію и устройству гусарскихъ и ландмилицкихъ полковъ; по устройству артиллерійскаго и инже-

нернаго кадетскаго корпуса; по пересмотру „всей арміи воинскихъ штатовъ“; по выработкѣ лучшихъ типовъ обмундированія, вооруженія и снаряженія; о переформированіи всей кавалеріи; объ учрежденіи для арміи магазиновъ; о содержаніи форпостовъ; о постройкѣ солдатскихъ слободъ и т. д.

Въ 1756 г. дѣятельность комисіи, вслѣдствіе начавшейся войны съ Пруссіей, постепенно ослабѣваетъ, а въ 1759 г., повидимому, совсѣмъ прекращается. Въ виду этого, далеко не всѣ вопросы, предложенные на обсужденіе комисіи, были окончательно рассмотрѣны; то-же, что было комисіей разработано окончательно, за начавшимися военными дѣйствіями не могло быть полностью проведено въ жизнь. Во всякомъ случаѣ, слѣдствіемъ работъ двухъ комисій царствованія Императрицы Елизаветы ко времени начала нашей войны съ Пруссіей въ 1756 г. явились нѣкоторыя организаціонныя измѣненія и введеніе въ армію пѣхотнаго и кавалерійскаго уставовъ 1755 г.

2) Пѣхота полевыхъ войскъ.

При вступленіи на престолъ Императрицы Елизаветы полевая пѣхота состояла изъ трехъ гвардейскихъ и 50 армейскихъ полковъ.

Въ 1743 г., вѣроятно, вслѣдствіе рѣшенія комисіи 1741 г., 4 пѣхотныхъ армейскихъ полка были расформированы на укомплектованіе флота. Въ 1756 г., повидимому, по рѣшенію комисіи 1754 г. было вновь сформировано 4 гренадерскихъ полка, а въ 1757 г., по предложенію графа Шувалова, въ виду войны съ Пруссіей былъ вновь сформированъ такъ называемый Обсерваціонный корпусъ, состоявшій изъ одного гренадерскаго и 5 мушкетерскихъ полковъ. Такимъ образомъ, ко времени принятія нами участія въ Семилѣтней войнѣ пѣхота полевыхъ войскъ у насъ состояла изъ 3 гвардейскихъ полковъ, 5 гренадерскихъ и 51 мушкетерскаго полковъ.

Здѣсь нельзя не остановиться на способѣ формированія новыхъ полковъ, что можетъ быть рассмотрѣно только лишь въ связи съ организаціей ихъ.

„По причинѣ распространенія здѣшняго государства и сосѣдняго“ въ 1747 г. армейскіе пѣхотные полки были переформированы изъ 2-баталіонныхъ въ 3-баталіонные, по 4 мушкетерскихъ роты въ каждомъ, имѣя, кромѣ того, до 1753 г. по 2 гренадерскихъ роты на полкъ. Въ 1753 г. положено было въ каждомъ полку имѣть по 3 гренадерскихъ роты, т. е. по одной на баталіонъ. Однако, въ началѣ 1756 г. „для преимущественной пользы при дѣйствіи противъ непріятели“ изъ третьихъ гренадерскихъ ротъ всѣхъ полковъ арміи рѣшено было сформировать 4 гренадерскихъ полка, каждый въ составѣ 2 четырехротныхъ баталіоновъ. Въ дѣйствительности, для скорѣйшаго формировація этихъ гренадерскихъ полковъ гренадеры, въ числѣ 200—300 человекъ, со всѣми чинами, выбираясь изъ лучшихъ, были взяты только изъ одной дивизіи, располагавшейся въ Лифляндіи и Эстляндіи, а третьи гренадерскія роты полковъ, стоявшихъ въ Россіи, были назначены для комплектованія полковъ Остзейской дивизіи.

Такой способъ формировація четырехъ новыхъ гренадерскихъ полковъ повлекъ за собой два крайне нежелательныхъ неудобства: съ одной стороны,—перетасовку людей во всѣхъ пѣхотныхъ полкахъ: такъ, однихъ, лучшихъ, выбрали въ гренадерскіе полки, другихъ,—тоже лучшихъ,—въ гренадерскія роты полковъ; съ другой стороны,—сильный некомплектъ въ полкахъ Остзейской дивизіи передъ самой кампаніей, такъ какъ гренадерскія роты полковъ, бывшихъ въ Россіи, не успѣли прибыть къ ней, а между тѣмъ, она вся была предназначена въ составъ дѣйствующей арміи.

Формировація Обсерваціоннаго корпуса было произведено слѣдующимъ образомъ: отъ каждаго полка изъ числа расположенныхъ внутри Россіи было взято по 420 человекъ, опять-таки лучшихъ, но такъ какъ этихъ людей было недостаточно для сформировація шести полковъ, то къ нимъ прибавили весьма значительное число людей изъ гарнизоновъ, ландмилиціи и даже драгунъ, оставшихся въ излишкѣ по реорганизаціи конницы.

Такимъ образомъ, этотъ корпусъ не представлялъ собой чего либо цѣлаго съ прочной воинской связью отдѣльныхъ частей между собой, а только сбродъ людей всякаго сорта. Естественно поэтому, что онъ съ самаго дня

своего рожденія носилъ въ себѣ всѣ зародыши будущаго разстройства.

И такъ, въ 1756 г. мушкетерскій полкъ состоялъ изъ трехъ баталіоновъ, по 4 роты въ каждомъ, и еще двухъ гренадерскихъ ротъ.

Нумерація ротъ была общая, отъ 1-й до 12-й и 1 и 2 гренадерскія; мушкетерскія роты имѣли по 144 строевыхъ рядовыхъ и 6 унтеръ-офицеровъ, т. е. составъ ихъ былъ такой-же, какъ и при Императрицѣ Аннѣ по штатамъ мирнаго времени, только число унтеръ-офицеровъ было уменьшено на 2.

Гренадерскія роты состояли изъ 200 человекъ. Всего въ мушкетерскомъ полку всѣхъ нижнихъ чиновъ, по штатамъ военнаго времени, должно было быть 2541 человекъ; противъ Миниховскихъ временъ больше на 1049 чел., причемъ нестроевые составляли 11%, между тѣмъ, какъ по штатамъ 1731 г. ихъ было всего 10%.

Полки корпуса Шувалова были нѣсколько иной организаціи, а именно: каждый изъ 6 полковъ этого корпуса состоялъ изъ 4 баталіоновъ 4-ротнаго состава, причемъ мушкетерскіе полки въ каждомъ баталіонѣ имѣли по 3 мушкетерскихъ и по одной гренадерской ротѣ.

Однако, въ такомъ составѣ войска участвовали не во всѣ кампаніи Семилѣтней войны. Уже въ 1756 г. Апраксинъ выступилъ въ походъ съ арміей, некомплектъ которой составлялъ по 280 чел. на полкъ. Этотъ некомплектъ, послѣ неудачнаго похода Апраксина, очевидно, еще болѣе возросъ. Чтобы его пополнить, Императрица, по предложенію новаго Главнокомандующаго, приказала въ каждомъ мушкетерскомъ полку людьми третьихъ баталіоновъ укомплектовать полностью первые два баталіона и гренадерскія роты, а оставшихся отъ этого людей третьихъ баталіоновъ отправили въ Ригу, гдѣ они должны были пополниться рекрутами. Такое пополненіе частей дѣйствующей арміи было, конечно, крайне неудобно, что являлось результатомъ отсутствія запасныхъ частей, роль которыхъ и должны были играть третьи баталіоны. Эти третьи баталіоны въ то-же время несли тыловую службу.

По сравненію съ предшествовавшей эпохой, общее число полковъ нѣсколько увеличилось. Вновь появились

спеціальныя гренадерскія части, а въ полкахъ—спеціальныя гренадерскія роты. Такимъ образомъ, придавали особое значеніе гренадерамъ и ради нихъ была нарушена однотипность пѣхоты. Основаній для этого, кромѣ того, что въ иностранныхъ войскахъ этого не было, и этимъ какъ-бы хотѣли поразить противника, не было. Нарушена была также однородность организациі пѣхотныхъ частей, приче́мъ она отличалась сложностью. Способъ формирова́нія новыхъ частей былъ крайне неудобенъ, такъ какъ, формируя ихъ изъ выборныхъ людей, разстраивали старыя части, не создавая въ то-же время сплоченныхъ новыхъ. Наконецъ, число нестроевыхъ въ частяхъ нѣсколько увеличилось.

3) Кавалерія полевыхъ войскъ.

При вступленіи на престолъ Императрицы Елизаветы полевая конница состояла изъ 1 гвардейскаго, 3 кирасирскихъ и 29 драгунскихъ полковъ, всего было 33 полка.

До 1756 г. составъ конницы оставался безъ измѣненія; между тѣмъ, къ этому времени выяснилось, что конница пришла въ разстройство. Причинами этого служили: 1) неудовлетворительный конскій составъ, что являлось слѣдствіемъ крайне недостаточной ремонтной цѣны на строевую лошадь, а отчасти—порядка ремонтирова́нія, которое производилось распоряженіемъ полковой администраціи; 2) то обстоятельство, что фуражныя деньги отпускались только на зимніе мѣсяцы, а остальное время лошади были на подножномъ корму, отчего въ полкахъ, по меньшей мѣрѣ, полгода не занимались ѣздой, а лошади были „въ черномъ тѣлѣ“; 3) полки, за недостаточнымъ отпускомъ на фуражъ, должны были очень много времени и рабочей силы употреблять для хозяйственныхъ надобностей, по экономической заготовкѣ фуража; 4) исполненіе значительной частью конницы форпостной службы, почему она не могла практиковаться въ своемъ специальномъ дѣлѣ; 5) несеніе тяжелой внутренней службы по усмиренію разбоевъ и прекращенію беспорядковъ въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи; 6) несоразмѣрность величины тактической единицы съ желательной гибкостью и подвижностью строя, такъ какъ эскадронъ 61-го ряда былъ тяжелъ и неповоротливъ, а рота въ 30 рядовъ—слишкомъ слаба для несенія удара холоднымъ оружіемъ.

Наконецъ, тогда находили, что для русской конницы болѣе соответствовало рубящее оружіе (палаши), а не колющее (шпаги), какимъ она была въ то время вооружена.

Въ 1755 г. Военская комисія выяснила всѣ эти недостатки и нашла, что для того, „чтобы привести Россійскую конницу въ такое надежное состояніе, дабы она со всѣми другими Европейскими кавалеріями не только сражаться, но и превосходить могла, необходимо было произвести значную перемѣну“. Перемѣна эта, утвержденная Императрицей 10-го марта 1756 г., состояла въ слѣдующемъ: во 1-хъ, уменьшенъ нѣсколько штатный составъ кавалерійскихъ полковъ; во 2-хъ, расформировано два полевыхъ драгунскихъ полка, бывшіе въ Сибири.

Этими двумя мѣрами хотя и уменьшалось общее количество конницы, но зато онѣ давали возможность увеличить расходы на остальную кавалерію и тѣмъ содержать ее „на основаніи быть надежною сопротивляться всѣмъ другимъ Европейскихъ государствъ кавалеріямъ“. Прежде всего это сказалось на увеличеніи ремонтной цѣны. Изъ оставшихся лишнихъ людей было предположено образовать губернскіе гарнизонные полки, предназначенные для содержанія форпостовъ, но въ дѣйствительности они были отправлены въ пѣхотные полки.

Въ 3-хъ, образованъ новый видъ конницы—конно-гренадеры, въ которые были переформированы 6 драгунскихъ полковъ. Появленіе конно-гренадеръ объясняется ихъ назначеніемъ, а именно: по постановленію комисіи, конно-гренадеры назначались: „къ пересѣченію какого непріятельскаго пути или къ поспѣшному изгнанію онаго изъ укрѣпленнаго и въ пользу свою захваченнаго посту или къ вспоможенію того мѣста, въ которомъ противу непріятельскихъ отъ кавалеріи нападений какой фронтъ ослабѣвать начнетъ, но и для подкрѣпленія отправляющагося какого отъ арміи пѣхотнаго корпуса и на всякіе подвиги того случая, гдѣ надежнѣйшіе люди и большое число въ скорости гранать востребуется“.

Исполненіе такихъ-же задачъ возлагалось и на гренадеръ драгунскихъ полковъ, для чего число ихъ было увеличено, и они вновь были сведены въ отдѣльныя роты.

Давъ конно-гренадерскимъ полкамъ и гренадерскимъ ротамъ драгунскихъ полковъ указанное выше назначеніе,

въ общемъ имѣли въ виду, значить, развить безъ ущерба для подвижности драгунъ, оборонительныя и наступательныя ихъ средства при дѣйстви въ спѣшенномъ строю.

Такимъ образомъ, въ сущности, задачи, которыя предполагали возлагать на конно-гренадеръ, были такія, которыя могли быть съ одинаковымъ успѣхомъ выполняемы и драгунами. Сформированіе-же специальныхъ конно-гренадерскихъ частей было произведено по тому-же, почему и въ пѣхотѣ были введены отдѣльныя гренадерскія части. Этимъ-же объясняется и образованіе отдѣльныхъ гренадерскихъ ротъ въ драгунскихъ полкахъ.

Въ 4-хъ, число кирасирскихъ полковъ увеличено на три. Сначала, еще въ 1742 г., была мысль привести въ исполненіе намѣреніе Миниха преобразовать треть конницы въ кирасиры, но, вѣроятно, не безъ вліянія Ласси, „Генералитетское разсужденіе“, утвержденное въ томъ-же 1742 г. Сенатомъ, признало кирасирскіе полки „за неспособные“.

Тѣмъ не менѣе, въ 1756 г. рѣшили еще три драгунскихъ полка переформировать въ кирасиры. Однако, это переформированіе, повидимому, можно объяснить только желаніемъ комисіи, „дабы и кавалерія (какъ пѣхота), по случаю надобности, смогла противу трехъ Европейскихъ мѣстъ въ одно время къ военнымъ дѣйствіямъ раздѣлена быть“, т. е. чтобы въ каждой изъ трехъ предполагаемыхъ армій было по два кирасирскихъ полка. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ гнались скорѣе за симметричностью, чѣмъ за сущностью дѣла.

Такимъ образомъ, къ началу Семилѣтней войны наша регулярная кавалерія состояла изъ 1 гвардейскаго, 6 кирасирскихъ, 6 конно-гренадерскихъ и 18 драгунскихъ полковъ и, кромѣ того, были 2 драгунскихъ полка не штатныхъ.

Кирасирскіе и конно-гренадерскіе полки дѣлились въ административномъ отношеніи на 10 ротъ каждый, а въ строевомъ—на 5 эскадроновъ. Драгунскій полкъ состоялъ изъ двухъ гренадерскихъ и 10 мушкетерскихъ ротъ, сводимыхъ по двѣ роты въ 6 эскадроновъ.

Для большей поворотливости и гибкости строя составъ каждой роты съ 90 человекъ (30 рядовъ) уменьшенъ до 69 строевыхъ рядовыхъ, что давало 23 ряда въ ротѣ и 46

рядовъ въ эскадронѣ (прежде 61 рядъ). Всего съ унтеръ-офицерами въ эскадронѣ было 150 пашекъ.

Въ виду того, что эти организаціонныя перемѣны были объявлены только 20-го апрѣля 1756 г., естественно, что къ началу военныхъ дѣйствій противъ Пруссіи привести ихъ въ исполненіе полностью было невозможно и въ общемъ конница должна была начать военныя дѣйствія, будучи весьма разстроенной.

Итакъ, общее число кавалерійскихъ полковъ, по сравненію съ царствованіемъ Императрицы Анны, оставалось то-же самое. Но часть ихъ была переформирована въ кирасиры, а часть—въ совершенно новый видъ конницы, необходимость котораго, какъ было сказано выше, является довольно сомнительной. Увлеченіе гренадерами въ конницѣ такъ-же, какъ и въ пѣхотѣ, выразилось и въ образованіи въ драгунскихъ полкахъ отдѣльныхъ гренадерскихъ ротъ.

Изъ другихъ мѣръ останавливаетъ на себѣ вниманіе уменьшеніе числа людей въ ротахъ, что несомнѣнно облегчало управленіе и эволюціи конницы, но при томъ-же числѣ полковъ нѣсколько уменьшало ея численность.

Общая численность регулярныхъ полевыхъ войскъ передъ Семилѣтней войной по штатамъ достигала 172500 чел.

4) Артиллерія.

Какъ и въ предшествующія царствованія, артиллерія подраздѣлялась на полковую, полевую, осадную и крѣпостную, находившуюся въ гарнизонахъ или крѣпостяхъ.

Полковая артиллерія, какъ и прежде, составляла одно нераздѣльное цѣлое съ пѣхотой и конницей и, предназначаемая для усиленія огня картечью, находилась въ полномъ распоряженіи полкового начальства. Только по вопросамъ о снабженіи имуществомъ и матеріальной частью полковая артиллерія подчинялась артиллерійскому начальству, т. е. генераль-фельдцейхмейстеру.

Число полковой артиллеріи, по сравненію съ царствованіемъ Императрицы Анны, по штату 1743 г., было уменьшено, а именно: въ пѣхотномъ полку полагалось по 2 трехфунтовыхъ пушки (при Аннѣ—4 пушки).

Въ драгунскомъ полку полагалось имѣть по 1 трехфунтовой пушкѣ.

Однако, всё полки должны были на случай войны имѣть двойной запасъ артиллеріи.

Въ 1747 г. съ образованіемъ третьихъ баталіоновъ рѣшено было въ пѣхотный полкъ прибавить еще по одной трехфунтовой пушкѣ и по двѣ мортирцы. Однако, этой „добавочной“ артиллеріи полки не получили еще и къ 1756 г., такъ что въ походъ пошли, имѣя всего лишь по 2 пушки. Только нѣкоторые полки приняли добавочныя орудія, такъ называемыя Шуваловскія гаубицы.

Съ цѣлью достигнуть большей дѣйствительности стрѣльбы и удобоподвижности полковой и полевой артиллеріи, по почину гр. Шувалова и подъ его руководствомъ, въ 1755—1756 г.г. у насъ были заняты конструированіемъ новаго орудія. Эти работы въ концѣ концовъ въ 1756 г. увѣнчались успѣхомъ, давъ полковой артиллеріи гаубицу или „малый единорогъ“, пригодный къ операціямъ, „гдѣ отнюдь не только артиллерія, но ниже лошадь проведена быть можетъ“. Это достигалось тѣмъ, что всё новаго орудія было 30 п. 36 ф., а лафетъ былъ разборный.

Драгунскіе полки пошли въ походъ также только съ артиллеріей, которая у нихъ была въ мирное время.

На каждую 3-фунтовую пушку, дальность стрѣльбы которой не превосходила 500 шаговъ, полагалось по 120 ядеръ и по 30 картечей, перевозимыхъ въ двухъ зарядныхъ ящикахъ. Каждое орудіе и каждый зарядный ящикъ перевозились парой лошадей.

Съ 1756 г. при каждомъ полку находился одинъ артиллерійскій офицеръ. Эти офицеры несомнѣнно были полезны, способствуя сохраненію артиллеріи и подготовкѣ прислуги, но они не могли оказывать вліянія на дѣйствія артиллеріи въ бою, такъ какъ орудія полковой артиллеріи всегда ставились по одному.

Съ 1759 г. полковая артиллерія нѣкоторыхъ полковъ усиливалась орудіями такъ называемой бомбардирской артиллеріи. Эта артиллерія представляла собой отдѣльный бомбардирскій корпусъ, состоящій изъ 46 Шуваловскихъ гаубицъ. Корпусъ раздѣлялся на 16 отдѣльных партій (по 2—3 орудія въ каждой), которыя и придавались пѣхотнымъ полкамъ.

Собственно полевая артиллерія имѣла назначеніе,

опредѣленное ей еще Петромъ I, а именно: „стоять на высокихъ мѣстахъ и изъ оныхъ (пушекъ) сколько возможно по неприятелю стрѣлять“. При наступленіи арміи она должна была сопровождать ее.

Полевая артиллерія, въ царствованіе Императрицы Анны неимѣвшая штата, въ 1755 г. получила его. По новымъ штатамъ, составъ артиллеріи былъ гораздо значительнѣе, чѣмъ по штатамъ Петра, и чѣмъ былъ составъ артиллеріи въ разныя кампаніи войны 1736—39 г.г., а именно: по штату 1755 г. въ полевой артиллеріи полагалось:

Пушекъ: 12-фунт.—6; 8-фунт.—16; 6-фунт.—8; 8-ф.—18.

Мортирь мѣдныхъ: 2-пуд.—2.

Гаубиць мѣдныхъ: 1-пуд.—12; полупудовыхъ—6.

Всего 68 орудій, кромѣ 36-ти шестифунтовыхъ мортирь.

Наконецъ, къ полевой артиллеріи причислялось 40 понтоновъ.

Такимъ образомъ, калибры въ полевой артиллеріи остаются тѣ-же и по прежнему наибольшее значеніе при дается 3-фунтовымъ и 8-фунтовымъ пушкамъ.

Въ дѣйствительности, полевой артиллѣріи было гораздо больше, а именно: вмѣсто общаго числа 104 орудій—233 орудія, и она, разбитая на 5 парковъ, находилась въ Петербургѣ, Ригѣ, Москвѣ, Бѣлгородѣ и Кіевѣ. Понтоновъ въ дѣйствительности всего было 36 (вмѣсто 40 штатныхъ).

Уже въ 1757 г. Шуваловымъ было спроектировано новое орудіе для полевой артиллеріи, такъ называемый „единорогъ“, 2-пудовый, пудовый и полупудовый, который стрѣлялъ длинными фунтовыми гранатами на дистанцію, болѣе версты. Но въ этомъ году такихъ единороговъ въ дѣйствующей арміи было, однако, мало и они не имѣли рѣшающаго значенія. Только въ 1758 г. дѣйствующая армія была ими снабжена въ достаточномъ количествѣ.

По сравненію съ прежними образцами полевой артиллеріи, Шуваловскіе единороги имѣли слѣдующія преимущества: во 1-хъ, они стрѣляли главнымъ образомъ разрывнымъ снарядомъ; во 2-хъ, единороги были вдвое подвижнѣе (легче) старыхъ орудій соотвѣтствующихъ калибровъ; въ 3-хъ, введеніе новыхъ орудій дало возможность уменьшить число калибровъ полевой артиллеріи съ 7 на 4; въ 4-хъ,

дальность стрѣльбы единороговъ была значительно большая, чѣмъ старыхъ орудій соотвѣтствующихъ калибровъ. Кроме того, Шуваловская артиллерія обладала большимъ разрушительнымъ дѣйствіемъ и большей мѣткостью.

При объявленіи войны формировали полевую артиллерию каждый разъ особаго состава, въ зависимости отъ обстоятельствъ.

При этомъ артиллерія дѣйствующей арміи раздѣлялась на бригады одинаковаго числа орудій, обыкновенно около 20, которыя обыкновенно придавались корпусамъ и дивизіямъ въ зависимости отъ организаци арміи; въ бою по распоряженію начальника артиллеріи арміи бригады формировали отдѣльныя батареи. Часть полевой артиллеріи, находящейся при дѣйствующей арміи, образовывала резервную артиллерию.

Осадная артиллерія, какъ и прежде, была раздѣлена на 3 корпуса, которые находились въ Петербургѣ, Кіевѣ и Бѣлгородѣ. Каждый изъ нихъ состоялъ изъ 20 пушекъ 24-хъ—фунтовыхъ, 20 пушекъ 18-фунтовыхъ, 2 мортирь 9-пудовыхъ, 12-мортирь-5-пудовыхъ и 100 шести-фунтовыхъ мѣдныхъ мортирокъ.

Личный составъ полевой и осадной артиллеріи состоялъ изъ 82 штабъ и оберъ-офицеровъ и 2500 нижнихъ чиновъ, среди которыхъ были и фузелеры, какъ специальное прикрытіе, нераздѣльное съ батареями.

Полевой фурштадтъ, который не имѣлъ никакой связи съ артиллерійскою прислугой, состоялъ по штату изъ 5 штабъ и оберъ-офицеровъ, 2800 нижнихъ чиновъ и около 5500 лошадей. Въ мирное время фурштадтъ содержался въ значительно уменьшенномъ противъ штата составѣ.

Гарнизонная или крѣпостная артиллерія была распределена между 43 крѣпостями и укрѣпленными пунктами, а частью находилась „въ городахъ, неположенныхъ въ штатѣ крѣпостей“. Крѣпостныя орудія на 90% были чугуныя. Калибръ ихъ былъ слѣдующій: пушекъ отъ 24 фунт. до 3-фунт.; мортирь—отъ 9 до 2 пудовъ; гаубицъ—2 и 1 пуда; фальконетъ—1 фунт.; мортирцы—6 фунтовъ.

Вся артиллерійская часть въ мирное время находилась подъ непосредственнымъ управленіемъ генераль-

фельдцейхмейстера. Артиллерійскіе чины, учрежденія и заведенія, находившіеся внѣ Петербурга, подчинялись непосредственно старшимъ мѣстнымъ строевымъ начальникамъ; однако, послѣдніе составляли только передаточную инстанцію распорядженій генераль-фельдцейхмейстера.

Въ военное время полевая и осадная артиллерія переходила въ полное распоряженіе Главнокомандующаго. Если полевая и осадная артиллеріи почему либо не распредѣлялись по корпусамъ, дивизіямъ и отрядамъ, онѣ образовывали двѣ части, „полевую и осадную артиллерію арміи“, подъ начальствомъ специальныхъ штабъ-офицеровъ. При Главнокомандующемъ, кромѣ того, состоялъ особый артиллерійскій генераль, завѣдывающій артиллерійскою частью арміи, и имѣвшій при себѣ особаго офицера въ должности квартирмейстера и особый штабъ.

Всѣ артиллерійскіе начальники находились въ двойномъ подчиненіи: строевому начальнику того подраздѣленія арміи, въ составъ котораго входили командуемыя ими артиллерійскія части, и соотвѣтствующему старшему артиллерійскому начальнику. Такимъ образомъ, во всѣхъ случаяхъ по специальнымъ вопросамъ артиллерійскіе начальники обязаны были дѣлать представленія своему непосредственному строевому начальнику и въ то-же время доносить объ этомъ старшему артиллерійскому начальнику. Въ бою артиллерійскіе начальники крупныхъ подраздѣленій арміи руководили огнемъ подчиненныхъ имъ частей, причемъ имъ рекомендовалось съ особеннымъ вниманіемъ относиться къ выбору позицій; однако, и въ этомъ случаѣ окончательное рѣшеніе вопроса зависѣло отъ старшаго изъ строевыхъ начальниковъ.

Для пополненія запасовъ патроновъ пѣхоты и конницы существовалъ такъ называемый „армейскій магазинъ“, въ которомъ возилось на каждое штатное ружье по 50 выстрѣловъ, по закону, всегда въ матеріалахъ. Кромѣ патроновъ, въ армейскомъ магазинѣ возился запасъ шанцеваго инструмента, земляные мѣшки, инструменты для лабораторныхъ работъ и для исправленія менѣ важныхъ поврежденій оружія и артиллерійскихъ орудій.

Для полковой и полевой артиллеріи своего магазина не было и всѣ снаряды возились въ зарядныхъ ящикахъ

при орудіяхъ. Снаряды осадной артиллеріи возились также въ ея зарядныхъ ящикахъ. Однако, при ней былъ „магазинъ“, но въ немъ перевозился разнаго рода шанцевый, лабораторный и мастерской инструментъ.

Крупнѣйшими недостатками организаціи полевой артиллеріи были: во 1-хъ, отдѣленіе фурштадта отъ личнаго состава, и во 2-хъ, содержаніе на лицо очень маленькаго кадра всѣхъ чиновъ и лошадей. Ближайшими слѣдствіями этихъ двухъ недостатковъ было то, что полевая артиллерія во 1-хъ, не представляла собой сплоченной войсковой части, сильной внутренней связью, а во 2-хъ, приведеніе ее передъ войной въ боевую готовность было крайне затруднительно.

5) Инженерныя войска.

Организація инженерныхъ войскъ въ царствованіе Елизаветы до 1757 г. была точно такая-же, какъ и въ царствованіе Императрицы Анны, т. е. согласно штату 1728 г.

Въ 1757 г. учрежденъ инженерный полкъ, уже въ видѣ чисто строевой части, изъ двухъ піонерныхъ, двухъ минерныхъ и двухъ мастеровыхъ ротъ.

Кромѣ того, къ инженернымъ войскамъ нужно причислить инженерныхъ кондукторовъ и инженерныхъ учениковъ.

Большая часть инженерныхъ офицеровъ и кондукторовъ служила при крѣпостяхъ.

Въ мирное время инженеры—офицеры и кондуктора исполняли разныя порученія, гдѣ требовались знанія строительнаго и чертежнаго искусства, а также и межевого дѣла. Въ военное время инженерные офицеры занимались составленіемъ проектовъ для искусственнаго усиленія оборонительныхъ позицій, руководствомъ осадными работами, устройствомъ сообщеній въ тылу арміи, а также военно-топографическими работами. Нерѣдко инженерные офицеры назначались для несенія службы генеральнаго штаба, хотя назначеніе квартирмейстерскихъ офицеровъ не было исключительно изъ инженеровъ.

Общая численность артиллерійскаго и инженернаго корпуса передъ Семилѣтней войной была около 13000.

6) Гарнизонныя войска и ландмилиція.

Гарнизонныя войска въ царствованіе Императрицы Елизаветы имѣли то-же назначеніе, какъ и въ царствованіе Императрицы Анны, и по прежнему, вопреки ихъ официальному назначенію, они въ сущности главнымъ образомъ играли роль запасныхъ войскъ. Состояли они, какъ и раньше,—изъ пѣхоты и драгунъ, въ прежнемъ числѣ.

Гарнизонные полки, неся всю тяжесть гарнизонной, конвойной и рабочей службы и не имѣя поэтому времени подготавливаться къ полевому дѣлу, ко времени начала Семилѣтней войны пришли въ полное разстройство. Къ тому-же, матеріальное положеніе гарнизонныхъ войскъ, получавшихъ, сравнительно съ полевыми войсками, меньшіе оклады и содержащихъ при себѣ семьи, было крайне тяжелое. Чтобы прокормить свои семьи, они должны были прибѣгать ко всякимъ средствамъ. Это развивало среди гарнизонныхъ солдатъ воровство и подрывало ихъ репутацію. Наконецъ, выборъ изъ гарнизонныхъ полковъ лучшихъ солдатъ для пополненія полевыхъ войскъ, а съ другой стороны,—назначеніе въ гарнизонные полки изъ полевыхъ войскъ какъ офицеровъ, такъ и солдатъ, слабыхъ здоровьемъ и вообще неспособныхъ къ полевой службѣ, способствовали окончательному упадку боевой способности гарнизонныхъ войскъ, и они въ концѣ концовъ обратились въ конвойно-рабочія команды столь слабаго состава, что, напримѣръ, для конвойной службы въ тылу арміи во время Семилѣтней войны пришлось назначать полевыхъ войска, бывшія внутри Россіи.

Справедливость, однако, требуетъ сказать, что разстройство гарнизонныхъ войскъ началось еще при Петрѣ I съ 1716 г.; особенно сильно оно стало при Аннѣ, въ виду непрерывныхъ войнъ и, наконецъ, въ царствованіе Елизаветы дало уже столь печальные результаты.

Общее число гарнизонныхъ войскъ по штатамъ передъ Семилѣтней войной достигало почти 75000 человекъ.

Ландмилиція царствованія Императрицы Елизаветы, какъ по своему назначенію, такъ и по организаціи, оставалась совершенно въ томъ-же видѣ, какъ была и при Императрицѣ Аннѣ.

7) Высшія тактическія соединенія.

Высшія тактическія соединенія (выше полка) въ царствованіе Елизаветы образовывались совершенно на такихъ-же основаніяхъ, какъ и при Императрицѣ Аннѣ, причемъ территоріальныя, такъ сказать, дивизіи назывались не по фамиліямъ начальниковъ, а по району, гдѣ были расположены. Ихъ всего было пять: Московская, Петербургская, Лифляндская, Украинская и Новгородская. Въ составъ этихъ дивизій входили всѣ части войскъ, за исключеніемъ находившихся въ Оренбургѣ и Сибири, которыя подчинялись мѣстнымъ высшимъ гражданскимъ властямъ.

Такимъ образомъ, отсутствіе связи между войсками и ихъ старшими начальниками существовало, по прежнему, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, что, очевидно, до крайности затрудняло боевую подготовку войскъ и управленіе ими, особенно въ военное время, и не могло не отразиться вредно на дѣйствіяхъ войскъ въ бою.

8) Центральное управленіе.

Центральное управленіе военно-сухопутными силами Россіи въ мирное время въ эту эпоху, по прежнему, сосредоточивалось въ Военной Коллегіи, которая, въ случаѣ неполноты соотвѣтствующаго закона или необходимости измѣненія его, входила съ представленіемъ въ Сенатъ.

Однако, указомъ 25-го января 1742 г. было повелѣно отдѣлить отъ Военной Коллегіи генераль-кригсъ-комисариатскую, оберъ-цалмейстерскую и аммуничную конторы и образовать изъ нихъ главный Комисариатъ, подъ начальствомъ генераль-кригсъ-комисара. Онъ вѣдалъ денежное и вещевое довольствіе, а также инспекцію войскъ.

Тѣмъ-же указомъ отъ Военной Коллегіи была отдѣлена Провіантская контора, которая и образовала вновь Провіантскую канцелярію, гдѣ сосредоточивались дѣла по провіантскому и фуражному довольствію войскъ, а также вопросы по поставкѣ въ армію лошадей, подводъ и устройству путевого довольствія.

Подчиненіе обоихъ этихъ учрежденій Военной Коллегіи вновь, какъ до Миниха, стало лишь косвеннымъ.

Въ февралѣ 1742 г. была упразднена контора фортификаціи и все инженерное вѣдомство подчинено снова генераль-фельдцейхмейстеру, исполнительнымъ органомъ котораго являлась канцелярія главной артиллеріи и фортификаціи, гдѣ сосредоточивались всѣ вопросы по артиллерійской и инженерной частямъ.

Такимъ образомъ, въ царствованіе Императрицы Елизаветы вновь было нарушено установленное при Императрицѣ Аннѣ единство центрального военнаго управленія.

Въ военное время до 1756 г. какъ стратегическая часть, такъ и всѣ военно-административные вопросы рѣшались по единоличному усмотрѣнію Главнокомандующаго, причемъ относительно вторыхъ онъ сносился съ Военной Коллегіей, которая была обязана оказывать ему полное содѣйствіе.

При Главнокомандующемъ, согласно уставу Военскому 1716 г., формировался полевой штабъ.

Съ 1756 г. Командующій арміей былъ лишенъ самостоятельности какъ при веденіи операціи, такъ и въ рѣшеніи административно-хозяйственныхъ вопросовъ. Съ этого года онъ всецѣло подчинялся Конференціи при Высочайшемъ дворѣ, учрежденной по проекту канцлера Бестужева-Рюмина для объединенія дѣлъ „политики и войны“.

Предлагая такую мѣру, Бестужевъ основывался на томъ, что будто-бы „съ потребной скоростью и силой управлять и двигать такую машину, каковъ есть корпусъ въ 55000 человекъ, удовлетворительное онаго содержаніе, предприемлимыя имъ операціи и множество сопряженныхъ съ тѣмъ околичностей“ съ полнымъ удобствомъ могутъ быть разрѣшены только комисіей подъ личнымъ руководствомъ Императрицы. Эта-же комисія, по мысли Бестужева, должна была разсматривать и вопросы внѣшней политики, сообразно положенію которыхъ направлять стратегическія дѣйствія арміи.

Въ виду этого и на изложенныхъ основаніяхъ въ январѣ 1756 г. и была образована Конференція при Высочайшемъ дворѣ, которая приняла на себя веденіе страте-

гическихъ операцій русской арміи въ Семилѣтнюю войну. Главнокомандующій съ этого времени являлся лишь въ качествѣ довѣреннаго агента Конференціи при арміи, обязаннаго исполнять стратегическія фантазіи могущественной Конференціи, указы которой исполнялись, какъ манифесты.

Первыми членами Конференціи были назначены: канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, кн. Трубецкой, Бутурлинъ, Воронцовъ, графы П. и А. Шуваловы; секретаремъ— Волковъ.

Многія изъ этихъ лицъ не были военными вовсе, или были военными только по названію.

Въ началѣ 1756 г. Императрица лично предсѣдательствовала въ Конференціи, но затѣмъ послѣдняя распорядилась вполне самостоятельно.

Наряду съ установленіемъ ненормальнаго положенія русскихъ Главнокомандующихъ въ царствованіе Императрицы Елизаветы и генераль-квартирмейстерская часть, какъ вспомогательный органъ высшаго командованія, приходитъ въ разстройство.

Главнѣйшей причиной такого разстройства является то обстоятельство, что графъ Шуваловъ, по личнымъ своимъ симпатіямъ, начинаетъ выдвигать инженеровъ, которымъ мало по малу и передаетъ всѣ функціи офицеровъ квартирмейстерской части.

Въ мирное время Шуваловъ требовалъ, чтобы канцелярія главной артиллеріи и фортификаціи заботилась о сборѣ и храненіи документовъ, относящихся къ предшествовавшимъ войнамъ, и о составленіи описаній прежнихъ кампаній.

Въ военное время инженерные офицеры, согласно инструкціи, данной графомъ Шуваловымъ, независимо отъ обязанностей по своей прямой спеціальности, должны были составлять подробныя карты всѣмъ мѣстамъ, по которымъ слѣдовали войска, описывать и исправлять дороги, снимать планы лагерей, позицій и т. под., показывать на особыхъ картахъ кантонирь-квартиры и винтерь-квартиры и, наконецъ, вести подробные и обстоятельные журналы военныхъ дѣйствій.

Въ виду такого развитія круга дѣйствій и обязанностей инженерныхъ офицеровъ собственно для квартирмейстерскихъ чиновъ ничего почти не оставалось, тѣмъ болѣе, что при высшемъ генералитетѣ усилилось значеніе адъютантовъ.

Адъютанты, состоявшіе при генералахъ, избирались по преимуществу изъ ихъ родственниковъ или близкихъ имъ лицъ, постоянно находились при нихъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время, пользовались полнымъ довѣріемъ своихъ начальниковъ и такимъ образомъ, отнимали у квартирмейстерскихъ чиновъ и другую часть ихъ круга дѣйствій, правъ и обязанностей.

Такое ненормальное положеніе квартирмейстерской части весьма неблагоприятно отразилось на квартирмейстерской службѣ въ Семилѣтнюю войну, такъ какъ нерѣдко въ необходимую минуту не оказывалось достаточнаго числа хорошо подготовленныхъ квартирмейстерскихъ офицеровъ и несеніе ихъ обязанностей возлагалось на офицеровъ, совершенно къ этому неподготовленныхъ. Это, впрочемъ, не помѣшало въ эту эпоху выдвинуться нѣкоторымъ представителямъ квартирмейстерской части, которые, получивъ въ Семилѣтней войнѣ большой боевой опытъ, явились хорошими руководителями будущихъ офицеровъ генеральнаго штаба.

9) Комплектованіе арміи нижними чинами.

Комплектованіе арміи нижними чинами производилось совершенно на такихъ-же основаніяхъ, какъ это было при Императрицѣ Аннѣ. Механизмъ рекрутскаго набора, возрастъ рекрутъ, ростъ ихъ, срокъ службы нижнихъ чиновъ,— все это оставалось по прежнему, но всѣ относящіяся къ этому правила и постановленія были сведены въ одномъ „генеральномъ учрежденіи о ежегодномъ сборѣ рекрутъ 1757 г.“, которое дѣйствовало до 1766 г. Это „учрежденіе“ если и вносило въ дѣло рекрутскихъ наборовъ что-нибудь новое, то это новое касалось несущественныхъ мелочей, неизмѣняющихъ основныя положенія Петра I и Анны.

Въ 1758 г. было установлено, чтобы сборъ рекрутъ происходилъ ежегодно, а не періодически въ минуты необходимости; однако, до конца царствованія Елизаветы правило это не

примѣнялось: сначала въ виду облегченія населенія, которое сильно пострадало въ этомъ отношеніи за время съ 1756 по 1758 г., а потомъ—вслѣдствіе того, что въ пополненіи арміи не было нужды.

Разсматривая вопросъ о комплектованіи арміи нижними чинами въ царствованіе Императрицы Елизаветы, нельзя не остановиться на предложеніи графа Петра Шувалова внести въ систему рекрутскаго набора нѣкоторыя улучшенія.

Исходя изъ того, что современный способъ производства рекрутскаго набора во 1-хъ, вынуждалъ отправлять въ губерніи и провинціи, для приѣма рекрутъ, значительныя команды, ослаблявшія строевыя части, во 2-хъ, приводилъ къ тому, что въ арміи, въ случаѣ большого некомплекта, сразу появлялось значительное число рекрутъ, отчего страдала боевая готовность частей,—и въ 3-хъ, по своей неопредѣленности,—ставилъ населеніе въ крайне тяжелое положеніе, Шуваловъ предложилъ брать рекрутъ каждый годъ не со всего государства, а только съ одной пятой его части, по очереди. Съ этой цѣлью, по мысли Шувалова, каждая губернія, поставлявшая рекрутъ, должна была быть раздѣлена на 5 частей, и ежегодно рекруты должны были браться съ одной части по расчету одного рекрута со 100 душъ. Въ случаѣ, если-бы по тѣмъ или другимъ причинамъ въ арміи былъ-бы очень значительный некомплектъ, то наборъ долженъ былъ-бы производиться съ 2, 3, 4 или 5 частей по порядку.

Но это предложеніе Шувалова не было примѣнено на практикѣ.

Такимъ образомъ, въ царствованіе Императрицы Елизаветы въ дѣлѣ комплектованія арміи нижними чинами не дѣло сдѣлано чего либо, что могло-бы повліять отрицательно на нравственныя качества арміи.

10) Комплектованіе арміи офицерами.

Комплектованіе арміи офицерами производилось такъ-же, какъ и при Императрицѣ Аннѣ. Можно думать только, что въ войскахъ къ началу Семилѣтней войны было уже довольно значительное число офицеровъ изъ Шляхетскаго корпуса, которые могли въ достаточной степени повліять на общій уровень образованности офицерства.

Этому отчасти способствовала также новая постановка артиллерійской и инженерной школѣ.

Графъ Петръ Шуваловъ, назначенный въ 1756 г. генералъ-фельдцейхмейстеромъ, былъ того мнѣнія, что „артиллерія и инженерный корпусъ, на наукѣ будучи основаны, должны снабжены быть весьма научеными офицерами“, а между тѣмъ, по его словамъ, „хотя въ обоихъ сихъ корпусахъ они и есть, токмо они отъ неимѣнія знающихъ учителей и отъ весьма ограниченнаго своего учрежденія такъ недостаточны, что, чисто сказать можно, надежда не есть желаніе достигнуть; слѣдственно, на ономъ основаніи людей, просвѣщенныхъ науками и искусныхъ въ ремеслахъ, получить нельзя“.

Исходя изъ этого, графъ Шуваловъ прежде всего соединилъ артиллерійскую и инженерную школы въ одну и затѣмъ принялъ цѣлый рядъ крайне цѣлесообразныхъ мѣръ для поднятія учебнаго дѣла въ объединенной школѣ. Особенно было обращено вниманіе на преподаваніе въ школѣ наукъ военныхъ и математики, которая, по выраженію Шувалова, „есть основаніе всѣмъ наукамъ въ свѣтъ“.

Поднятіе уровня учебной части въ артиллерійско-инженерной школѣ привело къ тому, что съ 1760 г. ея воспитанниковъ стали выпускать прямо офицерами.

Однако, небольшой промежутокъ времени, въ теченіе котораго въ царствованіе Императрицы Елизаветы обновленная артиллерійско-инженерная школа проявляла свою дѣятельность, не позволилъ ей оказать существеннаго вліянія на поднятіе научной подготовки офицеровъ специальныхъ родовъ войскъ.

Наряду съ реформой артиллерійско-инженерной школы необходимо отмѣтить еще два начинанія Шувалова въ дѣлѣ подготовки офицеровъ.

Въ 1758 г. онъ представилъ Императрицѣ проектъ „объ учрежденіи корпуса для артиллеріи и инженерства“.

Основная мысль этого проекта заключалась въ томъ, чтобы будущимъ офицерамъ сначала давать основательное общее образованіе, а затѣмъ уже—спеціально-военное, какъ теоретическое, такъ и практическое.

Для этой цѣли Шуваловъ предполагалъ въ проектируемомъ имъ корпусѣ имѣть 5 общихъ классовъ, съ одно-го-дичнымъ курсомъ каждый, и затѣмъ—спеціально-военный офицерскій классъ съ двухгодичнымъ курсомъ. Въ офицерскомъ классѣ должно было быть обучающихся 50 офицеровъ. Къ приѣму въ корпусъ предполагалось допускать только сыновей русскихъ и остзейскихъ дворянъ. Учебный курсъ кадетскихъ классовъ предполагался такимъ, чтобы будущіе артиллерійскіе и инженерные офицеры получали бы обширное и всестороннее общее образованіе.

Въ спеціально-военномъ классѣ предположено было подробно изучать строевую службу и различные предметы, касающіеся устройства и управленія войскъ и употребленія ихъ въ бою. Въ этомъ-же классѣ обучающіеся офицеры должны были „читать всѣхъ военныхъ авторовъ и дѣлать на нихъ рефлексы, разсуждать о всѣхъ знатныхъ баталіяхъ и акціяхъ, а также и о настоящихъ политическихъ дѣлахъ въ Европѣ и о военныхъ силахъ другихъ державъ“.

Наконецъ, проектъ учрежденія артиллерійскаго и инженернаго корпуса указывалъ, что воспитанники этого корпуса должны по преимуществу занимать въ арміи всѣ тѣ должности, на которыхъ требуется спеціально научное образованіе.

Изложенный проектъ гр. Шувалова удостоился предварительнаго Высочайшаго одобренія. Однако, при Императрицѣ Елизаветѣ онъ не былъ осуществленъ и имъ воспользовались лишь въ царствованіе Императрицы Екатерины II.

Другое изъ упомянутыхъ начинаній, еще болѣе широкое по идеѣ, относится къ 1753 году.

Въ этомъ году Шуваловымъ была подана въ Сенатъ записка „о военной наукѣ“.

Въ этой запискѣ Шуваловъ, принявъ за основаніе военныя событія изъ исторіи древнихъ народовъ, требовалъ развитія высшаго спеціального военнаго образованія въ русской арміи. Остановливаясь на исторіи Персіи, Шуваловъ писалъ, что могущество ея было до тѣхъ поръ, „пока военное искусство не пришло въ пренебреженіе“. Греки, по мнѣнію Шувалова, возвысились, тоже благодаря военному искусству: „Въ то время, воспоминаетъ онъ, когда персы предались нѣгѣ, Леонидъ съ 400 спартанцами удержалъ

цѣлую армію Ксеркса“; и дальше: „Римъ былъ училище побѣдителей и сія держава пребыла до тѣхъ поръ въ своемъ состояніи, пока правители оной признавали военную науку за основаніе ихъ монархіи и славы, за защиту цѣлости государства и вольности“.

Свою экскурсію въ область исторіи Шуваловъ въ запискѣ заканчиваетъ словами Петра I: „Надѣясь на миръ, не надлежитъ ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ, дабы съ нами не такъ случилось, какъ съ монархіей греческой“.

Указывая затѣмъ далѣе на пользу, которую можетъ принести Шляхетскій кадетскій корпусъ, основанный Анной, и Морской корпусъ, основанный Елизаветой, Шуваловъ признаетъ, однако, что у насъ еще очень мало лицъ, которыхъ-бы „трактовали-бы военную науку“, и считаетъ, что для русской арміи послѣдняя нужна, „какъ разумная душа тѣлу“.

„Намъ недостаетъ, заключаетъ Шуваловъ, теоріи и для этого учредить училище для военныхъ наукъ, которому пристойнѣе въ Шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ быть. Въмѣсто профессоровъ искусныхъ и довольно знающихъ военное дѣло военно-служащихъ опредѣлить, которымъ лекціи давать, диссертациі дѣлать, экзаменировать и прочее“.

Къ своей запискѣ Шуваловъ приложилъ и программу „Военной науки о полевой службѣ, которой юношество основательно учиться можетъ“. Программа эта состоитъ изъ 159 вопросовъ стратегіи, тактики, военной администраціи, военной географіи и топографіи.

Основаніемъ этой Шуваловской программы для теоріи военнаго искусства послужило сочиненіе гр. Тюрпень-де-Криссе „Опытъ военнаго искусства“, которое какъ разъ въ то время было переведено по приказанію Шувалова.

Такимъ образомъ, можно сказать, что уже во времена Елизаветы у насъ явилось сознаніе необходимости имѣть высшую военную школу, т. е. военную академію. Война, а затѣмъ перемѣна царствованія помѣшали осуществленію этого проекта.

Въ общемъ, также нѣтъ основаній допустить, что офицеры эпохи Семилѣтней войны были худшаго качества, чѣмъ въ эпохи предыдущія.

11) Обмундированіе, вооруженіе и снаряженіе.

Обмундированіе по существу оставалось то-же, что было и раньше. Было сдѣлано только нѣсколько неимѣющихъ особаго значенія перемѣнъ, изъ которыхъ интересно отмѣтить слѣдующія:

Съ 1756 г. кафтаны и камзолы стали шить тѣснѣе. вмѣсто бѣлаго холстиннаго галстука введенъ былъ черный суконный, который плотно облегалъ шею и застегивался назади пряжкой. Кромѣ бѣлыхъ штиблетъ для парадовъ, были введены черныя для постоянного ношенія. Офицерскіе шарфы прежняго образца стали носить на поясѣ, а не черезъ плечо. Пудра, букли и косы оставались, какъ были.

Ферморъ, вступивъ въ концѣ 1757 г. въ командованіе дѣйствующей арміей, нашелъ обмундированіе неудобнымъ для похода, вслѣдствіе чего онъ проектировалъ нѣкоторыя измѣненія, но, въ виду военныхъ дѣйствій, его предположенія не могли осуществиться.

Вооруженіе пѣхоты было то-же, что и при Аннѣ. Мушкетеры имѣли при себѣ въ двухъ патронныхъ сумкахъ 20 патроновъ да по 30 пуль на человѣка возилось въ патронныхъ ящикахъ; кромѣ того, 50 пуль на cadaго имѣлось въ армейскомъ магазинѣ. Гренадеры имѣли въ особыхъ сумкахъ по 2 ручныхъ гранаты.

Въ 1757 г. было рѣшено армію перевооружить ружьемъ новаго образца и для части Обсерваціоннаго корпуса ружья были сдѣланы, хотя образецъ его еще не былъ Высочайше утвержденъ. Война помѣшала вопросу перевооруженія, и въ началѣ марта 1758 г. онъ былъ совершенно оставленъ.

Вооруженіе конницы было такое-же, какъ и прежде. У кирасиръ только отняли штыки. У гренадеръ драгунскихъ полковъ, а также въ конно-гренадерскихъ полкахъ въ особыхъ сумкахъ имѣлись ручныя гранаты. Въ 1759 г. командующій дѣйствующей арміей, Салтыковъ, отмѣнилъ ихъ.

Снаряженіе оставалось безъ измѣненія. Измѣнился только способъ прикрѣпленія кирасирскихъ карабиновъ и фузей драгунскихъ, а именно: они прикрѣплялись дуломъ внизъ съ правой стороны къ епанчѣ, которая, въ свою

очередь, прикрѣплялась тороками къ задней лукѣ. Такимъ образомъ, карабины и фузеи не имѣли возможности на большихъ аллюрахъ болтаться, что происходило раньше.

12) Довольствіе войскъ и лошадей, обозы.

Довольствіе войскъ въ мирное время производилось на такихъ-же основаніяхъ, какъ и въ предыдущую эпоху. Что касается довольствія войскъ въ военное время, то особенность европейскаго театра войны, по сравненію съ степнымъ театромъ войны предшествовавшей эпохи, очевидно, оказала свое вліяніе. Еще въ первый годъ войны съ Пруссіей рѣшеніе вопроса о довольствіи войскъ основывалось на прежнемъ способѣ, т. е. на перевозкѣ всѣхъ необходимыхъ запасовъ съ собой. Съ теченіемъ времени отъ этого способа отказались и довольствіе войскъ основывалось на правильно организованномъ подвозѣ запасовъ изъ тыловыхъ магазиновъ къ хорошо устроеннымъ временнымъ базамъ, на оборудованіи путей подвоза, эксплуатаціи мѣстныхъ средствъ и правильномъ устройствѣ тыла вообще.

Фуражное довольствіе лошадей было измѣнено въ томъ отношеніи, что сухой фуражъ рѣшено было выдавать не на 3 мѣсяцевъ, а на круглый годъ безъ 6 недѣль и при этомъ почти вдвое увеличенъ фуражный окладъ.

Что касается организаціи *обоза* въ регулярныхъ войскахъ, то штатный обозъ пѣхотнаго полка въ военное время былъ нѣсколько большаго, а драгунскаго полка—нѣсколько меньшаго состава, чѣмъ при Императрицѣ Аннѣ. Въ общемъ, обозы въ Семилѣтнюю войну были значительно меньше, чѣмъ въ войну 1736—39 гг., такъ какъ театръ дѣйствій послѣдней требовалъ везти при арміи громадныя продовольственные запасы.

Такимъ образомъ, изъ разсмотрѣнія организаціонно-административныхъ мѣръ, предпринятыхъ въ царствованіе Императрицы Елизаветы, слѣдуетъ, что, по сравненію съ предшествовавшей эпохой, въ сущности никакихъ особенно важныхъ перемѣнъ не послѣдовало, а если онѣ и были, какъ, на примѣръ, введеніе конно-гренадеръ, то далеко не въ пользу Петровскихъ началъ. Исключеніемъ являлась артиллерія, въ которой дѣйствительно были приняты мѣры, способствующія постановкѣ ея на большую высоту.

II. Строевая и полевая подготовка регулярныхъ войскъ.

Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Императрица Елизавета повелѣла „экзерциціи и барабанному бою быть, какъ при Петрѣ“. Это повелѣніе, въ связи со стремленіемъ новой Императрицы идти по завѣтамъ своего Великаго Отца, показываетъ, что ея предшественники если и уклонились въ военномъ дѣлѣ отъ завѣтовъ Петра, то только въ двухъ вопросахъ, т. е. въ „экзерциціи“ и „въ барабанномъ боѣ“. Изученіе-же строевой и полевой подготовки войскъ въ царствованіе Императрицы Анны показываетъ, насколько эти измѣненія были существенны и насколько было необходимо изданіе упомянутаго повелѣнія Елизаветы. Такъ или иначе, имѣется достаточно основаній сказать, что въ первые годы царствованія Елизаветы былъ въ силѣ уставъ Воинскій 1716 г. Въ 1746 г., подобно Миниху въ 1731 г., Ласси ввелъ нѣкоторыя измѣненія въ экзерциціи Петровскаго устава. Въ 1747 г., вслѣдствіе введенія третьихъ баталіоновъ, Апраксинъ далъ дополнительную инструкцію для построенія этихъ баталіоновъ. Однако, все это не затрагивало основаній устава Воинскаго, который и являлся въ сущности единственнымъ руководствомъ для подготовки войскъ къ строевой и полевой службѣ. Такъ продолжалось до 1755 г., когда Воинская комисія составила тогда-же введенные новые уставы для пѣхоты и конницы.

Новый пѣхотный уставъ назывался: „Описаніе пѣхотнаго полкового строя, раздѣленнаго на три части со всѣми нужными къ тому примѣчаніями“.

Въ первой части этого устава указаны правила расчета полка, встрѣчи начальника, выноса знаменъ, ружейныхъ приемовъ и нѣкоторыя основанія одиночнаго ученія.

Вторая часть заключаетъ въ себѣ собственно полковое ученіе, — различнаго рода построенія, но съ указаніями относящимися и до одиночнаго образованія.

Наконецъ, третья часть есть сводъ правилъ церемональнаго марша, роспускъ полка и нѣкоторыя дополнителныя положенія, какъ-то: унтеръ-офицерскіе приемы барабаннаго боя и т. п.

Это перечисленіе содержанія пѣхотнаго устава 1755 г. прежде всего показываетъ, что онъ, по сравненію съ уставомъ 1716 г., не отличается полнотой, такъ какъ въ немъ ничего не говорилось о такихъ важныхъ отдѣлахъ, какъ— полевой и гарнизонной службы, о строевыхъ обязанностяхъ чиновъ и о нѣкоторыхъ другихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, въ уставѣ 1755 г. нигдѣ не было и оговорки, что въ этихъ вопросахъ надлежитъ руководствоваться уставомъ Военскимъ. Отсюда на практикѣ неизбѣжно явился, съ одной стороны, полный произволъ при несеніи этихъ отраслей службы, а съ другой стороны,—умалялось значеніе важности ихъ, что въ общемъ привело къ полному ихъ упадку. Если еще что и держалось, то лишь по традиціи.

Такое положеніе вещей, очевидно, не могло не отразиться печально на боевыхъ дѣйствіяхъ войскъ и, дѣйствительно, во время Семилѣтней войны войска наши не разъ попадали въ тяжелое положеніе вслѣдствіе недостаточнаго уваженія къ началамъ полевой службы.

Другое, на что наводитъ разсмотрѣніе содержанія устава 1755 г., это то, что въ немъ одиночное ученіе, разбиваясь по всѣмъ частямъ устава, не было отдѣлено отъ обученія совокупнаго, а это, въ свою очередь, неминуемо влекло за собой потерю значенія одиночной подготовки.

Наконецъ, уставъ 1755 г. имѣлъ еще одну чрезвычайно важную черту, дающую ему особый отпечатокъ и характеризующую его составителей. Эта особенность устава выражается въ слѣдующихъ его словахъ: „Хотя разные образы стрѣльбы, обращеніе фронтовъ и случаи ихъ употребленія показаны, но какъ каждаго командующаго знаніе въ томъ состоитъ, чтобы движеніе по состоянію непріятеля, времени и мѣста положенія употреблять и храбростью и искусствомъ разные способы находить непріятеля побѣждать, то особенно въ томъ, какую стрѣльбу и какимъ образомъ фронтъ устроить, въ случаѣ за наилучшее обрѣтетъ, не только не возбраняется, но, насупротивъ, всякій тотъ способъ, которымъ непріятеля побѣдить можно, за наилучшій почитается“. Короче говоря, пѣхотный уставъ 1755 г. прямо указываетъ, что вся сущность дѣла въ примѣненіи тѣхъ или другихъ уставныхъ положеній. Такимъ образомъ, въ соотвѣтствіи съ этимъ уставъ, казалось-бы, долженъ былъ только указать и

выяснить извѣстные типы строевъ. Въ дѣйствительности-же этого не было: уставъ давалъ массу формъ и видовъ строя, сложныя правила для ихъ построенія, массу мелочей, неподдающихся разучиванію, такъ что въ общемъ духъ устава противорѣчилъ имъ-же высказанной и приведенной выше истинѣ. Такое противорѣчіе явилось вслѣдствіе того, что составители устава, сами понимая, что уставныя положенія должны видоизмѣняться въ зависимости отъ обстановки, рассчитывали, что большинство частныхъ начальниковъ, по общему свойству массы, будетъ придерживаться данныхъ образцовъ, изыскивая въ нихъ способы побѣдить.

Основнымъ строемъ пѣхоты, по уставу 1755 г., оставался, по прежнему, 4-шереножный, и только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, не иначе, какъ по приказанію старшаго начальника, разрѣшался строй 3-шереножный. Дистанція между шеренгами была въ три шага; по фронту на каждого человѣка приходилось по 1 шагу.

Каждый баталіонъ въ развернутомъ строю подраздѣлялся на дивизіоны, причемъ, въ зависимости отъ числа рядовъ въ полку, число послѣднихъ, по расчету полкового адъютанта, было различно—отъ одного до четырехъ. Послѣднее считалось нормальнымъ и было въ томъ случаѣ, когда въ баталіонѣ было не менѣе 480 человѣкъ. Одновременно съ расчетомъ полковымъ адъютантомъ нижнихъ чиновъ премьеръ-майоръ, по прежнему, командовавшій всѣмъ строемъ полка, распредѣлялъ офицеровъ, нерѣдко переводя ихъ изъ роты въ роту.

Дивизіонъ раздѣлялся на 4 взвода. Гренадерскія роты, располагавшіяся на флангахъ полка, имѣли по 6 взводовъ.

Повороты оставались тѣ-же, т. е. только направо, налево и кругомъ. Полуоборотовъ не было.

Ружейныя приемы, по уставу 1755 г., въ сущности были тѣ-же, что и прежде, но уставъ, преслѣдуя эффектъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ опредѣлялъ правила однообразнаго исполненія темповъ, усложняя это простое дѣло до крайности. Высшая степень совершенства ружейныхъ приемовъ выражалась въ „метаніи артикуловъ“ безъ команды по знакамъ флигельмана; при этомъ требовалось „прихлопываніе“ по сумѣ и „пристукиваніе крѣпко“ по ружью. Сами по себѣ ружейныя приемы были до крайности сложны; такъ, напри-

мѣръ, заряжаніе состояло изъ 12 тѣмповъ съ подраздѣленіями, такъ что всего было 17 приемовъ.

Перестроенія развернутаго строя состояли во вздваиваніи рядовъ; во вздваиваніи черезъ plutonгъ или вздваиваніи взводовъ; въ построеніи особыхъ ротныхъ колоннъ для отраженія атаки кавалеріи; въ построеніи колоннъ для переправы, для походныхъ движеній и, наконецъ,—баталіонныхъ колоннъ для прорыва тонкихъ линій непріятели.

Вздваиваніе рядовъ происходило совершенно такъ-же, какъ и по „экзерциціи пѣшей“.

Вздваиваніе черезъ plutonгъ или вздваиваніе взводовъ въ результатъ давало строй, при которомъ въ каждой ротѣ полу-роты стояли на одной линіи во взводной колоннѣ. Этотъ строй примѣнялся для передвиженія развернутаго строя на большое разстояніе.

Ротная колонна для отраженія атаки кавалеріи строилась, когда не было времени для этой цѣли строить общее каре. Колонна эта давала возможность „косой стрѣльбы въ четыре огня“ и представляла собой въ сущности ротныя каре.

Построенія колоннъ для переправъ отличались большой сложностью и основывались на томъ, что успѣхъ переправы, какъ наступательной, такъ и отступательной, ставился въ зависимость только отъ огня.

Для походныхъ движеній назначалась взводная колонна. Для построенія послѣдней изъ развернутаго строя полка каждый баталіонъ заходилъ повзводно направо, причемъ образовывалась общая взводная колонна. Эта колонна предназначалась собственно для прохожденія церемоніальнымъ маршемъ, но ею пользовались и для походныхъ движеній, иногда даже въ виду непріятели. Специально о походныхъ порядкахъ уставъ 1755 г. ничего не упоминаетъ.

Баталіонная колонна предназначалась для „проломленія непріятельскаго фронта“.

Основанія для построенія этой колонны состояли въ слѣдующемъ:

1) Колонна могла быть построена изъ различныхъ частей фронта, но обязательно такъ, чтобы глубина колонны

была-бы болѣе фронта въ полтора и не менѣе одного съ четвертью раза.

2) Гренадеры не входили въ общій расчетъ и вмѣстѣ съ орудіями полковой артиллеріи прикрывали фланги, а небольшая часть мушкетеровъ въ видѣ резервовъ прикрывала тылъ.

3) Колонна строилась изъ одного баталіона и „никогда больше“, 2-й и 3-й баталіоны строили колонну за 1-мъ баталіономъ, не ближе 12 шаговъ.

4) На случай необходимости колоннѣ, предназначавшейся собственно „для проломленія непріятельскаго фронта“, по обстоятельствамъ боя перейти къ пассивной оборонѣ, указывался способъ перестроенія колонны для открытія огня.

Необходимо, однако, замѣтить, что уставъ 1755 г. на эту колонну смотрѣлъ, какъ на типъ построенія, пригодный лишь въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, но не какъ обычный строй для атаки.

Кромѣ этихъ строевъ, уставъ 1755 г. рекомендовалъ еще четыре особыхъ вида каре: баталіонъ—каре, полковое, огибное и долгое.

Баталіонъ—каре было то-же, что и при Петрѣ I.

Полковое каре выстраивалось изъ взводной колонны, при чемъ три головныхъ роты составляли передній фасъ, три заднія—тыльный, а среднія роты (отъ 4 до 9) черезъ одну составляли правый и такимъ-же образомъ лѣвый флангъ.

Огибное каре (тоже полковое) выстраивалось изъ развернутаго строя; отличалось отъ обыкновеннаго тѣмъ, что полкъ раздѣлялся поровну на 4 части, но фасы образовывались изъ цѣлыхъ дивизионовъ въ порядкѣ нумеровъ развернутаго строя.

Долгое каре имѣло видъ продолговатаго построенія, а не квадратнаго. Передній фасъ этого каре образовывали нечетные взводы, а задній фасъ—четные. Боковые фасы составляли гренадерскія роты.

Правила построенія всѣхъ каре крайне мелочны и подробно останавливаться на нихъ не представляетъ интереса.

Переходя къ вопросу о стрѣльбѣ, прежде всего нужно замѣтить, что одиночной стрѣльбы, какъ и во времена

Императрицы Анны, не было. Существовалъ только огонь частями семи разнообразныхъ видовъ.

Общія основанія стрѣльбы состояли въ слѣдующемъ:

1) Заднія три шеренги для открытiя огня смыкались по 1-й, и затѣмъ 1-я и 2-я шеренги стрѣляли съ колѣна, а 3-я и 4-я, — стоя.

2) Во всѣхъ случаяхъ стрѣляли съ примкнутыми штыками.

3) При первомъ заряданiи изъ строя выдѣлялись особые резервы, которые отъ всего полка образовывали три мушкетерскихъ взвода.

Резервы вообще не принимали участiя въ общей стрѣльбѣ и составляли запасъ стрѣлковъ, постоянно готовый открыть огонь. Кромѣ того, резервы подкрѣпляли нѣкоторые слабые пункты боевыхъ строевъ, прикрывали знамена и непосредственно передъ ударомъ въ штыки, послѣ общаго залпа всѣмъ полкамъ, выходили впередъ и обстрѣливали пунктъ атаки и только послѣ этого бросались въ штыки.

4) Введенъ былъ косою огонь, который предназначался какъ для отраженiя атаки кавалерiи, такъ и противъ пѣхоты непрiятеля путемъ перекрестнаго обстрѣливанiя впереди лежащей мѣстности.

Разсмотрѣнiе устава 1755 г. по отдѣламъ приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Вслѣдствiе игнорированiя при строевомъ расчетѣ полка ротами эти послѣднiя не имѣли значенiя строевой и тактической единицы. Съ другой стороны, строевыя единицы являлись не постоянными, а состоящими изъ случайнаго подбора людей, почему и не были органически связанными. Это неудобство увеличивалось еще постоянной переменнoй строевыхъ начальниковъ, которые, такимъ образомъ, совершенно не имѣли ничего общаго съ людьми, которыми имъ приходилось руководить въ бою.

2) Требованiя устава относительно ружейныхъ приѣмовъ доходили до крайностей, что въ концѣ концовъ привело къ тому, что стали даже портить оружіе лишь-бы придать звонкость ружью при приѣмахъ.

3) Всѣ видоизмѣненiя развернутаго строя, принимаемаго за основной, приспособлялись главнымъ образомъ къ дѣйствию огнемъ въ различныхъ случаяхъ и притомъ

такъ, чтобы огонь открывался возможно скорѣе. Въ этомъ, очевидно, сказывается вліяніе запада съ его линейной тактикой и увлеченіемъ огнемъ, которому придавали рѣшающее значеніе, идя въ этомъ отношеніи еще дальше Миниха. Въ связи съ этимъ, умалилась роль холоднаго оружія, которому придавали очень мало значенія.

4) Не смотря на то, что всѣ строи приспособлялись главнымъ образомъ для огня, существовали еще 4 каре,— это лишній разъ свидѣтельствуесть объ одностороннемъ увлеченіи огнемъ. Послѣднее сказывается также въ томъ, что за провинности противъ приемовъ заряжанія и вообще стрѣльбы нижніе чины наказывались гораздо строже, нежели за другія упущенія въ строю.

5) Однако, наряду съ крайнимъ увлеченіемъ линейной тактикой, въ уставѣ имѣется такая форма строя, которая противорѣчитъ самой идеѣ линейной тактики,—это „колонга для проломленія непріятельскаго фронта“. Включеніе въ уставъ такой колонны несомнѣнно является отраженіемъ взглядовъ противниковъ линейной тактики въ Западной Европѣ, что даетъ право заключить, что составители устава слѣдили за положеніемъ военнаго дѣла въ сосѣднихъ государствахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ назначеніе этой колонны, такъ и основанія для ея построенія свидѣлствуютъ, что въ данномъ случаѣ составители устава заимствовали только идею, вполнѣ самостоятельно и оригинально примѣнивъ ее на дѣлѣ.

Въ общемъ сопоставляя выводы, сдѣланные изъ разсмотрѣнія содержанія устава и распредѣленія этого содержанія по частямъ устава, съ выводами изъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ уставныхъ положеній, необходимо признать, что пѣхотный уставъ 1755 г., не смотря на стремленіе Императрицы Елизаветы слѣдовать во всемъ идеямъ Петра, сильно уклонился отъ нихъ. Въ этомъ отношеніи появленіе устава 1755 г. должно быть признано началомъ крутого поворота на пути развитія нашего военнаго искусства, поворота въ сторону западныхъ увлеченій отъ нашихъ самобытныхъ началъ, данныхъ Петромъ и поддерживаемыхъ Минихомъ. Таково отношеніе факта появленія устава 1755 г. къ прошлому. Его связь съ будущимъ заключается въ томъ, что онъ содержалъ въ себѣ зачатки отрицатель-

ныхъ увлеченій, которыя, логически развиваясь, могли затормозить правильное развитіе военнаго искусства въ Россіи и во всякомъ случаѣ привили арміи много такихъ мирныхъ обычаевъ, съ которыми пришлось бороться впоследствии въ теченіе едва-ли не болѣе столѣтій, не смотря на блестящія боевыя дѣйствія нашихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну, въ войнахъ Екатерины, Павла и Александра I.

Только-что было указано, что уставъ 1755 г. могъ-бы повліять отрицательно на развитіе нашего военнаго искусства; только могъ-бы, такъ какъ обстоятельства этого не допустили. Дѣло въ томъ, что уставъ 1755 г. былъ разосланъ въ войска менѣе, чѣмъ за 1 годъ до начала нашихъ военныхъ дѣйствій противъ Пруссіи, и потому войска не успѣли не только проникнуться имъ и сжитья съ нимъ, но даже въ достаточной мѣрѣ разучить его. Такимъ образомъ, хотя пѣхота наша имѣла новый утвержденный уставъ, но примѣнять его при боевыхъ дѣйствіяхъ не могла и естественно должна была руководиться въ этомъ отношеніи старымъ, извѣстнымъ. Это-же старое, извѣстное—были завѣты Петра, его идеи, положенныя въ основаніе устава Воинскаго, которымъ въ сущности руководились наши войска, хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями въ деталяхъ, но не въ принципахъ, вплоть до 1755 г., проведя съ нимъ и Польскую, и Турецкую войны, веденныя Минихомъ въ царствованіе Императрицы Анны.

Наша регулярная конница съ 1731 г. вплоть до 1755 г. руководилась, въ дѣлѣ строевой подготовки, уставомъ, который былъ въ 1733 г. составленъ для кирасиръ и, съ нѣкоторыми измѣненіями для драгунъ, принятъ всей конницей.

Въ 1755 г. русская конница получила новый уставъ, озаглавленный „Экзерциція и учрежденіе строевъ и всякихъ церемоніаловъ регулярной кавалеріи“.

Прежде, чѣмъ разсматривать уставныя положенія по уставу конницы 1755 года, необходимо отмѣтить, что цѣль дѣйствій конницы въ бою уставомъ опредѣлялась слѣдующимъ указаніемъ: „Всякое дѣйствіе и сила кавалеріи, которое съ авантажемъ и съ побѣдою непріятельской чинимо бываетъ, состоитъ въ храбрости людей, въ добромъ употре-

бленіи палашей, въ крѣпкомъ смыканіи и въ жестокомъ ударѣ черезъ сильную скачку“.

Указавъ на главныя боевыя свойства конницы—быстроту и силу удара холоднымъ оружіемъ,—уставъ категорически требовалъ, чтобы при обученіи особенно стремились къ достиженію совершенства въ верховой ѣздѣ и въ искусномъ владѣніи оружіемъ. При этомъ никакихъ тонкостей ѣзды не требовалось. Въ этомъ отношеніи было установлено только правило, чтобы всадники крѣпко сидѣли въ сѣдлѣ и „лошадей во власти имѣли-бы“. Затѣмъ никакихъ правилъ манежной ѣзды уставъ не указывалъ. Пригонка стремянъ была такая, чтобы всадникъ, поднявшись въ стремянахъ, могъ подъ себя свободно положить кулакъ. Это требованіе обуславливалось удобствомъ рубки. Главнымъ средствомъ достигнуть желаемого совершенства въ верховой ѣздѣ уставъ рекомендовалъ полевыя проѣздки. Для достиженія благопріятныхъ результатовъ при дѣйствіи оружіемъ уставъ требовалъ обученія „порознь“ рубкѣ на-скаку деревянныхъ или бумажныхъ болванокъ.

Уставъ конницы 1755 г. раздѣляется на 3 части: 1-я часть — конное ученіе, 2-я — пѣшій строй, 3-я — правила церемоніальнаго марша, приѣма штандартовъ, сабельныхъ и ружейныхъ приемовъ и т. д.

Первая часть, въ свою очередь, рѣзко дѣлится на двѣ части: въ главахъ отъ 1-й до 6-й заключается отдѣлъ устава, гдѣ выясняются элементарныя начала строя, а въ главахъ отъ 7-й до 9-й заключаются: прикладная часть устава и „разныя диспозиціи, по движеніямъ непріятельскимъ производящіяся“.

Элементарный отдѣлъ опредѣляетъ начала тактической организаци конницы, строевыя обязанности всѣхъ чиновъ, правила взлѣзанія на коней, соединеніе взводовъ въ роты, ротъ—въ эскадроны и, наконецъ, послѣднихъ—въ общій полковой строй. Здѣсь-же указываются правила поворотовъ, заѣздовъ, построенія колоннъ изъ drobныхъ частей, перехода изъ одного строя въ другой и построенія фронта эскадрона изъ колоннъ. Такимъ образомъ, выяснились основныя уставныя правила построеній и перестроеній, а также наглядно указывалось назначеніе каждаго строя эскадрона.

Къ элементарному отдѣлу полкового ученія уставомъ отнесены также правила для построенія полковыхъ походныхъ колоннъ, развертываніе ихъ, обученіе атакамъ, назначеніе, вызовъ и управление наѣздниками.

Въ прикладной части устава указывались основанія для построенія сосредоточенныхъ строевъ полка (корпуса или деташемента), боевые порядки полка и видоизмѣненія ихъ въ зависимости отъ наиболѣе вѣроятной обстановки.

Тактической единицей конницы былъ эскадронъ, состоявшій изъ 2 ротъ.

Каждая рота, составлявшая въ строю полуэскадронъ, раздѣлялась на два взвода. Взводы рассчитывались по 4 для поворотовъ и по 2 для движенія съ мѣста впередъ, если нельзя было двигаться справа по четыре.

Переходя къ разсмотрѣнію строевъ конницы, необходимо замѣтить, что въ этомъ отношеніи не было никакой разницы между тремя различными родами нашей тогдашней конницы.

Основнымъ строемъ конницы былъ развернутый въ три шеренги; трехшереножный строй могъ, однако, переходить въ двухшереножный. Строй этотъ назначался для производства атаки и для передвиженія въ ожиданіи столкновенія съ непріателемъ. Въ развернутомъ строю между шеренгами было три шага, но иногда шеренги смыкались на хвостъ. Требовалось, чтобы лошади стояли въ шеренгахъ возможно ближе одна къ другой.

Поворотовъ къ сторонѣ фланга уставъ не указываетъ. Круговые повороты направо или налево исполнялись отдѣленіями по четыре, каждой шеренгой отдѣльно.

Заѣзды, какъ къ сторонѣ фланга, такъ и круговые, исполнялись взводами, полуэскадронами и цѣлыми эскадронами. Всѣ эти заѣзды дѣлались на твердой оси.

Вздвиганіе было черезъ взводъ и черезъ роту.

Другой формой строя нашей конницы въ эту эпоху былъ строй разсыпной или разомкнутый, который пазначался для преслѣдованія и для осмотра мѣстности.

Наконецъ, имѣлись еще колонны. Изъ числа послѣднихъ въ элементарномъ уставѣ разсматривались только походныя колонны, изъ drobныхъ частей, и полковая

эскадронная на полныхъ дистанціяхъ, какъ строй, предше-
ствующій переходу изъ походнаго строя въ боевой порядокъ.

Изъ походныхъ колоннъ были колонны по четыре и
взводная.

Элементарная часть устава содержала въ себѣ также
обученіе производству атакъ. Уставъ предусматривалъ
тройкаго рода атаки: обыкновенную (сомкнутую), вторую
и разсыпную. Каждый изъ этихъ способовъ является, какъ
особый приѣмъ обученія.

Поставивъ залогомъ успѣха атаки главнымъ образомъ
„крѣпкое смыканіе и жестокой ударъ черезъ сильную
скачку“, уставъ стремился путемъ полевого обученія,
главное, привить людямъ навыкъ поддерживать сомкнутость
строя на быстрыхъ аллюрахъ. Послѣдняго предполагали
достигнуть особаго рода приѣмомъ при обученіи сомкнутой
атакѣ.

Приѣмъ этотъ заключался въ томъ, что кавалерійскую
часть, пущенную въ атаку, нѣсколько разъ останавливали
и затѣмъ вновь вели атаку. Дѣлалось это, какъ говоритъ
уставъ, „дабы люди лошадей въ рукахъ имѣли и которыя
шеренги, паче чаянія, разорвутся, могли паки сомкнуться,
ибо при такомъ случаѣ должно наблюдать, чтобы люди въ
шквадронахъ весьма сомкнуты были, а отнюдь не разда-
вались“.

Обученіе второй атакѣ велось исключительно для
пріученія лошадей къ огню, направленному противъ нихъ
почти въ упоръ.

Состояла вторая атака въ томъ, что въ каждомъ
эскадронѣ одна рота, выдвинувшись впередъ, заѣзжала
противъ другой роты и подъ ея выстрѣлами изъ пистоле-
товъ на большой рыси принимала направо и заѣздомъ
становилась на свое мѣсто. Затѣмъ, другая рота повторяла
то-же самое.

Разсыпная атака предназначалась для преслѣдованія
разбитаго непріятеля, причемъ въ этомъ случаѣ разрѣша-
лась и стрѣльба изъ пистолетовъ.

Однако, болѣе одного эскадрона изъ полка отдѣлять
для преслѣдованія уставъ не разрѣшалъ. Обучая разсыпной
атакѣ, уставъ преслѣдовалъ и другую цѣль: пріучать людей
быстро собираться къ штандарту по сигналу „аппель“ и

затѣмъ съ мѣста атаковать уже въ сомкнутомъ строю. Порядокъ ученія состоялъ въ слѣдующемъ: по соотвѣтственной командѣ эскадронъ разсыпался, причѣмъ уставъ не опредѣлялъ, какое протяженіе долженъ занимать разсыпанный эскадронъ. Затѣмъ, подавался сигналъ: „аппель“ и тотчасъ по сборѣ—команды для сомкнутой атаки.

Въ заключеніе элементарный уставъ опредѣлялъ назначеніе и правила вызова наѣздниковъ. Наѣзники назначались для осмотра мѣстности и когда нужно было очистить фронтъ дѣйствій отъ легкаго непріятеля. Съ этой цѣлью въ наѣзники высылался эскадронъ въ полномъ составѣ или-же только по 4 или по 5 рядовъ съ каждаго фланга эскадрона. Наѣзники, выѣхавъ, впередъ и рассыпавшись, прикрывали фронтъ, а когда нужно было,—то и фланги полка. Собирались наѣзники по сигналу: „аппель“.

Прикладная часть устава заключала въ себѣ: 1) типы построенія полка для прохожденія тѣснины и общій сосредоточенный строй полка, наиболѣе удобный для маневрированія (въ уставѣ подъ общей рубрикой „скрытый маршъ съ разводомъ“). 2) Типъ боевого порядка полка на мѣстности ровной. 3) Видоизмѣненіе его отъ главныхъ данныхъ обстановки (въ уставѣ „оборонительный маршъ“). 4) Боевой порядокъ полка въ степи (каре) и 5) Отступление (ретирата).

Уставъ, давая правила указанныхъ постановленій, отмѣчалъ, что этими правилами долженъ былъ руководиться и „корпусъ или дѣташаментъ“.

Прежде, чѣмъ переходить къ разсмотрѣнію различныхъ типовъ боевого порядка, необходимо замѣтить, что вслѣдствіе большого числа эскадроновъ въ драгунскихъ полкахъ, въ боевыхъ порядкахъ этихъ полковъ было нѣкоторое различіе отъ таковыхъ-же кирасирскихъ и конно-гренадерскихъ полковъ. Зато у этихъ послѣднихъ были особые резервы. Въ резервы выдѣлялись отъ каждаго эскадрона по 4 ряда лучшихъ ѣздоковъ на лучшихъ лошадахъ и такимъ образомъ, образовывался сводный резервный полуэскадронъ, который въ боевыхъ порядкахъ кирасирь и конно-гренадеръ занималъ мѣсто шестого (драгунскаго) эскадрона, впрочемъ, съ нѣкоторымъ отличіемъ.

„Скрытый маршъ съ разводомъ“, предназначаясь для скрытія силъ до столкновенія, несомнѣнно являлся общимъ

сосредоточеннымъ строемъ, предназначавшимся для маневрированія. Хотя уставъ указываетъ построенія этихъ колоннъ для переправы, но такъ какъ при этомъ предписываетъ до столкновенія скрывать свои силы, то само собою слѣдуетъ, что если-бы полку, по мѣстнымъ условіямъ, никакой переправы не предстояло, то онъ не только могъ, но и обязанъ былъ-бы въ ожиданіи боя изъ походной колонны перестраиваться въ колонну изъ середины.

Собственно боевые порядки полка указаны въ „оборонительныхъ маршахъ“. . . , и „въ каре“.

Здѣсь прежде всего необходимо замѣтить, что приведенныя названія боевыхъ порядковъ, говорящія о пассивности, совершенно не соотвѣтствовали духу устава и главному способу дѣйстви конницы времени Елизаветы, — удару холоднымъ оружіемъ. Тогда вообще слову не придавалось такого значенія, а главное вниманіе обращалось на сущность дѣла.

Вслѣдствіе этого по названіямъ боевыхъ порядковъ конницы, по уставу 1755 г., совершенно нельзя судить объ ихъ качествахъ.

Въ основномъ боевомъ порядкѣ (при дѣйстви на мѣстности ровной) полкъ, имѣя средніе эскадроны въ развернутомъ строѣ, строился въ двѣ линіи, въ шахматномъ порядкѣ; фланговые-же эскадроны оставались внѣ фланговъ во взводныхъ колоннахъ. Для отраженія удара съ соотвѣтствующаго фланга они выстраивали фронтъ въ надлежащую сторону.

На мѣстности пересѣченной и въ сферѣ огня непріятеля основной типъ боевого порядка видоизмѣнялся такимъ образомъ, что полкъ наступалъ эскадронами во взводныхъ колоннахъ, расположенныхъ въ двѣ линіи въ шахматномъ порядкѣ. Эта форма боевого порядка легко переходила въ другую—въ линію взводныхъ колоннъ, которая, въ свою очередь, при необходимости атаковать легко переходила въ развернутый строй полка.

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ уставъ показываетъ точно такъ-же только образцы видоизмѣненія перваго основного типа. Такъ, если нужно было разомъ развить сильный ударъ полкомъ, то полкъ выстраивался простѣйшимъ способомъ въ одну линію. Если непріятель показывался

въ тылу, то задняя линия заѣзжала кругомъ. Если-же въ это время и флангамъ угрожала опасность, то по соотвѣтствующей командѣ въ драгунскихъ полкахъ по взводу отъ фланговыхъ эскадроновъ, а въ кирасирскихъ и конно-гренадерскихъ—резервы заѣзжали соотвѣтственно направо и налево и прикрывали фланги. По минованіи надобности подавался сигналъ, означавшій ту сторону, куда слѣдовало продолжать движеніе, и части становились на свои мѣста по командѣ своихъ частныхъ начальниковъ. Если непріятель главными силами угрожалъ одному изъ фланговъ, то боевой порядокъ могъ быстро переимѣнить фронтъ направо или налево. При этомъ, преслѣдуя удобство и быстроту переимѣны фронта, не соблюдался нормальный порядокъ №№ эскадроновъ. По заѣздѣ эскадроновъ въ требуемую сторону всѣ эскадроны пристраивались къ впереди стоящему „во всю скачку“.

Въ каре конная часть строилась въ мѣстности степной и при другихъ исключительныхъ случаяхъ, когда, напримеръ, можно было ожидать нападенія „непріятеля неважнаго“, подобно татарамъ или другимъ „нерегулярнымъ“. Свойства мѣстности и безформенность дѣйствій непріятеля естественно вынуждали быть готовымъ къ отраженію удара со всѣхъ сторонъ. Съ другой стороны, разъ противникъ самъ не обладалъ сомкнутостью удара и дѣйствовалъ легкими налетами, то не было расчета отдѣлять сомкнутыя части въ погоню за подобнымъ непріателемъ и напрасно утомлять войска. Съ этой точки зрѣнія принятіе уставомъ для конницы формы боевого порядка въ видѣ каре является вполне цѣлесообразнымъ.

Отступленіе (ретирада) въ уставѣ 1755 г. было регламентировано вообще довольно подробно. Эскадроны въ виду непріятеля отступали въ развернутомъ строѣ—уступами по-ротно.

Спѣшиваніе кавалеріи 1755 г. допускалось лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. Эта исключительность особенно относилась до кирасиръ; однако, и они могли спѣшиваться и при этомъ руководствовались упрощенными правилами пѣшаго строя.

Спѣшивались почти всѣ люди эскадрона; коноводами-же служили извозчики или другіе нестроевые, и только въ

крайности назначались, однако, не болѣе, какъ 9 человекъ на эскадронъ, строевые рядовые. При спѣшиваніи лошади батовались.

Люди послѣ спѣшиванія выстраивались передъ своими лошадьми лицомъ отъ нихъ. О прикрытіи коноводовъ въ уставѣ ничего не говорится.

Ружейные приемы для спѣшенныхъ драгунъ были тѣ-же, что и для пѣхоты.

Спѣшенные люди строились и рассчитывались такъ-же, какъ и въ конномъ строю.

Въ драгунскихъ полкахъ при пѣшемъ построеніи гренадерскій эскадронъ раздѣлялся по-ротно, располагаясь при развернутомъ строѣ полка на флангахъ его.

Строй оставался 3-шереножнымъ. Число построений, особенно у кирасиръ, противъ пѣхоты было меньше. Для спѣшенныхъ кирасиръ единственнымъ видомъ строя былъ развернутый. Драгунскіе-же и конно-гренадерскіе полки изъ развернутаго строя перестраивались во взводныя колонны, каре и обучались различнаго рода „прохожденій сквозь тѣсный проходъ“. Драгуны и конно-гренадеры какъ только слѣзали съ лошадей, сейчасъ-же примыкали штыки.

Видовъ стрѣльбы въ спѣшенныхъ частяхъ конницы было меньше, чѣмъ въ пѣхотѣ, а именно: стрѣльба производилась взводами, ротами, эскадронами и общимъ залпомъ. Стрѣляли всѣ три шеренги, причемъ 1-я шеренга — съ колѣна.

Спѣшенные драгунскіе и конно-гренадерскіе полки имѣли только одинъ видъ „продолговатаго каре“ совершенно такого-же вида, какъ и въ пѣхотѣ.

Въ общемъ, относительно устава для конницы 1755 г. можно сказать слѣдующее:

1) Въ немъ довольно строго проведено отдѣленіе безусловныхъ уставныхъ правилъ отъ примѣненія ихъ въ бою.

2) Въ прикладной своей части уставъ былъ составленъ такъ, что для практики въ различныхъ видахъ боевого порядка полка и видоизмѣненія ихъ необходимо было создавать обстановку и считаться съ ней, что почти исключало увлеченіе плацевыми ученьями полка.

3) Нѣкоторыя начала одиночнаго ученія выдѣлены въ особое мѣсто; однако, строго послѣдовательно это еще не проведено.

4) Уставъ даетъ примѣрную картину дѣйствиі кавалерійскаго полка въ главныхъ типичныхъ случаяхъ, но не увлекается этимъ и не даетъ правилъ на каждый данный случай.

5) Форма изложенія элементарной части устава очень оригинальна, а именно: онъ даетъ послѣдовательное изложеніе строевыхъ правилъ, какъ они должны исполняться на каждомъ ученѣ, начиная отъ выводки лошадей до общаго сбора въ полковой строй. Такая форма изложенія неминуемо должна была явиться одной изъ причинъ того, что одиночное ученье не было совершенно отдѣлено отъ совокупнаго, однако, она имѣла и свои хорошія стороны. Такъ, вслѣдствіе этого: во 1-хъ, обязанности внутренней службы чиновъ эскадрона, тѣсно связанныя со строемъ, не были отнесены въ другіе уставы; во 2-хъ, наглядно для каждаго изъ чиновъ указывалось назначеніе каждаго строя эскадрона, и въ 3-хъ, время слѣдованія ротъ и эскадроновъ на обученіе не обращалось въ обычное слѣдованіе справа по три, а было посвящаемо постоянному разучиванію стройнаго и ловкаго исполненія основныхъ перестроеній; что не отнимало времени отъ другого дѣла въ полѣ и прививало людямъ навыкъ всегда имѣть лошадей въ поводу и укрѣпляться въ сѣдлѣ.

6) Въ приемы обученія конницы дѣйствию оружіемъ положены вполне раціональныя начала: требовалось „порознь“ на скаку обучать рубкѣ болванокъ, „дабы товарищей своихъ собственныхъ не поразить“, или вмѣсто „вострея—плашмя въ самомъ сраженіи не рубить“.

7) Обращаютъ на себя вниманіе также приемы обученія атакѣ. Обученіе распадалось на части, а главнѣйшая цѣль обученія была дать людямъ „лошадей во власти своей имѣть“, развитъ умѣнье поддерживать сомкнутость на быстрыхъ аллюрахъ и дружно съ мѣста брать карьеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, приемы обученія рассыпной и второй атакѣ несомнѣнно благопріятно отзывались на навыкъ къ быстрому сбору послѣ атаки и приученію лошадей къ огню почти въ упоръ изъ сплошнаго строя. Нельзя, однако, не

замѣтить отрицательной стороны приѣмовъ атаки: по уставу требовалось, чтобы часть, уже пущенная въ атаку, останавливалась и потомъ вновь шла въ атаку. Такимъ образомъ, давалось ложное представленіе о самой обстановкѣ атаки и о дѣйствительномъ движеніи подъ выстрѣлами (вторая атака).

8) Главныя свойства сосредоточенныхъ строевъ коннаго полка есть удобство управленія, быстрота развертыванія, удобопримѣнимость строя къ мѣстности, поворотливость, что давало удобства маневрированія.

9) Боевые порядки, предлагаемые уставомъ, просты, гибки, имѣютъ резервъ (2-ю линію), который могъ усилить боевую линію и парировать ударъ съ тыла, имѣютъ обеспеченные фланги и приспособленія къ быстрой перемѣнѣ фронта, не соблюдая даже порядка №№ эскадроновъ.

Однако, боевые порядки имѣли и недостатки: такъ, въ нихъ нѣтъ настойчиваго указанія на значеніе выигрыша фланга непріятели. Въ этомъ случаѣ замѣчается только способность боевого порядка полка парировать подобныя дѣйствія со стороны непріятели. Нѣтъ также настойчиваго указанія атаковать первымъ, и въ этомъ отношеніи наша конница отставала отъ конницы Фридриха Великаго.

10) Правила нашего пѣшаго строя конницы хотя и содержали въ себѣ много лишннихъ частности пѣхотнаго направленія, но въ общемъ не только не уступали принятымъ въ Пруссіи, но во многомъ ихъ превосходили.

Опредѣляя отношеніе устава конницы 1755 г. къ прошлому, т. е. къ уставу для конницы 1731 г., необходимо замѣтить, что первый былъ значительнымъ шагомъ впередъ, такъ какъ въ немъ разсматривались такіе важные вопросы, какъ, на примѣръ, маневрированіе полка, значеніе удара холоднымъ оружіемъ, быстрота развертыванія, поворотливость строя; указывались тѣ начала, которыми слѣдовало руководиться при строевомъ обученіи частей, чего уставъ 1731 г. совсѣмъ не касался; выдѣлялось и особенно подчеркивалось значеніе при атакѣ быстроты движенія, сохраненія сомкнутости на быстрыхъ аллюрахъ и важное значеніе фланговыхъ атакъ; обстоятельно развивалось разъясненіе построеній пѣшаго строя. Этимъ самымъ уставъ приближался къ идеямъ и требованіямъ Петра, съ которыми до нѣкоторой степени не согласовался уставъ конницы 1731 г.

Не смотря, однако, на всѣ свои качества, уставъ конницы 1755 г. не могъ оказать значительнаго вліянія на дѣйствія нашей конницы въ войну съ Пруссіей, такъ какъ, поздно разосланный, онъ не былъ разученъ и достаточно усвоенъ.

Новаго *артиллерійскаго устава* въ царствованіе Императрицы Елизаветы у насъ издано не было, и артиллерія въ этотъ періодъ должна была пользоваться уставомъ 1730 года.

Измѣненія, послѣдовавшія въ матеріальной части артиллеріи, ея составѣ и организаціи, а также въ условіяхъ веденія боя вообще, привели къ тому, что артиллерійскій уставъ 1730 года пересталъ соотвѣтствовать своему назначенію, что и вызвало не вполнѣ удовлетворительныя дѣйствія артиллеріи въ первые годы Семилѣтней войны. Такое положеніе вещей при невозможности, за веденіемъ военныхъ дѣйствій, составить новый уставъ привело уже почти въ концѣ Семилѣтней войны къ созданію „Наставленія для дѣйствія артиллеріи въ бою“.

Основные положенія „Наставленія“, при составленіи котораго былъ всецѣло использованъ боевой опытъ Семилѣтней войны за время съ 1757 г. по 1758 г. включительно, заключались въ слѣдующемъ:

Въ бою полевая артиллерія раздѣлялась между передними двумя линіями боевого порядка, причемъ въ первую линію назначалось $\frac{3}{4}$ всѣхъ орудій, а во 2-ю—только $\frac{1}{4}$ ихъ; кромѣ того, небольшое число орудій оставлялось въ резервѣ.

Орудія первой линіи должны были открывать огонь: большого калибра—бомбами и ядрами съ 750 саж., при чемъ обстрѣливать преимущественно непріятельскую артиллерію, стараясь въ частности зажечь зарядные ящики; малаго калибра и полковыя пушки—съ 400 саж. гранатами и ядрами.

По приближеніи непріятели на 250 саж. стрѣльба должна была производиться по пѣхотѣ и конницѣ картечью, при чемъ сначала только орудіями крупнаго калибра; по мѣрѣ дальнѣйшаго приближенія непріятели къ картечному огню постепенно переходили орудія болѣе мелкаго калибра; такимъ образомъ, полковыя пушки картечный огонь открывали съ дистанціи 70 саж.

Орудія второй линіи должны были располагаться преимущественно на высотахъ, чтобы они могли стрѣлять черезъ голову первой линіи; при этомъ „Наставленіе“ указывало на необходимость обращать вниманіе съ одной стороны на то, чтобы при стрѣльбѣ черезъ головы не повредить своимъ, а съ другой стороны, чтобы при этомъ поражать какъ артиллерію, такъ и прочія войска противника. На обязанность орудій второй линіи возлагалось также обстрѣливаніе тѣхъ частей непріятеля, которыя намѣривались бы съ фланговъ прорваться между линіями нашего боевого порядка.

Резервная артиллерія, составлявшая одну батарею, должна была располагаться по возможности за серединой всего боевого порядка между первой и второй линіями.

Ея главное назначеніе—подкрѣплять ту часть боевого порядка, которая этого требовала. Въ виду этого она должна была быть готовой двинуться по первому приказанію въ каждую данную минуту въ указываемомъ направленіи. На ряду съ этимъ пока резервная артиллерія находилась на мѣстѣ, она должна была дѣйствовать такъ же, какъ и орудія второй линіи.

Во время боя на каждое орудіе придавалось по одному зарядному ящику, который и располагался въ 30 шагахъ отъ орудія; остальные ящики держались въ разстояніи 50 шаговъ.

Передки требовалось ставить въ такихъ мѣстахъ, „кои отъ бомбъ, ядеръ и пуль непріятельскихъ были свободны“, съ тѣмъ, чтобы „каждая команда (фурштадтская) къ своимъ орудіямъ слѣдовала съ поспѣшеніемъ безъ всякой ошибки и конфузій“.

Кромѣ собственно артиллерійской прислуги, предназначенной для дѣйствій и орудій, „Наставленіе“ требовало, чтобы при каждомъ орудіи находилось нѣкоторое число фюзелеръ, главное назначеніе которыхъ было непосредственно защищать орудіе ружейнымъ огнемъ и штыкомъ. Кромѣ того, фюзелеры назначались для различныхъ вспомогательныхъ дѣйствій при орудіяхъ, какъ-то: накатыванія орудія послѣ выстрѣла для снятія съ передковъ, надѣванія на нихъ и т. п.

Число артиллерійской прислуги и фюзелеръ при орудіяхъ было различное, въ зависимости отъ калибра орудія.

Если при арміи былъ артиллерійскій паркъ, то онъ долженъ былъ располагаться за боевымъ порядкомъ въ особомъ вагенбургѣ, который охранялся по возможности людьми, обслуживающими паркъ, а также—деньщиками.

Начальникъ парка обязанъ былъ особенно тщательно наблюдать, чтобы заряды отпускались тѣхъ именно калибровъ, которые требовались бригадами и при томъ „безъ замѣшательства“.

Кромѣ этихъ общихъ указаній, „Наставленіе“ содержало еще частныя требованія относительно дѣйствій артиллеріи при отступленіи и при наступленіи: при отступленіи должно было по возможности все время производить стрѣльбу, при чемъ наблюдать, чтобы отступающія войска не закрывали бы сзади расположенной артиллеріи и не мѣшали бы ей стрѣлять.

При наступленіи артиллеріи указывалось „удержаться отъ картечной стрѣльбы“ въ тотъ моментъ, „когда пѣхота и конница наша учинить нападеніе на непріятеля и съ нимъ смѣшается, дабы не повредить своимъ“.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ это время отъ артиллеріи требовалось, чтобы она „вмѣсто того дѣйствовала бомбами черезъ нихъ, дабы вредить непріятельскимъ сикурсамъ и тѣмъ страхомъ ихъ до соединенія не допускать“, т. е. другими словами, обстрѣливать подходящіе резервы.

„Наставленіе“ заканчивалось весьма энергичнымъ требованіемъ исполнять всѣ его указанія „съ наиприлежнымъ попеченіемъ.... и единодушно стараться, есть-ли гдѣ какое мѣсто ослабѣетъ и требовать будетъ на упалыя мѣста людей или чего много для помощи изъ другихъ мѣстъ, то онымъ по крайней возможности помогать того-жъ часа безъ всякаго медленія“,—т. е. отъ артиллеріи требовалось проявленіе взаимной поддержки въ наибольшей степени.

„Наставленіе для дѣйствія артиллеріи въ бою,“ изданное въ 1760 году, въ связи съ установившейся къ этому времени организаціей артиллеріи давало вполнѣ рациональныя указанія для ея боевой дѣятельности, ставило ее въ

тѣсную связь съ другими родами войскъ въ бою, точно опредѣляя ихъ взаимныя отношенія, отводило артиллеріи соотвѣтствующую ей роль, умѣло используя ея спеціальныя свойства. Къ этому необходимо прибавить, что многія предъявлявшіяся „Наставленіемъ“ требованія являлись разумными новшествами, открывавшими артиллеріи болѣе широкое, чѣмъ прежде, участіе и значеніе въ бою (стрѣльба черезъ головы, выборъ цѣлей въ различные періоды боя, организація питанія снарядами и пр.) и что эти новшества впервые явились въ русской артиллеріи, которая такимъ образомъ сыграла не маловажную роль въ развитіи во всѣхъ отношеніяхъ этого рода войскъ вообще.

Справедливость требуетъ сказать, что такому состоянію русской артиллеріи въ эпоху Семилѣтней войны она обязана главнымъ образомъ своему генераль-фельдцейхмейстеру графу П. И. Шувалову.

Обращаясь къ положеніямъ о *Полевой службѣ*, нужно замѣтить, что ихъ не было ни въ уставѣ пѣхотной службы, какъ это было при Петрѣ I, ни въ уставѣ для конницы. Служба эта неслась по традиціямъ, согласно Воинскаго устава 1716 г., и въ ней царствовалъ полный произволъ, что впоследствии и отразилось дурно на боевыхъ дѣйствіяхъ нашей арміи.

Можно, однако, отмѣтить, что походныя движенія въ началѣ Семилѣтней войны исполнялись нерѣдко въ боевомъ порядкѣ, что влекло за собой медленность движенія. Къ концу войны это, однако, совершенно исчезаетъ: войска двигаются отдѣльными самостоятельными колоннами, между которыми поддерживается связь; впереди арміи двигается легкая конница, составляя непроницаемую завѣсу; за конницей слѣдуетъ сильный авангардъ арміи; отдѣльнымъ колоннамъ предшествуютъ частныя авангарды.

Сторожевые порядки получаютъ должное развитіе, главнымъ образомъ, благодаря правильной постановкѣ подвижного охраненія легкой конницей, какъ дополненія къ охраненію неподвижному. Это достигалось высылкой впередъ неподвижнаго охраненія „малыхъ партій“. Вдали отъ непріятеля вся сторожевая служба возлагалась исключительно на конницу.

Раціонально развивается также развѣдывательная служба, которая основывается на высылкѣ дальнихъ летучихъ развѣздовъ.

Отъ этихъ развѣздовъ требовалось доставлять вѣрныя свѣдѣнія о непріятелѣ, отчего имъ указывалось при встрѣчѣ съ противникомъ „отнюдь не скоро ретироваться, но по малу отступать, силу и намѣреніе, куда маршъ его будетъ, прилежнѣе наблюдать“.

Размѣщеніе войскъ лѣтомъ, какъ вблизи, такъ и вдали отъ противника, производится исключительно бивачнымъ порядкомъ; при этомъ съ 1759 г. замѣчается упорядоченіе хозяйственныхъ условій бивачнаго размѣщенія. При квартирномъ размѣщеніи зимой во время значительныхъ перерывовъ операцій и осады крѣпостей должное вниманіе отдается заботѣ объ обезпеченіи занятаго раіона естественными преградами, а также вопросу о быстротѣ сбора.

Что касается общихъ основаній для построенія войскъ въ боевой порядокъ и для дѣйствій ихъ въ бою въ царствованіе Императрицы Елизаветы, то они по существу были сходны съ Петровскими.

Въ частности боевой порядокъ былъ линейный съ небольшими резервами между 1 и 2 линіями и общимъ резервомъ, который составлялъ третью линію. Сила резервовъ, располагаемыхъ между линіями, была различна, и къ концу Семилѣтней войны они получили названіе полковыхъ резервовъ.

Дистанція между первыми двумя линіями была отъ 300 до 500 шаговъ и зависѣла всецѣло отъ мѣстности.

Въ каждой линіи полки строились развернутыми баталіонами. Полковая артиллерія становилась впереди полковъ, а полевая—въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ батареяхъ, сосредоточенныхъ впереди фронта и на флангахъ, при чемъ за соотвѣтствующимъ расположеніемъ артиллеріи на позиціи должны были слѣдить бригадные генералы пѣхотныхъ дивизій.

Конница располагалась на флангахъ боевой линіи, но часто она, кромѣ того, небольшими частями размѣщалась и между линіями.

Иногда въ зависимости отъ обстановки конница составляла сильный уступъ на флангѣ для парированія обхода или охвата противъ него.

Войска въ такомъ боевомъ порядкѣ располагались на позиціи неравномѣрно, сообразно значенія ея различныхъ участковъ и въ зависимости отъ вѣроятныхъ дѣйствій противника; при этомъ всѣ части боевого порядка строго примѣнялись къ мѣстности. Такое распредѣленіе и расположеніе войскъ на позиціи давало возможность войскамъ неатакованнаго фланга поддерживать бой на важныхъ пунктахъ, а это, въ связи съ наличностью резервовъ, устраняло главнѣйшія неудобства линейнаго порядка—недостатокъ гибкости и неудобство взаимной выручки разныхъ частей боевого построенія.

Въ Семилѣтнюю войну въ зависимости отъ боевой подготовки арміи и степени искусства противника бои русской арміи были преимущественно оборонительные, но велись они чрезвычайно активно и заканчивались при первой къ тому возможности общимъ переходомъ въ наступленіе.

Бой начинался артиллерійскимъ огнемъ, назначеніе котораго сначала было уничтожить артиллерию противника, а потомъ—дѣйствовать противъ пѣхоты и конницы его.

Расположеніе небольшими группами по линіямъ, наличность резерва, стрѣльба черезъ головы пѣхоты,—все это давало артиллеріи возможность оказывать могущественное содѣйствіе пѣхотѣ и конницѣ и придавало ей иногда преимущественное передъ другими родами войскъ значеніе.

Пѣхота должна была непоколебимо выдерживать огонь непріятельской артиллеріи и сама могла открыть огонь, лишь когда „дѣйствительно непріятели достигать можно“. При этомъ огонь долженъ былъ усиливаться по мѣрѣ приближенія противника, для чего она сначала стрѣляла взводами, а затѣмъ—дивизіонами. Во всякомъ случаѣ пѣхота могла начинать стрѣлять только по приказанію начальниковъ дивизій и бригадныхъ командировъ, а сама стрѣльба должна была производиться „безъ торопливости,“ и при „прикладываніи въ полчеловѣка“.

Войска 2-й линіи могли подкрѣпить 1-ю линію только лишь по приказанію „генераловъ“ или для поддержки ея или для отбитія противника, въ случаѣ его прорыва черезъ 1-ю линію и то только въ томъ случаѣ, если резервы, находящіеся между линіями, не въ состояніи были сдѣлать это.

Въ общемъ въ дѣйствіяхъ пѣхоты пользованіе огне-стрѣльнымъ оружіемъ преобладало по сравненію съ такимъ же холоднымъ оружіемъ. Однако, штыкъ все же имѣлъ большее значеніе, что свидѣтельствуется уничтоженіемъ рогатокъ, частыми эпизодами рѣшительной работы штыкомъ и стремленіемъ дѣйствовать колоннами для прорыва тонкаго строя непріятели.

На питаніе боевой линіи патронами было обращено должное вниманіе, при чемъ подноска патроновъ возлагалась на всѣхъ нестроевыхъ нижнихъ чиновъ.

Вообще оставленіе рядовъ какъ для подноски патроновъ, такъ и подъ предлогомъ выноса раненыхъ было строго воспрещено. Для послѣдней цѣли предназначались особыя команды отъ 2-й линіи, при которой также были священники, лекаря и нѣсколько госпитальныхъ телѣгъ.

Сфера дѣятельности конницы въ бою была крайне сужена, такъ какъ у насъ въ то время считали невозможнымъ состязаться на полѣ сраженія съ превосходной конницей противника. Тѣмъ не менѣе, однако, понимая всю выгоду атаки на разстроеннаго противника и при томъ во флангъ, наша конница того времени не упускала случая произвести такую атаку и почти всегда съ большимъ успѣхомъ, оказывая тѣмъ самое рѣшительное содѣйствіе другимъ родамъ войскъ.

Бой заканчивался общею штыковою контръ-атакою „съ барабаннымъ боемъ и музыкой.“

Преслѣдованіе послѣ боя въ разсматриваемую эпоху инструкціями и указаніями старшихъ начальниковъ было разработано достаточно подробно: легкая конница должна была охватывать отступающаго съ тыла и фланговъ, а регулярная конница—преслѣдовать съ фронта.

Однако, на практикѣ преслѣдованія послѣ боя у насъ почти не было, что зависѣло, съ одной стороны, отъ неблагопріятно складывавшейся для этого обстановки, а съ другой стороны,—отъ неспособности большинства кавалерійскихъ начальниковъ того времени.

Необходимо отмѣтить, что приказанія въ бою могли передавать только тѣ лица, которыя имѣли шарфы черезъ плечо или бѣлыя повязки. Вообще принимающій приказаніе

въ бою долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что извѣстное распоряженіе исходило отъ его начальника.

Для полнаго выясненія вопроса о строевой и полевой подготовкѣ русской арміи въ царствованіе Императрицы Елизаветы необходимо было-бы остановиться на приѣмахъ обученія, степени подготовки инструкторовъ, средствахъ, употребляемыхъ для наилучшей подготовки инструкторовъ, а также-требованіяхъ, предъявляемыхъ къ инструкторамъ какъ начальствующими лицами, такъ и самимъ правительствомъ. Но, по сравненію съ эпохой Императрицы Анны *), въ этомъ не произошло никакихъ измѣненій, и необходимо только отмѣтить естественное увеличеніе въ войскахъ офицеровъ, бывшихъ воспитанниковъ Шляхетскаго корпуса, что несомнѣнно должно было оказывать все болѣе и болѣе благотворное вліяніе на поднятіе общаго уровня образованія офицеровъ, на правильное развитіе воинскихъ обычаевъ и на распространеніе въ войскахъ военно-научныхъ знаній. вмѣстѣ съ тѣмъ, запрещено было записывать малолѣтнихъ недорослей въ солдаты раньше 16-ти лѣтъ и для производства офицеровъ изъ нижнихъ чиновъ отъ послѣднихъ требовалось знакомство съ общеобразовательными науками. Все это приводило къ тому, что, съ одной стороны, Петровское требованіе, чтобы молодые офицеры „съ фундамента знали строевое дѣло“, дѣйствительно выполнялось, а съ другой стороны,—позволяло имѣть во главѣ отдѣльныхъ частей войскъ старшихъ начальниковъ, получившихъ совершенно прочное специальное военное воспитаніе, строевую и военно-научную подготовку.

Точно также нельзя отмѣтить какой либо разницы въ тѣхъ условіяхъ жизни арміи, которыя вліяютъ на воспитаніе ея, духъ ея, г. е. внутреннюю жизнь войскъ, зависящую въ значительной степени отъ способовъ расквартированія, господствующей системы наказаній, отношеній начальниковъ къ подчиненнымъ и въ частности отношеній офицеровъ къ нижнимъ чинамъ. По прежнему, оставался неудобный способъ расквартированія, разбрасывавшій полки и отвлекавшій ихъ отъ ихъ прямого назначенія. По прежнему,

*) См. курсъ русск. воен. иск. вып. III.

господствовавшая система наказаній не могла вредно отражаться на духъ арміи. По прежнему, видна была забота о солдатѣ, конечно, въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ духу того времени.

Въ заключеніе должно сказать, что за періодъ отъ вступленія на престолъ Императрицы Анны и до Семилѣтней войны русская армія ничего рѣшительно не потеряла и весьма мало приобрѣла. Такимъ образомъ, на ея дѣйствія и поведение въ Семилѣтнюю войну необходимо смотрѣть, какъ на результатъ жизни и работы арміи въ предшествовавшую эпоху, откуда она, къ тому-же, вынесла значительный боевой опытъ, расширенный, и не безъ пользы, для дальнѣйшей работы на поляхъ Пруссіи, въ борьбѣ съ инымъ противникомъ, на иномъ театрѣ войны.

III. Участіе русскихъ войскъ въ Семилѣтней войнѣ.

1) Причины войны и событія до 1759 года.

Боевая дѣятельность русскихъ войскъ въ царствованіе Императрицы Елизаветы проявилась главнымъ образомъ, почти даже исключительно, во время такъ называемой Семилѣтней войны, когда Россія, въ союзъ съ Австріей, въ теченіе 5 лѣтъ, съ 1757 по 1761 г. включительно, вела борьбу съ Пруссіей, руководимой геніальнымъ королемъ-полководцемъ, Фридрихомъ Великимъ, стоявшемъ во главѣ лучшихъ войскъ того времени.

Стремленіе Фридриха II покончить съ тяжелымъ политическимъ положеніемъ своего молодого королевства, обусловленнымъ, съ одной стороны, черезполосностью и беззащитностью его, а съ другой стороны,—бѣдностью государства въ экономическомъ отношеніи, привело Фридриха къ восьмилѣтней войнѣ, съ перерывами, съ 1740 по 1748 г., съ Австріей, такъ называемой Силезской войнѣ, въ результатъ которой Пруссія приобрѣла Силезію и графство Гладъ, что въ значительной степени усилило политическое и военное положеніе Пруссіи на счетъ Австріи. Такое положеніе,

вещей противорѣчило интересамъ Россіи, что отлично понимали какъ сама Императрица, такъ и ея канцлеръ, Бестужевъ. Однако, въ первое время Россія не предпринимала никакихъ рѣшительныхъ мѣръ противъ быстро возрастающаго могущества Пруссіи.

Это зависѣло отъ личныхъ взглядовъ Бестужева, который, основываясь на взаимныхъ отношеніяхъ Европейскихъ государствъ, полагалъ достигнуть желаемыхъ результатовъ въ дѣлѣ „сокращенія силъ скоропостижнаго короля Прускаго“ успѣхами армій другихъ державъ и, кромѣ того, не только безъ денежныхъ затратъ со стороны Россіи, но еще съ доходомъ для нея.

Въ своемъ стремленіи занять первенствующее значеніе Франція всѣми силами старалась ослабить Германскую Имперію. Слѣдствіемъ этого явилось участіе Франціи по смерти Императора Карла VI въ войнахъ за Австрійское наслѣдство, причемъ своихъ цѣлей Франція рассчитывала достигнуть посредствомъ союза съ Пруссіей, которая являлась естественнымъ соперникомъ Австріи. Результатъ этихъ войнъ, однако, далеко не соотвѣтствовалъ интересамъ Франціи, такъ какъ ослабленную Австрію, въ дѣлѣ соперничества съ Франціей относительно первенствующаго положенія въ Европѣ, повидимому, стремилась занять не въ мѣру усилившаяся Пруссія. Это обстоятельство вынуждало Францію относиться къ союзной Пруссіи съ нѣкоторой осторожностью. Между тѣмъ, результаты Силезскихъ войнъ показали и Австріи, что ея главнымъ врагомъ въ Европѣ является не Франція, а Пруссія. Такое положеніе вещей вполне естественно должно было привести къ сближенію традиціонныхъ враговъ, Франціи и Австріи.

Однако, Франція долго колебалась разорвать съ союзной Пруссіей и заключить договоръ съ Австріей,—не было достаточнаго для этого повода.

Такой поводъ, однако, явился. Въ 1754 году между Англіей и Франціей возникли изъ-за американскихъ колоній недоразумѣнія, которыя легко могли привести къ войнѣ. Въ виду этого, Англія стала очень опасаться за свои ганноверскія владѣнія, которыя могли подвергнуться нападенію союзницы Франціи, Пруссіи. При такихъ обстоятельствахъ Англія стала искать сближенія съ Пруссіей, и король Фрид-

рихъ, не смотря на свой союзъ съ Франціей и на недружелюбныя отношенія послѣдней къ Англіи, нашелъ болѣе выгоднымъ для себя, особенно въ виду переговоровъ Англіи и Россіи, заключить въ январѣ 1755 г. союзъ съ Англіей.

Франція не могла посмотрѣть на такой поступокъ Пруссіи иначе, какъ на измѣну, и это привело къ заключенію въ мартѣ 1756 г. союза между Франціей и Австріей. Но Англія, ведя переговоры съ Пруссіей, одновременно старалась заключить такъ называемый субсидный договоръ съ Россіей. Опасаясь за тѣ-же ганноверскія владѣнія, Англія предложила Россіи, чтобы она за опредѣленное и довольно высокое вознагражденіе содержала на Лифляндской и Литовской границахъ корпусъ въ 55000 человекъ, который долженъ былъ идти за границу, какъ скоро на англійскаго короля или кого-нибудь изъ его союзниковъ сдѣлано будетъ нападеніе. Это вполне совпадало со взглядами Бестужева, и онъ всѣми силами старался, чтобы такой договоръ былъ заключенъ, чего онъ и добился 1-го сентября 1755 г. Однако, ратификація субсиднаго договора была Императрицей отложена въ виду опасенія, что Англія потребуетъ посылки русскихъ войскъ не противъ Пруссіи, ради сокращенія которой и заключался договоръ, а противъ Франціи въ далекія Нидерланды. Опасеніе это основывалось, вѣроятно, на томъ, что въ Россіи знали о переговорахъ Англіи съ Пруссіей, о чемъ и не могла не стараться Австрія, оправдывая свое сближеніе съ давнишнимъ врагомъ Россіи, Франціей.

Тѣмъ не менѣе, Бестужевъ стоялъ на своемъ, и въ длинной запискѣ, поданной Императрицѣ въ январѣ 1756 г. онъ торопитъ Императрицу съ ратификаціей субсиднаго договора. Въ виду этого, въ февралѣ 1756 г. договоръ этотъ былъ ратификованъ, но при размѣнѣ ратификацій англійскому послу была вручена декларация, въ которой категорически указывалось, что Россія пошлетъ свои войска только противъ Пруссіи. На это англійскій посолъ долженъ былъ сообщить о договорѣ Англіи съ Пруссіей, вслѣдствіе чего англо-русскій субсидный договоръ не состоялся. Это показывало ошибочность расчетовъ Бестужева и, вопреки его направленію, неминуемо приводило къ тому, что Россія становилась во враждебное отношеніе не только къ Пруссіи, своему непосредственному врагу, но и къ союзницѣ ея,

Англии; съ другой стороны, поддерживая вполне согласно со своими интересами дружественныя отношенія къ Австріи, Россія естественно должна была сблизиться со своимъ постояннымъ врагомъ, Франціей.

Однако, не смотря на совпаденіе интересовъ Россіи съ интересами Австріи и Франціи, послѣднія двѣ державы, ища сблизенія съ первой, все-же относились къ ней крайне недовѣрчиво.

Крушеніе плановъ Бестужева и новая группировка державъ, въ связи съ его личными расчетами, заставили его предложить Императрицѣ учредить Тайный военный совѣтъ, на обязанность котораго возложено было-бы разсмотрѣніе и направленіе политическихъ и военныхъ дѣлъ. Согласно этому, 14-го марта послѣдовалъ Высочайшій указъ объ учрежденіи Конференціи „для произведенія съ лучшимъ успѣхомъ и порядкомъ весьма важныхъ дѣлъ“ и для скорѣйшаго исполненія ея повелѣній.

Помимо того, что предложенное Бестужевымъ учрежденіе получало иное названіе, оно и дѣйствовать стало сначала не въ духѣ канцлера, а очень энергично: такъ, въ засѣданіи 30-го марта Конференція постановила: 1) привести въ боевую готовность армію, и съ этой цѣлью послѣдовалъ рядъ исполнительныхъ указовъ военной и морской коллегіямъ; 2) съ Вѣнскимъ дворомъ немедленно приступить къ соглашенію и склонить его, чтобы онъ, пользуясь войной Англии съ Франціей, напалъ на Прускаго короля вмѣстѣ съ Россіей.

Вслѣдствіе такого рѣшенія были составлены прелиминарныя условія союзнаго договора съ Австріей, по которому Россія и Австрія взаимно обязывались вести наступательную войну противъ Фридриха II (каждая изъ сторонъ обязывалась выставить 80000 т. человекъ). Цѣлью войны ставилось: возвращеніе Австріи Силезіи и Глаца, а Россія получала Королевскую Пруссію съ правомъ обмѣнять ее Польшою на Курляндію и Семигалию съ исправленіемъ западной границы. 9-го апрѣля эти прелиминарныя условія были вручены австрійскому послу при Русскомъ дворѣ, графу Эстергази, послѣ чего послѣдовалъ рядъ новыхъ распоряженій по приведенію арміи въ готовность.

Но ратификація этого договора сильно замедлялась. Дѣло въ томъ, что Австрія, понимая всю выгоду союза съ Россіей для борьбы съ Пруссіей, какъ всегда, опасалась могущаго быть приращенія Россіи и искала способа воспользоваться услугами Россіи, не давъ ей ничего. Въ виду этого Кауницъ поддерживалъ главную цѣль участія Россіи въ предстоящей войнѣ съ Пруссіей—не допускать чрезмѣрнаго увеличенія могущества послѣдней, но настолько, насколько это было ему нужно для австрійскихъ интересовъ; съ другой стороны, онъ не допускалъ и мысли объ увеличеніи и даже исправленіи границъ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Австрія опасалась, чтобы Россія своею горячностью не подала Фридриху повода предупредить Австрію и напасть на нее всѣми силами, что, по мнѣнію Австріи, могло случиться еще и потому, что на успѣхъ русскихъ разсчитывать было нельзя и что Фридрихъ разобьетъ ихъ весьма скоро.

Все это привело къ тому, что 29-го мая австрійскій посоль при Русскомъ дворѣ, Эстергази, объявилъ, что Австрія не можетъ начать войну съ Пруссіей нынѣшнимъ лѣтомъ, т. е. 1756 года. Одновременно съ этимъ Эстергази объявилъ о заключеніи между Австріей и Франціей союзнаго договора (Версальскій). Вслѣдствіе этого, Конференція рѣшила согласиться съ желаніемъ Вѣнскаго двора, чтобы „здѣшнія приготовленія и движенія не были такъ казисты“, почему всѣ распоряженія по приготовленію русской арміи къ походу были остановлены. Въ то-же время начали принимать мѣры къ сближенію съ Франціей.

Между тѣмъ, Фридрихъ дѣятельно готовился къ войнѣ. Въ виду этого 28-го августа Конференція повелѣла поспѣшно возобновить приготовленія къ войнѣ, а 5-го октября русскія войска двинулись къ Прускимъ границамъ. Къ этому времени договоръ съ Австріей все еще не былъ ратификованъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Вѣнскій дворъ, дорожа болѣе всего союзомъ съ Франціей, поддерживалъ ея требованія, препятствующія проходу русскихъ войскъ черезъ Польшу.

Такимъ образомъ, отношенія съ Австріей, этой естественной союзницей въ дѣлѣ „сокращенія силъ скоропостижнаго короля Прусскаго“, далеко не имѣли жела-

тельнаго характера и не могли въ должной мѣрѣ способствовать благопріятнымъ результатамъ нашей борьбы съ Пруссіей.

Неизбѣжное сближеніе Австріи съ Франціей, съ одной стороны, и желаніе Конференціи понудить Австрію къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Пруссіи приводили къ восстановленію добрыхъ отношеній между Россіей и Франціей, нарушенныхъ англофильскими тенденціями Бестужева. Но, не смотря на все желаніе Франціи сблизиться съ Россіей, она въ то время считала для себя необходимымъ, по прежнему, препятствовать усиленію русскаго вліянія въ Польшѣ, особенно имѣя въ виду смерть короля Августа III и королевскіе выборы, вслѣдствіе чего высказывалась противъ прохода русскихъ войскъ черезъ Польшу. Кроме того, Франція считала также необходимымъ не подавать вида, что можетъ пожертвовать турецкими интересами въ пользу Россіи. Все это долго тормозило присоединеніе Россіи къ Версальскому договору. Только 31-го декабря 1756 г. Россія, наконецъ, приступила къ союзу Австріи и Франціи, но и то при существенныхъ оговоркахъ: хотя Россія и должна была помогать Франціи противъ Англіи войсками, но Франція Россіи противъ Турціи—только деньгами. Все это, конечно, не могло не поселить извѣстной сдержанности въ отношеніяхъ еще недавнихъ враговъ, и такимъ образомъ, отношенія Россіи и къ другому изъ наиболѣе могущественныхъ союзниковъ не могли считаться вполне благопріятными для рѣшенія русско-прусской борьбы.

Участіе Саксоніи въ Силезскихъ войнахъ противъ Пруссіи и ея географическое положеніе (въ тылу Моравіи и Богеміи) заставляли Фридриха, въ борьбѣ его съ Австріей, стремиться къ занятію этого королевства, что, въ свою очередь, дѣлало Саксонію однимъ изъ усерднѣйшихъ членовъ коалиціи, направляемой противъ Пруссіи.

Въ интересахъ Россіи было поддержать слабую Саксонію, почему еще въ іюлѣ 1756 г. было рѣшено отправить туда 30—35-тысячный корпусъ, но нежеланіе Австріи содѣйствовать пропуску русскихъ войскъ черезъ Литву и Польшу воспрепятствовало осуществиться этому намѣренію. Самымъ важнымъ вопросомъ въ Польшѣ, по отношенію къ

русскимъ интересамъ, былъ теперь вопросъ о свободномъ проходѣ русскихъ войскъ черезъ владѣнія республики. Важность этого вопроса увеличивалась стратегическимъ значеніемъ, которое имѣла для Россіи въ ея борьбѣ съ Пруссіей Курляндія.

Какъ только Россія стала серьезно готовиться къ войнѣ съ Пруссіей, то прежде всего начала хлопотать о пропускѣ русскихъ войскъ черезъ Польшу, но встрѣтила тамъ сильное сопротивленіе со стороны партіи, преданной французамъ, которая говорила, что это дастъ поводъ и пруссакамъ идти черезъ Польшу, и можетъ привести въ движеніе и Оттоманскую Порту. Австрія въ этомъ случаѣ тоже не была на сторонѣ Россіи. Это обстоятельство не позволяло нашему послу при Саксоно-Польскомъ дворѣ дѣйствовать съ необходимой рѣшительностью въ дѣлѣ „перепущенія“ войскъ черезъ Польшу и Литву, и вопросъ этотъ къ началу войны еще не былъ рѣшенъ, что, очевидно, должно было нѣсколько стѣснять Россію при ея стратегическихъ операціяхъ противъ Пруссіи.

Перемѣна отношеній Россіи къ Англіи и Франціи естественно должна была сильно отозваться на отношеніяхъ къ Швеціи.

Здѣсь крайне были поражены англо-прусскимъ договоромъ и были крайне недовольны Пруссіей за Францію. Возстановленіе дипломатическихъ отношеній Франціи съ Россіей, къ которымъ въ Швеціи относились крайне различно, такъ-же произвело тамъ сильное впечатлѣніе. Находясь въ дружбѣ съ Франціей, Швеція естественно не могла теперь сочувствовать Пруссіи. Вслѣдствіе-же этого, въ связи съ возстановленіемъ отношеній Франціи съ Россіей, даже враждебная послѣдней Сенатская партія не могла не сочувствовать мѣрамъ Россіи противъ Пруссіи. На этой почвѣ явилась даже возможность для Россіи, по предложенію Австріи, начать склонять Швецію на производство диверсіи противъ Пруссакаго короля, нападеніемъ на его владѣнія.

Во всякомъ случаѣ, со стороны Швеціи Россіи нельзя было ожидать помѣхи въ предстоящей борьбѣ ея съ Пруссіей.

Опаснѣе Швеціи казалась Турція, на которую Фридрихъ II обратилъ прежде всего вниманіе въ поискахъ

средствъ для отвлеченія русскихъ силъ отъ Пруссіи. Союзъ Пруссіи съ Англіей признавался Турціей какъ-бы измѣной Пруссіи Франціи и вызывалъ недовольство противъ первой. Но съ другой стороны, въ союзъ дружественной Франціи со злѣйшимъ своимъ врагомъ, Австріей, турки видѣли измѣну Франціи и, не смотря на увѣренія французскаго посла, что договоръ Франціи съ Вѣнскимъ дворомъ нисколько не касается Порты, а только—Европейскихъ державъ, Порта выказывала симпатіи англійскому послу и рѣшила, что если и Россія будетъ увлечена Австріей во французскій союзъ, то надо искать дружбы съ Прусскимъ королемъ. При такихъ натянутыхъ обстоятельствахъ считали нужнымъ соблюдать большую осторожность со Славянскими подданными Порты, и съ этой точки зрѣнія Порта не безпокоилась. Но предстоящее движеніе осенью 1756 г. русскихъ войскъ черезъ Польшу сильно не нравилось Турціи, и она заявила по этому поводу свое неудовольствіе. Рѣшительный отвѣтъ нашего посла, Обрѣзкова, заявившаго, что Россія во что-бы то ни стало подастъ помощь своимъ союзникамъ, и увѣренія его, что движеніе русскаго войска черезъ Польшу происходитъ не для завоеванія ея или отторженія нѣкоторыхъ ея областей, но единственно для поданія помощи союзникамъ, нѣсколько успокоили Порту, и она не настаивала на своихъ требованіяхъ.

Въ общемъ, поведеніе Порты передъ войной съ Пруссіей не подавало еще повода Россіи къ серьезнымъ опасеніямъ, и въ этомъ отношеніи считали возможнымъ ограничиться отправкой гетмана Разумовскаго въ Малороссію для наблюденія за безопасностью южныхъ границъ.

Изъ изложеннаго политическаго очерка передъ войной Россіи съ Пруссіей въ царствованіе Императрицы Елизаветы слѣдуетъ:

1) что война эта была предпринята въ полномъ соотвѣтствіи съ интересами Россіи, такъ какъ политическая цѣль войны—воспрепятствованіе развитію могущества Пруссіи—вполнѣ отвѣчала этимъ интересамъ.

2) Рѣшивъ правильно вопросъ о необходимости войны и объ ея политической цѣли, наша дипломатія не сумѣла, однако, разобраться въ сложной, правда, тогдашней политической обстановкѣ, оцѣнить взаимныя отношенія различ-

ныхъ государствъ и ихъ стремленія въ соотвѣтствіи съ ихъ интересами. Вслѣдствіе этого, явились ошибки какъ въ комбинаціи необходимыхъ союзовъ, такъ и въ характерѣ дѣйствій, что, въ свою очередь, привело къ тому, что дѣйствія всей нашей арміи явились неожиданностью для нея, что политика, не успѣвъ уяснить себѣ обстановки, не могла, конечно, принять мѣръ и къ улучшенію ея съ цѣлью поставить армію въ этомъ отношеніи въ наилучшія условія. Другими словами, необходимо признать, что политика въ данномъ случаѣ совершенно не выполняла своихъ обязанностей передъ стратегіей, и наша армія передъ Семилѣтной войной должна была считаться еще съ однимъ крайне серьезнымъ затрудненіемъ, которое неминуемо должно было отразиться неблагопріятно на ея операціяхъ. Но не выполнивъ своей прямой обязанности, политика въ то-же время вмѣшалась въ дѣло стратегіи и, настоявъ на образованіи Конференціи, создала препятствіе для самостоятельныхъ дѣйствій Главнокомандующихъ нашей арміи, что уже прямо пагубно вліяло на ея дѣйствія.

Главнокомандующимъ нашей арміи, назначенной для дѣйствій противъ Пруссіи въ 1756 г., былъ назначенъ Апраксинъ, которому 5-го октября была дана инструкція, обязывавшая его двинуться къ Прусскимъ границамъ.

Пререканія Апраксина съ Конференціей по поводу данной ему инструкціи, и навязываемыхъ ему плановъ кампаніи, а также значительныя затрудненія, которыя встрѣтилъ Апраксинъ при приведеніи его арміи въ полную готовность для заграничнаго далекаго похода, привели къ тому, что русская армія только весной 1757 г. могла открыть кампанію.

Армія Апраксина, силой около 90—100000 человекъ, имѣла главной цѣлью „наступать всѣми колоннами въ Пруссію и прочныя начать операціи, имѣя главнымъ предметомъ г. Кенигсбергъ“ *).

Только въ началѣ мая главныя силы русской арміи начали сосредоточиваться въ Ковнѣ, а отдѣльный корпусъ Фермора двинулся противъ Мемеля съ цѣлью взятіемъ его

*) См. схему № 1.

установить связь съ флотомъ и пріобрѣсти пунктъ, удлинявшій базу и придававшій ей охватывающее направленіе.

25-го іюня Мемель былъ взятъ, послѣ чего русская армія двумя массами (отъ Мемеля и отъ Ковны) направилась къ Кенигсбергу.

Оборона восточной Пруссіи Фридрихомъ была поручена фельдмаршалу Левальду съ 30000 человекъ. Расположивъ свои главныя силы въ районѣ Тильзитъ - Инстербургъ - Норденбургъ, старый фельдмаршалъ рѣшилъ дѣйствовать строго пассивно, а при наступленіи русскихъ — отступать внутрь страны, прикрывая Кенигсбергъ, уничтожить запасы и принять бой лишь при самыхъ выгодныхъ условіяхъ.

Получивъ свѣдѣніе о капитуляціи Мемеля, Левальдъ дѣйствительно отступилъ къ Велау, гдѣ и сосредоточилъ свою армію къ 13-му іюля.

Получивъ вскорѣ свѣдѣніе о медленномъ наступленіи русской арміи въ двухъ группахъ, Левальдъ рѣшилъ воспользоваться такимъ раздѣленіемъ противника и разбить его по частямъ.

Между тѣмъ, благодаря вялости дѣйствій пруссаковъ, 8-го августа русская армія вся полностью сосредоточилась у Старкенигенъ и продолжала движеніе сначала на Тапіау. Тогда Левальдъ занялъ сильно укрѣпленную позицію у Таплакена впереди Велау.

Не желая атаковать эту позицію и стремясь заставить пруссаковъ принять бой при наиболѣе для нихъ невыгодныхъ условіяхъ, Апраксинъ 12-го августа свернулъ на Алленбургъ и, переправившись черезъ Прегель, 17-го августа сосредоточилъ свою армію къ Норкитену.

Левальдъ, узнавъ въ этотъ день объ угрожавшемъ ему обходѣ, быстро переправился черезъ Прегель и сталъ со всей своей арміей у Пушдорфа, занявъ фланговое положеніе относительно пути слѣдованія русскихъ отъ Норкитена къ Алленбургу и рѣшивъ 19-го августа внезапно атаковать Апраксина. Это рѣшеніе привело къ случайному для насъ сраженію у Гроссъ-Егерсдорфа.

Не смотря на то, что это сраженіе было для насъ случайнымъ, пруссаки потерпѣли здѣсь полное пораженіе и принуждены были отступить къ Велау. Апраксинъ не преслѣдовалъ ихъ и вслѣдствіе этого соприкосновеніе съ

противникомъ было потеряно; тѣмъ не менѣе, русская армія продолжала движеніе къ Алленбургу, куда и прибыла 25-го августа.

Однако, неудовлетворительная организація доставки продовольствія и вообще неустройство тыла въ предѣлахъ восточной Пруссіи заставили Апраксина, по единогласному рѣшенію военнаго совѣта, собраннаго имъ 27-го августа, отступить къ Тильзиту съ тѣмъ, чтобы, пополнивъ свои запасы, вновь двинуться къ Кенигсбергу.

Отступившій къ Кенигсбергу, Левальдъ 4-го сентября, когда наша армія прошла черезъ Инстербургъ, понявъ, въ чемъ дѣло, двинулся за Апраксинымъ.

Усилившаяся болѣзненность въ русской арміи, полное разстройство матеріальной части и конскаго состава, скудные запасы въ Тильзитѣ, позднее осеннее время и неудовлетворительность дорогъ—заставили русскаго Главнокомандующаго, прибывъ въ Тильзитъ, отказаться отъ наступленія въ эту кампанію и отойти къ Мемелю. Въ первыхъ числахъ октября армія достигла Мемеля, и отсюда стала расходиться на зимнія квартиры въ Курляндіи и въ Литвѣ.

Еще во время движенія арміи отъ Тильзита къ Мемелю въ октябрѣ 1757 г. фельдмаршалъ Апраксинъ былъ отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду за неудачный исходъ кампаніи 1757 г. Вмѣсто него Главнокомандующимъ былъ назначенъ графъ Ферморъ.

Новый Главнокомандующій, принявъ армію, предполагалъ прежде всего привести ее въ порядокъ, а затѣмъ весной 1758 г. открыть кампанію съ той-же цѣлью—занять восточную Пруссію.

Между тѣмъ, Левальдъ, исполняя повелѣніе Фридриха, со всей своей арміей двинулся въ Померанію, оставивъ для обороны восточной Пруссіи 6 гарнизонныхъ ротъ и нѣсколько десятковъ гусаръ.

Въ виду этого и по политическимъ соображеніямъ Конференція предписала Фермору по первому зимнему пути двинуться въ восточную Пруссію и занять Кенигсбергъ.

31-го декабря 1757 г. русскія войска начали наступленіе, а уже 11-го января Ферморъ занялъ безъ боя Кенигсбергъ, а затѣмъ— всю восточную Пруссію, которая

была обращена въ русское генераль-губернаторство во главѣ съ Ферморомъ.

Такимъ образомъ, зимой 1758 г. была достигнута поставленная цѣль участія Россіи въ войнѣ противъ Фридриха—восточная Пруссія была занята и формально присоединена къ русскимъ владѣніямъ. Теперь нужно было силой оружія удержать вновь пріобрѣтенный край.

Съ этой цѣлью Конференція въ апрѣлѣ предписала Фермору, армія котораго располагалась на зимнихъ квартирахъ по правому берегу Нижней Вислы, наступать къ р.р. Нетцъ и Вартъ и оперировать къ Кюстрину, имѣя цѣлью войти въ связь со шведами, которые въ это время оперировали въ Шведской Помераніи.

Пользуясь тѣмъ, что Фридрихъ въ это время обратилъ свое вниманіе на австрійцевъ и на сѣверѣ оставилъ незначительныя силы, Ферморъ въ концѣ мая вступилъ въ Померанію, а въ концѣ іюня сосредоточилъ свои главныя силы у Познани, прикрывая правый флангъ и тылъ коннымъ отрядомъ Румянцева, весьма искусно выполнившимъ свою задачу.

1-го іюля армія выступила изъ Познани по направленію къ Франкфурту и у Мезерича оставалась до 15-го іюля въ ожиданіи прибытія подкрѣпленій, въ видѣ особаго Обсервационнаго 30-тысячнаго корпуса Броуна, который двигался отъ Торна. Въ это-же время наша конница заняла Дризенъ и Ландсбергъ.

Между тѣмъ, графъ Дона, назначенный съ арміей въ 20000 дѣйствовать противъ русскихъ, въ половинѣ іюля сосредоточилъ свои войска за Одеромъ на линіи Кюстринъ-Франкфуртъ.

Наша конница вошла въ соприкосновеніе съ Прусскою конницею, а между тѣмъ, къ Фермору прибылъ давно ожидаемый корпусъ Броуна, но въ составѣ не 30, а всего 12-тысячъ, и то сильно утомленныхъ.

Вслѣдствіе этого Ферморъ рѣшилъ уклониться отъ боя и отойти за Варту

Бездѣйствіе пруссаковъ позволило Фермору безпрепятственно совершить со своей арміей опасный фланговый маршъ, и къ 1-му августа его главныя силы заняли Ландсбергъ, а корпусъ Броуна-Шверинъ.

3-го августа большая часть русской арміи, по постановленію военнаго совѣта, двинулась къ Кюстрину съ цѣлью овладѣть этой крѣпостью. 4-го августа русскія войска подошли къ Кюстрину и въ этотъ-же день приступили къ бомбардированію крѣпости. Бомбардированіе Кюстрина шло очень успѣшно и продолжалось до 12-го августа.

Въ это время Румянцевъ съ одной дивизіей занялъ Шведтъ, чтобы войти въ связь со шведами. Между Кюстринымъ и Шведтомъ дѣйствовали наши незначительные отряды конницы.

Фридрихъ Великій, видя опасность въ сосредоточеніи на нижней Вартѣ, въ 100 верстахъ отъ Берлина, русской арміи, рѣшилъ дѣйствовать противъ нея рѣшительно. Поэтому, оставивъ въ Силезіи противъ австрійцевъ сильный отрядъ, Фридрихъ съ 14 баталіонами и 38 эскадронами 31-го іюля двинулся отъ Ландсгута къ Одеру съ цѣлью, соединившись съ графомъ Дона, атаковать русскихъ.

10-го августа Фридрихъ соединился подъ Кюстринымъ съ отрядомъ графа Дона. Убѣдившись въ растянутомъ положеніи русскихъ, Фридрихъ 12-го августа началъ переправляться черезъ Одеръ у Дюстенбизе съ цѣлью разрѣзать русскую армію и разбить ее по частямъ, направивъ первый ударъ противъ Фермора.

Вечеромъ 12-го августа Ферморъ получилъ свѣдѣнія о переправѣ всей арміи Фридриха, и потому въ ночь на 13-е началъ отступать къ Цорндорфу, гдѣ 13-го августа и занялъ позицію на лѣвомъ берегу болотистой рѣки Митцель. Здѣсь сосредоточилось 55 баталіоновъ и 21 эскадронъ русскихъ, всего 42000 при 240 орудіяхъ.

Силы Фридриха состояли изъ 38 баталіоновъ и 83 эскадроновъ, всего 32000 при 116 орудіяхъ.

Не смотря на численное превосходство русскихъ, Фридрихъ рѣшился во что-бы то ни стало атаковать противника; Ферморъ-же не допускалъ мысли объ отступленіи и рѣшилъ принять бой у Цорндорфа.

14-го августа произошло Цорндорфское сраженіе, въ результатъ котораго обѣ арміи разбились другъ о друга: Фридриху не удалось нанести сколько-нибудь рѣшительнаго

пораженія русской арміи, которая сохранила за собой поле сраженія. Правда, къ концу боя русская армія была отрѣзана отъ своего пути отступленія, но Фридрихъ, за истощеніемъ своихъ войскъ, не могъ воспользоваться этимъ.

Извѣстія объ операціяхъ союзниковъ въ Саксоніи и Лузаціи вынудили Фридриха 21-го августа поспѣшить туда, оставивъ противъ русскихъ силъ графа Дона съ 16—19000; Ферморъ-же, сосредоточивъ всю свою армію, 22-го августа перешелъ въ Ландсбергъ.

Въ сентябрѣ рѣшено было перенести дѣйствія въ Померанію и постараться взять Кольбергъ, чтобы открыть арміи подвозъ запасовъ моремъ и поставить ее этимъ въ меньшую зависимость отъ сухопутныхъ сообщеній.

19-го сентября Ферморъ занялъ Статгартъ, а отрядъ Пальменбаха приступилъ къ осадѣ Кольберга. Недостатокъ въ продовольствіи заставилъ Фермора въ началѣ октября отъ Статгарта отойти къ Темпельбургу. Поэтому, опасаясь нападенія пруссаковъ, Пальменбахъ снялъ осаду Кольберга и 28-го октября присоединился къ Фермору у Тампельбурга.

Здѣсь Ферморъ получилъ приказаніе Конференціи кончить кампанію и отойти на зимнія квартиры на правый берегъ Вислы, что и было исполнено къ 15-му ноября.

Расположившись на квартирахъ на правомъ берегу нижней Вислы, русская армія, усиленно занялась приведеніемъ себя въ боевую готовность: къ ней прибыло укомплектованіе, въ количествѣ 10000 человекъ; была пополнена убыль въ конскомъ составѣ; пополнена потерянная въ сраженіи подъ Цорндорфомъ артиллерія; старыя пушки замѣнены новыми, болѣе усовершенствованными Шуваловскими гаубицами.

Такимъ образомъ, лѣтняя кампанія 1758 года была для Россіи совершенно безрезультатна. Тѣмъ не менѣе, восточная Пруссія, по прежнему, оставалась въ нашихъ рукахъ, и русская армія занимала очень выгодное стратегическое положеніе, позволявшее развивать энергичныя дѣйствія противъ Пруссіи.

Къ сожалѣнію, вліяніе австрійской дипломатіи, проявлявшееся отчасти и раньше, стало все больше и больше тяготѣть надъ стратегическими операціями русской арміи;

направляя ихъ исключительно только къ выгодѣ Австріи и совершенно не считаясь съ интересами Россіи вообще и русской арміи въ частности. Ближайшимъ же слѣдствіемъ этого явилась крайняя зависимость русскихъ отъ австрійскихъ дипломатовъ и главнокомандующихъ. Это же въ высшей степени стѣсняло нашихъ главнокомандующихъ, связывало имъ руки, вызывало съ ихъ стороны не мало усилій, чтобы направлять операціи въ соотвѣтствіи съ боевою обстановкою, и нерѣдко ставило ихъ въ необходимость дѣйствовать не въ полномъ согласіи съ этой обстановкою.

2) Кампанія 1759 г.

а) Пальцигская операція.

Къ началу 1759 г. общее положеніе на театрѣ войны было слѣдующее *): союзныя арміи располагались: 125000 французовъ—на Рейнѣ и Майнѣ, 45000 Имперцевъ—во Франконіи, 155000 австрійцевъ—вдоль границы Богеміи, 16000 шведовъ—у Стральзунда и 50000 русскихъ—на нижней Вислѣ.

Такимъ образомъ, 440000 союзныхъ войскъ окружали со всѣхъ сторонъ владѣнія Фридриха, который вмѣстѣ съ гарнизономъ крѣпостей имѣлъ около 220000, изъ которыхъ только 23000 графа Дона—на сѣверо-восточномъ фронтѣ противъ русскихъ. Самъ Фридрихъ былъ въ Силезіи.

Такое положеніе вещей, въ связи съ истощеніемъ матеріальныхъ средствъ Пруссіи, вынуждало Фридриха въ 1759 г. отказаться отъ рѣшительныхъ операцій и прибѣгнуть къ маневрамъ и другимъ вспомогательнымъ средствамъ и способамъ для продолженія борьбы.

Но въ то-же время отсутствіе единства и общности интересовъ у союзниковъ препятствовало и имъ дѣйствовать энергично, направляя всѣ усилія къ достиженію одной общей цѣли.

Планъ кампаніи 1759 года былъ составленъ всецѣло подъ вліяніемъ Австріи и вопреки интересамъ Россіи.

*) См. схему № 2.

Согласно этому плану, русская армія, оставивъ на нижней Вислѣ 10000 чел. и сосредоточившись въ маѣ къ Познани *), должна была двинуться къ Одеру и здѣсь гдѣ-нибудь между Франкфуртомъ и Бреславлемъ соединиться съ австрійской арміей. Дальнѣйшія дѣйствія планомъ кампаніи не намѣчались и планъ только указывалъ, что они должны будутъ вестись въ зависимости отъ обстановки; гдѣ именно должно произойти соединеніе союзныхъ армій, какая основная идея дальнѣйшихъ, послѣ соединенія армій, операций,—все это не было сообщено русскому главнокомандующему и онъ относительно этого оставался въ полномъ невѣдѣніи.

Такимъ образомъ, въ сущности говоря, въ 1759 г. русская дѣйствующая армія предоставлялась въ распоряженіе Австріи, хотя ея главнокомандующій не подчинялся австрійскому главнокомандующему. Очевидно, что Вѣнскій гофкригсратъ имѣлъ намѣреніе, при посредствѣ Петербургской конференціи, руководить стратегическими операціями обѣихъ армій.

При такихъ условіяхъ положеніе главнокомандующаго русской арміи нельзя не признать въ высшей степени тяжелымъ: съ одной стороны, онъ долженъ былъ вести операціи, попирая основныя требованія военнаго дѣла, а съ другой стороны,—вести ихъ вопреки интересамъ Россіи.

По отношенію австрійской и русской армій положеніе Фридриха въ Силезіи было весьма для него выгодно, такъ какъ, благодаря этому, онъ разобщалъ войска этихъ армій, могъ помѣшать ихъ соединенію и разбить ихъ по частямъ.

Вслѣдствіе этого ближайшей задачей союзниковъ въ кампанію 1759 года было постараться при помощи маневрированія избѣгнуть отдѣльнаго пораженія.

Во исполненіе намѣченнаго плана въ маѣ 1759 г. Ферморъ съ арміей въ 60000 человекъ нѣсколькими колоннами двинулся отъ нижней Вислы къ средней Вартѣ. Далеко впереди арміи двигалась конница, составлявшая непроницаемую завѣсу.

*) См. схему № 1.

Въ серединѣ іюня войска наши сосредоточились въ Познани.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ были крайне недовольны нераспорядительностью Фермора по снабженію арміи нѣкоторыми предметами довольствія, и въ маѣ послѣдовало назначеніе главнокомандующимъ графа Петра Семеновича Салтыкова.

19-го іюня Салтыковъ прибылъ въ Познань и здѣсь принялъ отъ Фермора армію, которая считала въ своихъ рядахъ не болѣе 40000 человекъ.

Графъ Ферморъ остался при арміи въ качествѣ начальника одной изъ двухъ дивизій, на которыя она подраздѣлялась. Въ Познани графъ Салтыковъ условился съ австрійскимъ главнокомандующимъ Дауномъ соединиться съ нимъ 7-го—8-го іюля или у Кроссена, или у Королата.

Вслѣдствіе этого Салтыковъ, какъ только получилъ возможность двинуться изъ Познани, искренно стремится возможно скорѣе прибыть къ Кроссену. Имѣя одну эту задачу, какъ главнѣйшую цѣль своихъ первоначальныхъ операцій, нашъ главнокомандующій, не примѣшивая въ свои стратегическія дѣйствія никакихъ политическихъ соображеній, принимаетъ всевозможныя мѣры для выполненія этой задачи.

Между тѣмъ, ко времени прибытія Салтыкова въ Познань бездѣйствіе австрійцевъ дало возможность Фридриху подкрѣпить войска графа Дона въ Помераніи. При этомъ графъ Дона получилъ назначеніе, оставивъ для наблюденія за шведами 5000 человекъ, со всѣми остальными силами служить подвижнымъ заслономъ противъ русской арміи. Во исполненіе этой задачи графъ Дона съ 30000 къ 1-му іюня прибылъ въ Ландсбергъ. Здѣсь онъ болѣе двухъ недѣль оставался въ полномъ бездѣйствіи, что и позволило русскимъ беспрепятственно сосредоточиться у Познани. Только ко времени прибытія къ русской арміи новаго главнокомандующаго графъ Дона перешелъ въ наступленіе и 20-го іюня занялъ Оборникъ, выславъ конные отряды по направленію къ Познани и въ тылъ нашей арміи для дѣйствія на ея сообщенія съ Бромбергомъ.

Тогда 27-го іюня Салтыковъ переходитъ въ наступленіе противъ пруссаковъ, направивъ объединенную въ рукахъ

молодого генерала, графа Тотлебена, нерегулярную конницу на сообщенія пруссаковъ.

Но Дона рѣшительно уклонился отъ боя, и 1-го іюля отошелъ въ Мезеричъ. Наша армія двинулась за отступившимъ непріателемъ черезъ Янковицы, и 3-го іюля заняла Заморжи.

Дальнѣйшее слѣдованіе русской арміи за Дона не отвѣчало обстановкѣ: Дона уклонялся отъ боя, австрійцы бездѣйствовали и помочь намъ не могли, Фридрихъ, по слухамъ, намѣревался обрушиться на Салтыкова. При такихъ обстоятельствахъ, преслѣдуя главнѣйшую цѣль, поставленную ему Конференціей—соединеніе съ австрійцами, Салтыковъ принимаетъ весьма смѣлое рѣшеніе: не обращая вниманіе на Дона, двинуться черезъ Бегченъ къ Цюлихау и затѣмъ, въ зависимости отъ обстоятельствъ,—къ Кроссену или Королату. Это рѣшеніе было тѣмъ болѣе смѣло, что австрійцы въ это время не предпринимали никакихъ дѣйствій, которыя могли-бы способствовать исполненію условленнаго плана операцій: Даунъ съ 135000, достигнувъ Марклиссы, остановился здѣсь на сильной позиціи и ожидалъ результатовъ перваго столкновенія русскихъ съ пруссаками; между тѣмъ, какъ Фридрихъ въ это время находился у Наумбурга, т. е. между австрійцами и русскими.

6-го іюля Салтыковъ, во исполненіе принятаго имъ рѣшенія, выступилъ—изъ Заморжи и 9-го іюля достигъ Гольцына.

Узнавъ о движеніи Салтыкова, Дона быстро перешелъ отъ Мезерича черезъ Швибусъ къ Цюлихау, который успѣлъ захватить 10-го іюля раньше прибытія туда русскихъ, и такимъ образомъ занялъ разобщающее положеніе относительно союзниковъ.

При такихъ условіяхъ Салтыкову приходилось или атаковать пруссаковъ на позиціи у Цюлихау, или двинуться мимо Цюлихау на Пальцигъ къ Кроссену. Зная, что позиція у Цюлихау очень сильна и имѣя свѣдѣнія, что у Веделя, смѣнившаго Дона и получившаго инструкцію во что-бы то ни стало мѣшать соединенію русскихъ съ австрійцами, имѣется около 60000 человекъ, Салтыковъ рѣшилъ двинуться мимо Цюлихау на Пальцигъ къ Кроссену.

Раіонъ Гольцынъ-Пальцигской операціи *) ограничивается на востокѣ Войноверскимъ озеромъ и р. Обра; на югѣ—р. Одеръ отъ впаденія въ нее р. Обры у Чихерзига до м. Блумберга; на западѣ—болотисто-овражистымъ ручьемъ, протекающимъ черезъ озеро Галгеосъ на д. Гольмеръ къ м. Блумбергу, и на сѣверѣ—лѣсистыми буграми, идущими отъ верховьевъ упомянутаго ручья на д.д. Рентшенъ, Риссенъ, Буковъ къ Гольцыну.

Раіонъ этотъ покрытъ лѣсами и кустами съ болотистой почвой и пересѣкается большимъ числомъ болотистыхъ ручьевъ, что въ высшей степени затрудняло маневрированіе войскъ. Однако, раіонъ былъ богатъ дорогами, узлами которыхъ являлись Цюлихау и Пальцигъ.

Цюлихау, располагаясь на довольно большомъ открытомъ пространствѣ и запирая удобнѣйшій путь отъ Гольцына къ Кроссену, находился почти въ центрѣ раіона и потому кто владѣлъ Цюлихау и лежащей къ сѣверу отъ него горой Эйхбергъ, тотъ могъ оказывать самое рѣшительное вліяніе на движеніе по всѣмъ дорогамъ раіона.

Пальцигъ былъ узломъ дорогъ, проходящихъ съ востока черезъ переправы на болотистыхъ ручьяхъ, которые перерѣзали раіонъ съ сѣверо-востока на юго-западъ, западнѣе Цюлихау, и направляющихся далѣе къ Кроссену, ближайшей цѣли Салтыкова.

Всѣ эти дороги къ Кроссену проходили черезъ обширный лѣсъ по правому берегу р. Одера, а потому тотъ, кто хотѣлъ владѣть Кроссеномъ, долженъ былъ держать въ своихъ рукахъ выходы изъ этого лѣса. Такіе выходы были у Пальцига и Кая.

Указанныя условія мѣстности, въ связи съ тѣмъ, что Цюлихау было занято пруссаками, вынуждали Салтыкова двигаться по сѣверной части раіона, заставляли его возможно скорѣе занять Пальцигъ, указывали на необходимость совершать движеніе съ чрезвычайной осторожностью, и въ общемъ дѣлали выполненіе его задачи крайне затруднительнымъ.

*) См. схему № 3.

11-го іюля утромъ въ день, когда Салтыковъ, стремясь къ соединенію съ австрійцами, рѣшилъ продолжать движеніе къ Кроссену, избѣгая боя съ пруссаками, обѣ арміи занимали слѣдующее положеніе:

Главные силы русскихъ стояли въ лагерѣ у д. Гольцынъ, имѣя слабые наблюдательные отряды легкой конницы Зорича въ Лангемейльскомъ лѣсу, который отдѣлялъ Гольцынъ отъ Цюлихау, и форпосты Тотлебена—въ направленіи къ д. Букова, которая лежала на продолженіи линіи Цюлихау-Эйхбергъ, и на самой сѣверной дорогѣ изъ Гольцына въ Пальцигъ.

Небольшой отрядъ Мордвинова (6 баталіоновъ и нѣсколько эскадроновъ драгунъ) съ обозомъ приближался къ Гольцыну и былъ отъ него около перехода назадъ.

Главные силы прусской арміи расположились около горы Эйхбергъ, меньшая ихъ часть занимала Цюлихау, гдѣ была и квартира Веделя. Никакихъ развѣдокъ пруссаками предпринято не было.

Русская армія въ своемъ составѣ имѣла 54 баталіона, 34 эскадрона регулярной конницы, 29 эскадроновъ гусаръ, до 40 сотенъ казаковъ и 186 орудій, всего пѣхоты до 28000 человекъ; конницы регулярной—5000, нерегулярной—не больше 7500 человекъ, и того регулярныхъ войскъ 32—33000, а съ нерегулярными—до 40000 человекъ.

Армія подраздѣлялась на двѣ дивизіи (1-я дивизія—Фермора и 2-я дивизія—Вильбуа), въ составѣ трехъ родовъ войскъ каждая, Обсерваціонный корпусъ князя Голицына безъ конницы и легкую конницу Тотлебена (гусары, Донскіе и Чугуевскіе казаки).

Полевая артиллерія, всего въ составѣ пяти бригадъ, раздѣлялась на двѣ отдѣльныя части: артиллерію главной арміи генерала Бороздина и артиллерію Обсерваціоннаго корпуса подъ начальствомъ генерала Гольмера,—всего до 140 орудій.

Прусская армія имѣла: пѣхоты—30 баталіоновъ, до 18000 человекъ, конницы—67 эскадроновъ, до 9380 человекъ, итого 27380 человекъ.

Число артиллерійскихъ орудій въ точности неизвѣстно, но меньше нашего.

Въ общемъ, русская армія была сильнѣе прусской на 24 баталіона и превосходила ее артиллеріей, но зато пруссаки имѣли двойное превосходство въ регулярной конницѣ.

Рано утромъ 11-го іюля графъ Салтыковъ лично отправился на рекогносцировку непріятельскаго расположенія и мѣстности, приказавъ арміи быть въ полной боевой готовности. Только къ 3-мъ часамъ пополудни главнокомандующій вернулся назадъ, къ Гольцину, и тотчасъ-же отдалъ приказанія для движенія арміи къ д. Пальцигу, въ обходъ лѣваго фланга и тыла непріятеля. Согласно распоряженіямъ Салтыкова, вся армія въ полной боевой готовности, прикрываясь легкой конницей Зорича и Тотлебена, ночнымъ маршемъ должна была слѣдовать изъ Гольцина на Клемцигъ и Буковъ, мимо Шенборна къ Пальцигу. Прибывъ къ Пальцигу, армія, рассчитывая на соединеніе съ австрійцами у Кроссена, должна была стать фронтомъ къ Цюлихау, а тыломъ—къ Кроссену.

Для облегченія движенія всѣ обозы были оставлены въ Гольцинѣ подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ и шести эскадроновъ драгунъ. Такое незначительное прикрытіе обуславливалось тѣмъ, что къ Гольцину съ часа на часъ ожидался изъ Познани отрядъ Мордвинова.

Нижніе чины, выступая изъ Гольцина, имѣли при себѣ запасъ довольствія на три дня.

Послѣ четырехъ часовъ пополудни русская армія, построившись такимъ образомъ, „что при всякомъ случаѣ, повернется только во фронтъ, непріятеля встрѣтить могла,“ выступила на Клемцигъ къ Букову, куда прибыла около полуночи и гдѣ остановилась на большой привалѣ. Войска на привалѣ заночевали въ походномъ порядкѣ, который, простымъ поворотомъ налѣво, легко могъ быть обращенъ въ боевой; самъ главнокомандующій, съ чинами главной квартиры, расположился на ночлегъ въ д. Буковѣ. Въ три часа утра русская армія снова двинулась въ направленіи къ Пальцигу и въ шестомъ часу голова походной колонны была за ручьемъ, между д.д. Шенборномъ и Никерномъ.

Только въ это время противникъ узналъ о движеніи русской арміи. Принявъ командованіе корпусомъ уже по прибытіи его въ Цюлихау, Ведель не озаботился своевременно ориентироваться въ обстановкѣ и не выслалъ ни одного разъѣзда по направленію къ противнику. Только въ пять

часовъ утра 12-го іюля Ведель, съ большею частью гусарскихъ полковъ, двумя полками драгунъ, подкрѣпленныхъ четырьмя баталіонами пѣхоты, предпринялъ рекогносцировку въ направленіи къ Лангенмейлю. Выйдя изъ прилегающаго лѣса, прусская конница обнаружила, что русская армія выступила изъ Гольцына куда-то вправо, и что около послѣдняго пункта оставалась лишь часть силъ, готовыхъ къ бою. Эти свѣдѣнія дали генералу Веделю основаніе заключить, что русскіе намѣреваются его атаковать, обойдя его лѣвый флангъ. Въ виду этого онъ немедленно возвратился назадъ, къ Эйхбергу, и, прибывъ туда около семи часовъ утра, лично отправился отыскивать позицію, на которой могъ-бы съ удобствомъ принять атаку, имѣя путь отступленія на Глогау. Между тѣмъ, вскорѣ послѣ отъѣзда Веделя изъ Эйхберга въ главныхъ силахъ прусской арміи было обнаружено обходное движеніе Салтыкова въ направленіи къ Никерну; по русскимъ войскамъ былъ открытъ даже дальній, совершенно безвредный артиллерійскій огонь, но за отсутствіемъ корпуснаго командира никто изъ генераловъ не рѣшился предпринять ничего болѣе серьезнаго.

До 11-ти часовъ дня генераль Ведель отыскивалъ удобную позицію и только около 12-ти часовъ прибылъ къ своему корпусу. Въ это время русскія войска приближались къ Пальцигу. Чтобы задержать ихъ, по приказанію Веделя, тотчасъ были выдвинуты гусары Малаховскаго, но непріятельская конница, задержанная сперва около Шенборна болотистымъ ручьемъ, а затѣмъ встрѣченная огнемъ выдвинутой отъ дивизіи Фермора русской батареи, не успѣвъ переправиться черезъ ручей, между Шенборномъ и Никерномъ, вынуждена была повернуть назадъ.

Тѣмъ не менѣе, однако, рекогносцировка Веделя, произведенная имъ рано утромъ 12-го іюля, имѣла крупныя результаты. Графъ Салтыковъ, узнавъ въ шестомъ часу утра объ этой рекогносцировкѣ и не имѣя свѣдѣній о прибытіи къ Гольцыну Мордвинова, отдѣлилъ отъ себя бригаду пѣхоты Фаста, бригаду артиллеріи и большую часть легкой конницы гр. Тотлебена, отправивъ ихъ обратно въ Гольцынъ для прикрытія обоза. Впрочемъ, Тотлебенъ, убѣдившись въ томъ, что Гольцыну не угрожаетъ опасность, оставилъ здѣсь Фаста, а самъ возвратился назадъ.

Послѣ неудачной попытки генерала Малаховскаго задержать движеніе русская армія безпрепятственно слѣдовала къ д. Пальцигу, впереди которой значительно послѣ полудня расположилась на позиціи, имѣя легкую конницу впереди для развѣдокъ, между Глоксеномъ и Каемъ. Деревня Пальцигъ находилась за центромъ позиціи.

Фронтъ Пальцигской позиціи *) тянулся по правому берегу ручья Глоксенъ отъ дороги изъ Цюлихау въ Кроссенъ до пруда у Эйхмюле, на протяженіи 3 версты.

Мѣстность впереди фронта позиціи затрудняла атаку пруссаковъ. Болотистые ручьи и р. Флоссъ вынуждали атакующаго нѣсколько разъ переходить изъ боевого порядка въ колонны, разобщали его войска, ставили въ необходимость развертываться въ виду русскихъ. Впрочемъ, это послѣднее относится только до двухъ переправъ, бывшихъ впереди фронта русскихъ у Никерна и Эйхмюле; южныя этого пункта ручей образуетъ входящую дугу (у Глоксена) къ сторонѣ непріятеля, и правый (русскій) берегъ былъ покрытъ рѣдкимъ удобопроходимымъ перелѣскомъ, который благопріятствовалъ развертыванію силъ противника внѣ выстрѣловъ русской арміи. Эта роща была существеннымъ недостаткомъ позиціи еще и потому, что около Глоксена и Гейдемюле было двѣ переправы, такъ что упомянутый лѣсистый участокъ впереди нашего праваго фланга прикрывалъ переправу непріятеля разомъ двумя колоннами въ связи ихъ между собою. Кромѣ того, къ мосту и плотинѣ у Гейдемюле прилегалъ рядъ песчаныхъ бугровъ, способствующихъ переправившимся войскамъ охватить правый флангъ гр. Салтыкова. Всѣ эти особенности мѣстности впереди позиціи были тѣмъ болѣе важны, что путь для связи съ австрійцами на Кроссенъ отходилъ отъ крайняго праваго фланга русскихъ, что придавало правому участку ихъ позиціи особое стратегическое значеніе.

Мѣстность на позиціи была возвышена, представляла удобства обстрѣла, причемъ нѣсколько отдѣльныхъ высотъ, бывшихъ на правомъ участкѣ, благопріятствовали дѣйствию русской артиллеріи какъ по опушкѣ упомянутой рощи, такъ

*) См. планъ № 4.

и по подступамъ отъ бугровъ къ кроссенской дорогѣ. Правый флангъ позиціи русской арміи былъ обезпеченъ отъ дальняго обхода болотистымъ лѣсомъ; лѣвый-же былъ открытъ и вполне удобенъ для дѣйствія кавалерійскихъ массъ, что было тѣмъ болѣе опаснымъ, что переправы у Шенборна и Никерна въ началѣ боя оставались незанятыми и неразрушенными. Только во время сраженія зажгли д. Никернъ, чѣмъ и преградили прусской конницѣ возможность съ удобствомъ перейти черезъ ручей. Въ тылу русскихъ было нѣсколько удобныхъ позицій, гдѣ отступающая армія могла-бы удержаться до Кроссена, но переправы на Одерѣ не были заняты ни русскими, ни австрійскими войсками, и русская главная квартира не успѣла еще даже собрать достаточныхъ свѣдѣній о пунктахъ, удобныхъ для устройства мостовъ.

Такимъ образомъ, позиція подъ Пальцигомъ была весьма сильною въ центрѣ; лѣвый флангъ позиціи былъ открытъ и, вслѣдствіе наличности мостовъ у Шенборна и Никерна, не обезпеченъ отъ обхода. Правый флангъ позиціи былъ наиболѣе удобенъ для фронтальной атаки непріятеля, соединенной съ охватомъ. Курганы на самой кроссенской дорогѣ составляли стратегическій и тактическій ключи Пальцигской позиціи, такъ какъ съ занятіемъ ихъ пруссаки поставили-бы русскихъ въ необходимость оставить позицію, отбрасывали ихъ отъ Кроссена и вынуждали искать кружнаго пути для возстаповленія связи съ Познанью. Лѣвый флангъ той-же позиціи имѣлъ также важное значеніе: при успѣхѣхъ пруссаковъ на этомъ пашемъ лѣвомъ флангѣ они совершенно отрѣзывали русскую армію отъ сообщеній съ Россіей.

Въ общемъ, у Пальцига мѣстныя условія и обстановка представляли удобства и выгоды для пруссаковъ атаковать фланги русской арміи.

Русская армія на позиціи при Пальцигѣ расположилась слѣдующимъ образомъ:

Правый флангъ составляла 1-я дивизія Фермора, имѣвшая въ первой линіи 5 пѣхотныхъ полковъ и во второй—4. Два полка этой дивизіи въ самомъ началѣ боя при первомъ-же отступленіи легкой конницы за мосты у Глоксена и Гейдемюле—для обезпеченія охвата со стороны пра-

ваго фланга—закрыли пространство между линиями, расположившись параллельно кроссенской дорогѣ и подѣ угломъ къ первой линіи. Для этой-же цѣли отчасти служила батарея, которая развернулась на высотѣ на дорогѣ Цюлихау-Кроссенъ.

Въ центрѣ позиціи, непосредственно впереди Пальцига, стали въ двѣ линіи 10 полковъ дивизіи Вильбуа.

На лѣвомъ флангѣ расположились 3 полка Обсервационнаго корпуса, построившись въ одну линію.

Разстояніе между линиями было не вездѣ одинаково: на правомъ флангѣ оно доходило до 300 шаговъ, а на лѣвомъ—до 500. Между линиями были небольшіе частные резервы 1-й линіи; кромѣ того, одинъ кирасирскій полкъ и одинъ драгунскій эскадронъ также расположились между линиями впереди и передъ серединою с. Пальцига. Остальная кавалерія развернулась: одинъ кирасирскій и два конно-гренадерскихъ полка—спачала южнѣе д. Пальцигъ, примыкая къ этой деревнѣ, а затѣмъ—передвинулись вправо, за кроссенскую дорогу, ставъ подѣ угломъ къ двумъ пѣхотнымъ полкамъ, стоявшимъ на правомъ флангѣ, фронтомъ къ кроссенской дорогѣ, и этимъ обезпечивали фланги какъ этихъ полковъ, такъ и всего боевого расположенія русскихъ. За конницу праваго фланга отступили легкія войска, бывшія впереди Глоксена, и образовали: 3 полка гусарь—2-ю линію, а Донскіе и Чугуевскіе казаки—3-ю. Весь правый флангъ поступилъ подѣ общее начальство генерала Петра Панина, образуя подвижный уступъ для парирования обхода пруссаковъ со стороны бугровъ къ югу отъ позиціи.

На лѣвомъ флангѣ, позади полковъ Обсервационнаго корпуса построились въ колоннахъ три кирасирскихъ и два конно-гренадерскихъ полка подѣ общей командою генерала Еропкина.

Артиллерія (кромѣ полковой) образовала восемь отдѣльныхъ батарей. Четыре изъ нихъ, подѣ начальствомъ генерала Бороздина, были на правомъ флангѣ 1-й линіи и обстрѣливали доступъ къ правому флангу, причеиъ одна изъ нихъ заняла бугоръ между линиями для стрѣльбы черезъ головы войскъ первой линіи; четыре-же батареи, подѣ начальствомъ генерала Гольмера,—на лѣвомъ флангѣ

для обстрѣливанія полуразрушенной плотины у Эйхмюле и противоположнаго берега ручья ниже до Глоксена.

Генераль Ведель, убѣдившись въ томъ, что русскіе слѣдуютъ на кроссенскую дорогу, рѣшился немедленно атаковать ихъ въ двухъ направленіяхъ: правою колонною, подъ начальствомъ генерала Канница (5 бат.), на Эйхмюле, а лѣвой, подъ своимъ личнымъ начальствомъ, (19 бат. и большая часть конницы—на Глоксенъ и Гейдемюле. Отрядъ генерала Ваперснова, въ составѣ шести баталіоновъ и восьми эскадроновъ, долженъ былъ слѣдовать сначала позади и озаботиться вывозомъ запасовъ изъ Цюлихаю.

Движеніе прусскихъ войскъ въ боевомъ порядкѣ, вслѣдствіе указанныхъ особенностей мѣстности, замедлилось, такъ что главныя силы колонны Веделя показали у Глоксена-Гейдемюле около трехъ часовъ пополудни, когда русскія войска успѣли уже осмотрѣться на позиціи. Русская легкая конница, обнаруживъ направленіе движенія противника, отступила за Глоксенъ-Гейдемюле, не уничтоживъ мостовъ. Въ три часа дня непріятель вызвалъ свои батареи на лѣвый берегъ ручья и съ обѣихъ сторонъ была открыта канонада. Подъ покровительствомъ артиллерійскаго огня войска лѣвой колонны Веделя двинулись къ названнымъ переправамъ съ цѣлью атаковать русскихъ со стороны Глоксена. Четыре полка прусской пѣхоты и три эскадрона кавалеріи, переправившись и прикрываясь буграми, должны были охватить 1-ю линію графа Салтыкова и ударить ей во флангъ, главныя-же силы лѣвой колонны, подъ начальствомъ генерала Мантейфеля, должны были пройти сквозь упомянутый рѣдкій лѣсъ и атаковать съ фронта. Правая колонна Канница получила самостоятельное назначеніе для атаки лѣваго фланга русскихъ.

Такимъ образомъ, главный ударъ Ведель рѣшилъ нанести Салтыкову на его правый флангъ.

Гр. Салтыковъ, какъ было указано, предвидѣлъ именно этотъ планъ атаки Веделя, предусматривая даже и охватъ въ этомъ направленіи.

Какъ только намѣтился охватъ, были тотчасъ приняты мѣры для противодѣйствія. Правофланговые полки, стоявшіе между линіями, получили приказаніе зайти правымъ плечомъ впередъ, а полкъ, стоявшій на правомъ флангѣ

первой линіи и примыкавшій къ большой батарее на дорогѣ, былъ поставленъ подъ угломъ на два фронта: часть его прикрыла большую батарею, обстрѣливавшую подступы къ промежутку между 1-ю и 2-ю линіями, а другая часть охраняла ту-же батарею съ фронта, со стороны Глоксена; наконецъ, къ этому времени окончено было указанное перемѣщеніе конницы за правый флангъ всей арміи и между линіями впереди Пальцига.

Послѣ почти часовой неумолкаемой канонады генераль Мантейфель (6 батал.), не выждавъ результата обхода, къ четыремъ часамъ пополудни атаковалъ три полка на правомъ флангѣ первой линіи. Не смотря на благопріятныя условія мѣстности, смѣло веденную атаку и личную отвагу раненаго генерала Мантейфеля, его войска были отброшены назадъ только сильнымъ фронтальнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ этихъ трехъ полковъ бригады князя Волконскаго, такъ что дѣло не дошло до рукопашной схватки. Эти первыя неудачи не остановили Веделя: не сообразуя своихъ дѣйствій съ обходною колонною, не выжидая прибытія отряда Ваперснова, прусскій главнокомандующій подкрѣпилъ войска генерала Мантейфеля еще пятью баталіонами и приказалъ повторить атаку въ томъ-же направленіи. Напротивъ того, графъ Салтыковъ, видя, что ударъ направленъ на его правый флангъ, передвинулъ два мушкетерскихъ полка Обсерваціоннаго корпуса съ лѣваго на правое крыло, причемъ одинъ изъ нихъ сталъ въ частномъ резервѣ за атакованнымъ участкомъ первой линіи, а другой—въ третьей линіи того-же участка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, гр. Салтыковъ приказалъ зажечь д. Никернъ и уничтожить тамъ мостъ. Вторая атака была отбита точно такъ-же, какъ и первая, безъ рукопашнаго боя. „Русскія войска, говоритъ составитель самаго обстоятельнаго дневника Семилѣтней войны, подписаннаго инженеромъ полковникомъ Муравьевымъ,—были неподвижны, и продолжая всегда непрерывный пушечный огонь въ желаемомъ порядкѣ, и какъ во время продолжающагося огня, такъ и непріятельской ретрады-наполняя мѣста убитыхъ и раненыхъ изъ стоящихъ за первой линіею резервовъ“.

Послѣ того, какъ была отбита вторая атака Мантейфеля, прусская обходная колонна пачала показываться изъ-за

бугровъ, но этотъ запоздалый охватъ не имѣлъ никакого значенія: благодаря заранѣе принятымъ мѣрамъ, пруссаки и здѣсь были отбиты главнымъ образомъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Частныя попытки прусской пѣхоты подъ сильнымъ огнемъ перейти въ рѣшительное наступленіе въ этомъ направленіи лихо были отражены ударомъ во флангъ Чугуевскаго казачьяго полка. Очевидецъ говоритъ, что „многіе изъ четырехъ полковъ (прусской пѣхоты), не стерпя сильнаго нашихъ батарей дѣйствія, бѣжали, разсыпавшись, за упомянутые горы и лѣса и послѣ явились въ нашей арміи. При семъ случаѣ ударилъ Чугуевскій казачій полкъ въ копыта на спѣшащую къ соединенію съ атакующими наше правое крыло пѣхоту во флангъ... отбросилъ ихъ назадъ и захватилъ одно полковое орудіе“.

Такимъ образомъ, Ведель, бросая по частямъ войска своей колонны, окончательно разстроилъ главныя силы прусской пѣхоты и поневолѣ долженъ былъ выждать прибытія Ваперснова.

Въ это время и генералъ Канницъ выказалъ намѣреніе перейти на правый берегъ ручья у Никерна, но также не удачно. Пожаръ этой деревни и разрушенная переправа рѣшительно задержали правую прусскую колонну; возвратившаяся-же конница Тотлебена и конно-гренадеры, наблюдая за переправами у мѣста пожара и выше его, служили достаточнымъ охраненіемъ лѣваго фланга русскихъ.

Около шести часовъ вечера прибылъ къ лѣвой прусской колоннѣ отрядъ генерала Ваперснова, и генералъ Ведель рѣшился въ третій разъ повторить ударъ въ томъ-же направленіи. Общее начальство надъ войсками было поручено генералу Ваперснову, а генералу Канницу снова приказано отвлечь вниманіе русскихъ къ ихъ лѣвому флангу. На этотъ разъ генералъ Ваперсновъ рѣшился сперва атаковать русскую пѣхоту конницею, поддержанною пѣхотою. Не смотря на лѣсистый характеръ мѣстности впереди праваго фланга русскихъ, прусская конница успѣла въ порядкѣ подойти къ право-фланговымъ полкамъ 1-й линіи и около семи часовъ вечера бросилась на нихъ. Атака, произведенная чрезвычайно лихо, сначала имѣла успѣхъ и прусской конницѣ удалось здѣсь прорваться черезъ нашу первую линію, но дальнѣйшее развитіе успѣха пруссаковъ было

остановлено огнемъ батарен, бывшей между линіями, а вслѣдъ за тѣмъ атакой съ обоихъ фланговъ русской конницы.

Какъ только кавалерія Ваперснова прорвалась сквозь первую линію, кирасиры, стоявшіе между линіями, полки Еропкина съ лѣваго фланга и одинъ кирасирскій полкъ съ праваго фланга съ трехъ сторонъ слетѣлись на выручку своей пѣхоты и, „только съ едиными шпагами наступая“, бросились на непріятельскихъ латниковъ и въ полномъ безпорядкѣ отбросили ихъ назадъ.

Прибывшая вскорѣ на мѣсто стычки конница, подъ начальствомъ Панина, бросилась слѣдомъ за отступавшей прусской кавалеріей, опрокинула передовыя части прусской пѣхоты и своею молодецкою контръ-атакою обратила непріятеля въ полное паническое бѣгство. Генераль Ваперснoвъ былъ безсиленъ возстановить порядокъ, а бѣгство его войскъ сообщилось всей лѣвой колоннѣ генерала Веделя, которая въ полнѣйшемъ безпорядкѣ отступила въ направленіи къ Цюлихау, а оттуда къ Чихерзигу. Туда-же отошла и колонна Канница.

Русская регулярная конница преслѣдовала бѣгущаго только до Глоксена и Гейдемюле.

Прорывъ 1-й линіи полковъ на правомъ флангѣ русскихъ, жаркое кавалерійское дѣло между линіями, раздѣленіе усилій войскъ праваго фланга на три фронта и утомленіе людей, болѣе сутокъ находившихся подъ ружьемъ, были причиной того, что русская армія не перешла въ наступленіе для развитія побѣды. Главнокомандующій, гр. Салтыковъ, ограничился только высылкой для преслѣдованія всей легкой конницы, подъ начальствомъ Тотлебена. Однако, и легкая конница своимъ преслѣдованіемъ не оказала никакого выдающагося вліянія на послѣдствія боя: разбитыя непріятельскія войска, хотя и въ полномъ безпорядкѣ, но перешли на лѣвый берегъ Одера, и вскорѣ сосредоточились у Диндорфе въ полумилѣ отъ Кроссена.

Приведя въ порядокъ свои войска послѣ ожесточеннаго боя, Салтыковъ продвинулъ свой правый флангъ нѣсколько впередъ, расположившись впереди лѣса противъ Глоксена. Въ такомъ положеніи русская армія простояла до 17-го іюля, зацѣвъ еще 14-го числа тремя полками Кроссень.

Въ сраженіи подъ Пальцигомъ обѣ арміи потеряли выбывшими изъ строя: русская—убитыми до 900 человекъ и ранеными 3904. Всего до 5000. Прусская армія—убитыми 4,269, ранеными 1394 и безъ вѣсти пропавшими 1495. Всего нѣсколько болѣе 7000.

Трофеи русскихъ состояли: изъ 4 знаменъ, 3 штандартовъ, 14 орудій и болѣе 4000 ружей, „кромѣ другой аммуниціи“.

Обращаясь къ оцѣнкѣ дѣйствій гр. Салтыкова въ періодъ Гольцынъ-Пальцигской операціи 1759 г., необходимо прежде всего отмѣтить, что русскій главнокомандующій, руководствуясь только требованіями стратегіи, упорно преслѣдуетъ свою цѣль, несмотря на энергичное противодействие противника, на полное бездѣйствіе союзниковъ—австрійцевъ, и на необходимость дѣйствовать не иначе, какъ по указаніямъ Петербургской конференціи, въ свою очередь, находившейся въ полномъ подчиненіи у Вѣнскаго гофкригсрата. Только такимъ пастойчивымъ преслѣдованіемъ своей цѣли объясняется во 1-хъ, безусловно рискованный его фланговый маршъ къ Гольцыну, во 2-хъ, еще болѣе рискованный флангово-тыловой маршъ отъ Гольцына къ Пальцигу и, наконецъ, въ 3-хъ, бой подъ Пальцигомъ безъ пути отступленія. Всѣ эти рѣшительныя мѣры, принятыя исключительно для соединенія съ австрійцами и не вполне соответствовавшія массѣ оговорокъ въ инструкціи Конференціи нашему главнокомандующему отъ 3-го іюня, заставляютъ признать дѣйствія Салтыкова въ этотъ періодъ кампаніи образцовыми.

Громадное пространство, отдѣлявшее обѣ арміи, центральное положеніе непріятели между ними—обязывали Салтыкова исполнить условленную директиву плана кампаніи, и мы видимъ, что онъ, не имѣя еще вполне вѣрныхъ данныхъ убѣдиться въ дѣйствительныхъ намѣреніяхъ австрійцевъ, безъ всякихъ дипломатическихъ хитростей, прямо идетъ къ своей цѣли.

Обращаясь къ частностямъ стратегической стороны Гольцынъ-Пальцигской операціи Салтыкова, должно сказать слѣдующее:

1) Первоначальныя дѣйствія Салтыкова, до 4-го іюля, носятъ нѣсколько нерѣшительный характеръ. Но свѣдѣнія,

преувеличивавшія силы противника, недавнее прибытіе главнокомандующаго къ арміи и его убѣжденіе, что къ наступательному бою русская армія, сравнительно съ прусскою, не вполне подготовлена, — служатъ мотивами, оправдывающими эту его нерѣшительность.

2) Выжиданіе у Гольцына вполне соотвѣтствовало требованіямъ невыясненной обстановки, благодаря двусмысленному поведенію австрійцевъ.

3) Обходъ гр. Салтыкова всѣми силами генерала Веделя подъ Цюлихау — маневръ, чрезвычайно смѣлый и наиболѣе соотвѣтствующій обстановкѣ данной минуты: въ виду главной цѣли, состоящей въ томъ, чтобы соединиться съ австрійцами, а также по неиспытанной еще способности русской арміи къ наступательному бою Салтыковъ не рѣшается атаковать Веделя, а стремится противопоставить ему свою сильную сторону — активно-оборонительную; во имя этого онъ и рѣшается на обходъ Цюлихаусской позиціи; главнокомандующій не колеблется въ своемъ смѣломъ рѣшеніи ни одной лишней минуты; изучаетъ и пользуется мѣстностью — безукоризненно; скрытость марша — вполне соблюдена; приняты должныя мѣры для возможной быстроты опаснаго движенія; наконецъ, выдѣленіе отъ себя Тотлебена и Фаста обратно къ Гольцыну было хотя и излишнею, но понятною и своевременною осторожностью въ виду того значенія, какое имѣли обозы, оставленные въ Гольцынѣ.

4) При расположеніи войскъ на Пальцигской позиціи главнокомандующій руководствуется не рутинными правилами, а здравымъ смысломъ и требованіями обстановки.

Такимъ образомъ, всѣ распоряженія гр. Салтыкова за время Гольцынъ-Пальцигской операціи являются высоко поучительными. Въ одномъ только можно упрекнуть Салтыкова, — это въ томъ, что онъ не принялъ достаточныхъ мѣръ къ тому, чтобы соотвѣтствующею рекогносцировкой у Кроссена выяснить возможность соединенія съ австрійцами и достигнуть обезпеченія полученія своевременно свѣдѣній о появленіи съ этой стороны пруссаковъ.

Въ тактическомъ отношеніи въ Пальцигскомъ сраженіи необходимо отмѣтить:

1) Примѣненіе боевого порядка къ мѣстности и „непріятельскимъ обращеніямъ“. Это рѣзко выражается въ началѣ

боя построениемъ войскъ праваго фланга, расположениемъ батарей между линиями, второю перемѣною фронта полковъ, поставленныхъ между линиями на правомъ флангѣ, а также поворотомъ направо батареи праваго фланга.

2) Пользованіе частными резервами—замѣчательное для эпохи линейной тактики. Къ этому принимаются мѣры: до боя, когда, кромѣ частныхъ, полковыхъ, резервовъ, конница и даже артиллерія становятся между линиями, и во время боя: а) дѣйствіями полковыхъ резервовъ при отраженіи первыхъ атакъ, и б) подкрѣпленіемъ праваго фланга двумя полками Обсерваціоннаго корпуса.

3) Стремленіе къ взаимной выручкѣ въ бою трехъ родовъ войскъ. Это видно: а) изъ выдержаннаго и смѣлаго огня батареи праваго фланга, бывшей между линиями, б) замѣчательной контръ-атаки конницы съ трехъ сторонъ послѣ прорыва линіи пруссаками на правомъ флангѣ, и в) не менѣе характерной атаки Чугуевского полка.

4) Стрѣльбу артиллеріи черезъ головы впереди расположенныхъ своихъ войскъ, что приводило: во 1-хъ, къ сосредоточенію артиллерійскаго огня отдѣльно расположенныхъ батарей и во 2-хъ,—къ возможности поддержки пѣхоты въ самое трудное для нея время.

5) Пользованіе подвижнымъ маневреннымъ уступомъ для парированія обхода, для чего послужила собранная на правомъ флангѣ конница.

6) Отсутствие преслѣдованія, въ особенности легкою конницею, сдѣлавшею въ началѣ боя образцовый поворотъ назадъ (отъ Гольцына) для принятія участія въ сраженіи и несумѣвшей развить свою дѣятельность въ минуту надобности, — когда она была выслана для преслѣдованія послѣ боя.

7) Бездѣятельность отрядовъ, бывшихъ около поля сраженія, а именно: отрядовъ Фаста и Мордвинова, которые прибыли къ Гольцыну въ день боя около 10 ч. утра. Наступленіе хотя-бы части этихъ отрядовъ отъ Гольцына къ Цюлихау могло имѣть громадное вліяніе на исходъ боя, но ни Мордвиновъ, ни Фастъ не обладали настолько инициативой, чтобы предпринять это наступленіе.

8) Наконецъ, нельзя не отмѣтить проявленное въ сраженіи при Пальцигѣ свойственное русскому солдату отношеніе къ плѣннымъ, съ которыми наши солдаты дѣлились остатками своего скуднаго запаса.

*б) Куннерсдорфская операція *).*

Послѣ Пальцигскаго боя Салтыковъ, простоявъ нѣсколько дней на полѣ сраженія, 17-го іюля передвинулся къ Кроссену, который былъ занятъ тремя полками еще 14-го іюля.

Прибывъ въ Кроссень, Салтыковъ не нашелъ здѣсь австрійцевъ и такъ какъ планъ кампаніи, составленный Конференціей совмѣстно съ дипломатами Вѣнскаго двора, доводилъ нашу армію только до р. Одера, то Салтыкову теперь приходилось самостоятельно, на собственную отвѣтственность, рѣшать вопросъ о томъ, что дѣлать дальше.

Въ день Пальцигскаго боя главныя силы австрійцевъ, подѣ начальствомъ Дауна, все еще стояли у Марклиссы, выдвинувъ сильный авангардъ Лаудона къ Ротенбургу. Фридрихъ въ это-же время занималъ Левенбергъ, а другая прусская армія, принца Генриха, дѣйствовала въ Саксоніи у д. Каменець.

Убѣдившись въ полной пассивности Даупа и видя, что путь къ Берлину открытъ, русскій главнокомандующій рѣшился возможно скорѣе захватить Франкфуртъ и угрожать Берлину.

Такое рѣшеніе Салтыкова вполне соотвѣтствовало обстановкѣ, такъ какъ приводило къ рѣшительнымъ результатамъ, — возможности въ столицѣ врага продиктовать условія мира.

Къ сожалѣнію, какъ всегда, Австрія преслѣдовала свои узко-эгоистическія цѣли, несовпадающія съ интересами Россіи, и думала только о томъ, чтобы хитрыми маневрами выжить Фридриха изъ Силезіи. Для достиженія-же этой цѣли Вѣнскій дворъ и главнокомандующій австрійской арміи стремились теперь подчинить себѣ русскую армію, притянувъ ее къ себѣ.

*) См. схему № 1.

О своемъ рѣшеніи двинуться на Франкфуртъ Салтыковъ сообщилъ Лаудону въ Ротенбургъ, прося спѣшить туда-же.

Опасаясь, что рѣшительныя дѣйствія Салтыкова могутъ привести его къ крупному успѣху и важнымъ послѣдствіямъ, которыми воспользуются только русскіе, Даунъ поспѣшно двинулъ корпусъ Лаудона къ Франкфурту, чтобы тамъ предупредить русскихъ и, такимъ образомъ, сохранить за собою руководящее значеніе при дальнѣйшихъ совмѣстныхъ операціяхъ.

Но Лаудонъ опоздалъ: 20-го іюля нашъ авангардъ, подъ начальствомъ Вильбуа, занялъ Франкфуртъ. Лишь на слѣдующій день, 21-го іюля, прибылъ сюда Лаудонъ съ корпусомъ въ 20000 человекъ при 48 орудіяхъ. 22-же іюля къ Франкфурту прибылъ Салтыковъ со всѣми русскими силами.

Прибывъ во Франкфуртъ Салтыковъ подчиняетъ себѣ Лаудона и, такимъ образомъ, сосредоточиваетъ подъ своимъ начальствомъ около 55000 человекъ, изъ которыхъ 35000 русскихъ.

Расположивъ союзную армію лагеремъ на правомъ берегу Одера у Куннерсдорфа, Салтыковъ направилъ на беззащитный Берлинъ набѣгъ Румянцева, за которымъ намѣревался въ ближайшемъ будущемъ оперировать со всѣми своими силами. Между тѣмъ, угрожающее положеніе относительно Берлина, занятое Салтыковымъ, вызвало у Фридриха серьезное опасеніе за его столицу и вынудило его принять рѣшительныя мѣры для ея спасенія.

Въ виду этого Фридрихъ съ арміей въ 38,000 человекъ форсированнымъ маршемъ направился къ Мильрозену съ цѣлью, переправившись черезъ р. Одеръ выше Франкфурта, атаковать Салтыкова.

Несмотря на то, что движеніе Фридриха на Мильрозенъ ясно указывало на его намѣреніе, Даунъ, по прежнему, дѣйствуетъ весьма вяло и совершенно не торопится соединиться съ русскими. Напротивъ того, Даунъ въ этихъ обстоятельствахъ предъявилъ Салтыкову настойчивое требованіе, чтобы вся русская армія присоединилась къ нему; только послѣ этого онъ обѣщалъ перейти въ рѣшительное наступленіе противъ Фридриха.

Для выполнения своего требования Даунъ предлагалъ Салтыкову отступить къ Кроссену, какъ пункту, уже раньше намѣченному для соединенія.

Весьма неохотно и лишь вслѣдствіе разстройства матеріальной части, что мѣшало немедленно наступать на Берлинъ, Салтыковъ согласился на предложеніе Дауна и рѣшилъ 31-го іюля начать обратное движеніе отъ Куннерсдорфа къ Кроссену.

Между тѣмъ, уже 30-го іюля наши развѣзды обнаружили начало переправы Фридриха на правый берегъ р. Одера у Герица *).

Не признавая русскую армію способной къ наступательному бою противъ такого противника, какимъ были пруссаки, предводительствуемые своимъ королемъ, и не желая ставить армію въ крайне тяжелое положеніе быть атакованной во время исполненія отступательнаго марша, Салтыковъ рѣшился принять бои на позиціи, образуемой высотами между Франкфуртомъ и Куннерсдорфомъ.

Высоты эти, образуя такъ называемую Куннерсдорфскую позицію, представляли собою отдѣльный хребетъ, который тянется въ направленіи съ запада на востокъ отъ предмѣстья Франкфурта до д. Куннерсдорфъ. Длина хребта равнялась 6½ тысячъ шаговъ, ширина—ближе къ Франкфурту—2,000 шаговъ, а на восточной оконечности—1,200 шаговъ. Скаты хребта къ Одери очень круты; съ противоположной стороны къ склонамъ хребта прилегаютъ холмы, перерѣзанные оврагами. Самый хребетъ также перерѣзывается оврагами съ крутыми берегами, отдѣлявшими три отдѣльныя возвышенности. Самая западная изъ нихъ—ближайшая къ Франкфурту, Жидовская гора—командовала всей мѣстностью и отдѣлялась Лаудоновымъ оврагомъ отъ средней, Б.-Шпица; эта послѣдняя, въ свою очередь, отдѣлялась оврагомъ Кунгрундъ отъ самой восточной высоты, Мюльберга, имѣвшей наименьшую высоту и обстрѣливаемой даже съ впереди лежащихъ Третинскихъ высотъ. Оба оврага были крайне затруднительны для свободного движенія войскъ, въ особенности для артиллеріи и для атакъ кон-

*) См. планъ № 5.

ницы. Около деревни Куннерсдорфъ къ Кунгрунду подходит съ юга, отъ Франкфуртскаго лѣса, другой оврагъ, проходимый только въ нѣкоторыхъ пунктахъ между значительными прудами.

Между этимъ послѣднимъ оврагомъ и р. Гюнерь, протекающей восточнѣе позиціи, мѣстность прерывается балкою Бекерь, отдѣляющею, восточнѣе Мюльберга, отдѣльную высоту—Малый-Шпицъ.

Въ общемъ, Куннерсдорфская позиція, при занятіи ея фронтомъ на сѣверъ, отличалась слѣдующими свойствами: наибольшее значеніе имѣлъ ея лѣвый флангъ, такъ какъ съ потерю Жидовской горы русская армія отрѣзывалась отъ Франкфурта, въ настоящую минуту служащаго источникомъ пополненія продовольственныхъ запасовъ арміи и пунктомъ связи съ австрійцами, соединеніе съ которыми все еще являлось главнѣйшей цѣлью операціи русской арміи. Отъ лѣваго-же фланга позиціи шла дорога на Кроссенъ, которою можно было бы воспользоваться для соединенія съ австрійцами по правому берегу Одера, если бы Франкфуртъ былъ-бы потерянъ.

Правый флангъ также имѣлъ нѣкоторое значеніе, такъ какъ овладѣніе имъ пруссаками вело за собою потерю сообщеній съ Познанью, промежуточной базой Салтыкова.

Позиція съ фронта была очень сильна тѣмъ болѣе, что находящееся передъ фронтомъ лѣсисто-болотистое пространство считалось трудно-проходимымъ. Лѣвый флангъ прикрывался Одеромъ. Правый флангъ былъ болѣе доступенъ, такъ какъ, хотя р. Гюнерь, лежащая къ востоку отъ позиціи, озера и овраги и стѣсняли нѣсколько паступленіе противъ этого фланга, но все-таки подступы здѣсь были закрытые и болѣе удобные, а окружающія его высоты давали при обстрѣливаніи выгоды командованія. Тылъ позиціи былъ свободенъ для отступленія.

Такимъ образомъ, наиболѣе вѣроятнымъ со стороны противника являлся обходъ съ востока для атаки праваго фланга позиціи. Салтыковъ прекрасно сознавалъ это и настоятельно припималъ мѣры для развѣдки въ этомъ направленіи.

Въ ожиданіи наступленія пруссаковъ союзная армія расположилась на позиціи, имѣя правый флангъ на Мюльбергѣ, а лѣвый—на Жидовской горѣ.

Въ ночь на 31-е іюля прусская армія, численностью въ 48,000 человекъ, безпрепятственно переправилась нѣсколько ниже Лебуса и направилась къ Герицу. Развѣзды нашей легкой конницы тотчасъ же дали знать объ этомъ Салтыкову. Получивъ эти свѣдѣнія и убѣдившись въ намѣреніи пруссаковъ обойти нашъ правый флангъ, Салтыковъ поворачиваетъ фронтъ своего расположенія на югъ и дѣятельно начинаетъ готовиться къ бою.

При новыхъ условіяхъ Куннерсдорфская позиція имѣла слѣдующія особенности: фронтъ былъ доступенъ для атаки, но войска наступающаго разъединялись оврагами. Лѣвый флангъ на Мюльбергѣ былъ весьма слабъ по естественнымъ, указаннымъ выше, свойствамъ мѣстности и къ тому же оврагами отдѣлялся отъ войскъ праваго фланга. Въ общемъ, позиція не имѣла достаточной глубины, что, въ связи съ пересѣченностью на ней мѣстности, затрудняло маневрированіе. Путемъ отступленія могла служить только дорога, проходящая на Франкфуртъ по мостамъ, откуда можно было слѣдовать на соединеніе съ Дауномъ по лѣвому берегу Одера, и, если бы непріятель завладѣлъ Жидовской горой,—то русская армія попала бы въ критическое положеніе.

Такимъ образомъ, на новой позиціи Жидовская гора имѣла еще болѣе важное значеніе, чѣмъ прежде, такъ какъ объ отступленіи, въ случаѣ надобности, на Познань не могло быть и рѣчи, а потому съ потерей Жидовской горы русская армія лишалась всѣхъ средствъ для дальнѣйшей борьбы, что оказало бы самое рѣшительное вліяніе на исходъ всей кампаніи. Въ то же время этотъ пунктъ сохранялъ важное значеніе и въ тактическомъ отношеніи, благодаря командующему своему положенію надъ всѣми окрестностями. Переходъ въ руки непріятеля Мюльберга и даже Б.-Шпица не могъ имѣть рѣшающаго вліянія на исходъ боя. Участъ сраженія зависѣла отъ удержанія въ рукахъ союзниковъ Жидовской горы; полная же побѣда могла быть ими достигнута въ томъ лишь случаѣ, если бы они сумѣли воспользоваться высотами Мюльбергъ и Б. Шпицъ въ дѣляхъ заста-

вить атакующаго потратить на ихъ атаку свои силы и разстроить себя до рѣшительнаго штурма Жидовской горы въ такой мѣрѣ, чтобы оставшіяся войска обороняющагося были бы въ силахъ не только удержать за собою Жидовскую гору, но, опираясь на нее, перейти въ рѣшительное наступленіе.

Задача, выпавшая въ такихъ условіяхъ на союзную армію, была крайне тяжела и лишь полная побѣда могла вывести ее изъ критическаго положенія, въ которое она была поставлена мелкой, своекорыстной политикой австрійцевъ.

Одновременно съ перемѣною фронта на югъ графъ Салтыковъ, ожидая обхода короля съ юго-востока и вполне правильно оцѣнивая мѣстныя условія на позиціи и относительное значеніе ея отдѣльныхъ частей, приказалъ немедленно приступить къ усиленнымъ работамъ по подготовкѣ позиціи въ инженерномъ отношеніи. При этомъ главное вниманіе главнокомандующаго было обращено на усиленіе окопами не лѣваго фланга (горы Мюльбергъ), ближайшаго къ непріятелю, а праваго и центра: Жидовской горы и Б.-Шпица.

На Жидовской горѣ было возведено 5 батарей, изъ которыхъ наиболѣе сильная, по числу орудій, предназначалась для обстрѣливанія пространства южнѣе Куннерсдорфа, а остальные должны были обстрѣливать непріятеля фронтальнымъ и фланговымъ огнемъ при дебушированіи его изъ Франкфуртскаго лѣса.

На Б.-Шпицѣ была насыпана другая, весьма сильная, батарея, которая, какъ и большая батарея на Жидовской горѣ, выдавалась на фронтѣ позиціи нѣсколько впередъ, что придавало линіямъ русскихъ укрѣпленій видъ бастионнаго фронта правильной формы, причемъ батареи составляли какъ бы бастионы, обстрѣливавшіе переходы черезъ пруды у Куннерсдорфа, и развертываніе войскъ южнѣе ихъ, а окопы между ними — длинную куртину, изъ-за которой пѣхота съ удобствомъ могла обстрѣливать доступы къ Куннерсдорфскимъ высотамъ съ фронта.

На Мюльбергѣ были построены: четыре, относительно слабыя, батареи, которыя предназначались для обстрѣливанія непріятеля, наступающаго со стороны Третинскихъ высотъ, расположенныхъ къ востоку отъ позиціи, и траншей,

прикрывавшія доступъ со стороны М.-Шпица. Всѣ укрѣпленія соединялись между собою непрерывными окопами, но профиль ихъ не препятствовалъ дѣйствию поверхъ бруствера даже полковой артиллеріи.

Одновременно съ усиленіемъ фронта графомъ Салтыковымъ были приняты слѣдующія мѣры: для уменьшенія въ высшей степени невыгодныхъ мѣстныхъ условій въ тылу его позиціи, кромѣ двухъ мостовъ у Франкфурта (около предмѣстья) и одного моста, ведущаго къ Шетнову, гдѣ располагался вагенбургъ, были построены еще два—за Жидовскою горою.

Для прикрытія моста, ведущаго къ вагенбургу, былъ возведенъ редутъ и окопы, подступы къ которымъ обстрѣливались съ Жидовской горы артиллерійскимъ огнемъ.

Къ разсвѣту 1-го августа русскія войска расположились на укрѣпленной позиціи у Куннерсдорфа въ слѣдующемъ порядкѣ*):

Правый флангъ позиціи, на Жидовской горѣ, подъ начальствомъ генерала Фермора, заняли 9 русскихъ полковъ; изъ нихъ 7 полковъ расположились въ 1-й линіи такимъ образомъ, что могли обстрѣливать скаты Жидовской горы и подступы къ мостамъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, а 2 полка—стали во 2-й линіи. Центръ позиціи, между Лаудоновымъ оврагомъ и Кунгрундомъ, былъ занятъ 17 полками русской пѣхоты, подъ начальствомъ Вильбуа (правѣе большой батареи) и графа Румянцева (лѣвѣе той же батареи). Здѣсь въ первой линіи находилось 8 полковъ и во 2-й—9 полковъ. На участкѣ позиціи графа Румянцева во время боя находился самъ главнокомандующій.

Лѣвый флангъ позиціи (гора Мюльбергъ) былъ занятъ только пятью полками Обсервационнаго корпуса, подъ начальствомъ князя Голицына. Два мушкетерскихъ полка стали въ 1-й линіи, два—во 2-й, а поперекъ ихъ, фронтомъ къ р. Гюнеръ,—гренадерскій полкъ, прикрывая промежутокъ между линіями.

Редутъ и окопы, прикрывающіе мостъ впереди съ праваго фланга позиціи, были заняты тремя полками кроатъ.

Для прикрытія обоза (русскаго и австрійскаго), построеннаго двумя вагенбургамы южнѣе Шетнова, были назначены два полка. Въ городѣ Франкфуртѣ были оставлены только залогы, въ составѣ 5 офицеровъ и 260 нижнихъ чиновъ.

Шесть австрійскихъ полковъ были поставлены на Жидовской горѣ въ 3-й линіи. Эти полки, вмѣстѣ со всей союзной конницей, въ числѣ 71 эскадрона расположенной также вблизи праваго фланга, составляли какъ бы общій резервъ арміи.

Какъ расположеніе этого общаго резерва, такъ и составъ его (вся конница) вполне соответствовали обстановкѣ: онъ находился за важнѣйшимъ флангомъ и въ составъ его вошли части, которыя, какъ по своимъ свойствамъ, такъ и по свойствамъ мѣстности, не могли принести существенной пользы въ боевой части.

Фридрихъ отъ Герица двинулся къ Третину и Бишофзее, куда и прибылъ къ 2 час. дня 31-го іюля.

Такое расположеніе пруссаковъ стало извѣстно графу Салтыкову вечеромъ 31-го іюля и хотя лѣвый флангъ его „совсѣмъ окружень оказался“, но главнокомандующій, однако, „не въ излишнее объ ономъ (лѣвомъ флангѣ) опасеніе приходитъ, ни положеніе онаго перемѣнить—причины не имѣлъ“.

Когда король убѣдился, что его угрозы пути отступленія русскихъ на Познань не произвели желательнаго впечатлѣнія и они вовсе не собираются отступать, то Фридрихъ рѣшилъ атаковать Салтыкова на другой день, 1-го августа, слѣдующимъ образомъ: частью войскъ, подъ начальствомъ генерала Финка, демонстрировать со стороны Третинскихъ высотъ, привлекая на себя угрозою атаки лѣваго фланга все вниманіе непріятели; большею же частью войскъ, подъ личнымъ своимъ начальствомъ, вести рѣшительную атаку со стороны М.-Шпица противъ того-же фланга.

Въ 2½ час. утра 1-го августа главныя силы Фридриха II, построенныя въ двѣ линіи, и имѣя конницу Зейдлица впереди 1-й линіи, двинулись къ Бишофзее и

далѣе—къ пунктамъ, пазначеннымъ для переправы черезъ болотистую р. Гюнеръ.

Русская легкая конница тотчасъ замѣтила переходъ пруссаковъ въ наступленіе и, согласно приказанію графа Салтыкова, уничтоживъ мостъ между озерами южнѣе Куннерсдорфа, отступила за правый флангъ боевой линіи. Къ этому времени, въ исходѣ 3-го часа утра, русская армія была уже въ полной готовности къ бою. Однако, графъ Салтыковъ пока еще не могъ опредѣлить, на какую именно часть позиціи направить Фридрихъ свой главный ударъ.

Только въ исходѣ 9-го часа утра двѣ сильныя прусскія батареи открыли огонь съ Третинскихъ высотъ. Нѣсколько позднѣе непріятельская артиллерія выѣхала на позицію на М.-Шпицѣ и около прудовъ, южнѣе Куннерсдорфа; въ этихъ же двухъ направленіяхъ показались маневрирующія прусскія войска. Русская артиллерія, съ своей стороны, тотчасъ же отвѣчала сильнымъ огнемъ, и въ 10 часовъ утра артиллерійская канонада была уже въ полномъ разгарѣ.

Зорко слѣдя за маневрами Фридриха, графъ Салтыковъ окончательно остановился на предположеніи, что король „въ одно время противъ нашего праваго и лѣваго крыла атаку начнетъ“. Въ виду этого въ соотвѣтствіи со свойствами своей арміи и позиціи, ею занимаемой, онъ остановился на планѣ боя, основная идея котораго заключалась въ томъ, чтобы заставить противника атаковать свой лѣвый флангъ и тѣмъ возможно дольше удерживать свой правый флангъ, дабы въ послѣдствіи имѣть возможность, опираясь на него и сохраняя свободу дѣйствій, оперировать въ зависимости отъ хода боя и „предпріятій“ противника.

Для лучшаго выполненія этой задачи, въ дополненіе къ уничтоженію моста между озерами южнѣе Куннерсдорфа, Салтыковъ приказалъ зажечь эту деревню и тѣмъ уменьшить непріятелю удобство развертыванія силъ противъ центра и праваго фланга позиціи.

Только въ 12-мъ часу дня непріятель явно обнаружилъ направленіе своей атаки на войска князя Голицына, занимавшія гору Мюльбергъ. Несмотря на критическое

положеніе, въ какомъ, вслѣдствіе этого, оказался Обсерваціонный корпусъ, главнокомандующій не усилилъ свой лѣвый флангъ ни однимъ человѣкомъ, но зато имъ были приняты мѣры къ устройству возможно сильной обороны центра, Б.-Шпица за Кунгрундомъ, противъ атаки противника со стороны Мюльберга. Для этого, еще до атаки послѣдняго, два полка и всѣ гренадерскія роты корпуса Лаудона были переведены на Б.-Шпицъ и поставлены здѣсь въ частномъ резервѣ за центромъ первой линіи. Кромѣ того, конница, бывшая всею массою за правымъ флангомъ, получила слѣдующее назначеніе: 1) 15 эскадроновъ русскихъ конно-гренадеръ и драгунъ стали у подошвы высотъ, около Кунгрунда; 2) 13 эскадроновъ кирасиръ съ легкой конницею Тотлебена помѣстились за крайнимъ правымъ флангомъ; 3) 9 эскадроновъ кирасиръ съ Чугуевскими казаками поставлены въ Лаудоновомъ оврагѣ; 4) 2 гусарскихъ австрійскихъ полка продвинулись между 1-й и 2-й линіями на Жидовской горѣ, составивъ какъ бы частный резервъ 1-й линіи; 5) 2 полка австрійскихъ гусаръ поднялись на Б.-Шпицъ, за 2-ю линію русской пѣхоты; 6) въ общемъ резервѣ, у Ротефорверка, оставались 3 гусарскихъ полка.

Въ 11^{1/2} часовъ дня прусская пѣхота и конница, сосредоточившись въ трехъ группахъ около М.-Шпица, Бишофзее и Третина, начали спускаться съ высотъ и направились противъ фронта и лѣваго фланга войскъ князя Голицына.

Первый ударъ пруссаки направили на гренадерскій полкъ Обсерваціоннаго корпуса, атакуя его сначала съ фланга, а затѣмъ съ фронта войсками, успѣвшими подойти со стороны Третина. Шуваловскіе гренадеры не выдержали стремительнаго натиска многочисленнаго противника и въ полномъ безпорядкѣ бросились съ Мюльберга къ болотистому берегу Одера, увлекая за собою и прочіе полки Обсерваціоннаго корпуса, которые, перемѣнивъ фронтъ и образовавъ двѣ линіи, могли задержать непріятеля лишь на самое короткое время.

Этотъ первый успѣхъ пруссаковъ не могъ имѣть рѣшительныхъ послѣдствій. Имъ предстоялъ еще рядъ весьма трудныхъ задачъ: переходъ черезъ Кунгрундъ, занятіе

Б.-Шпица, атака Лаудонова оврага; только по выполненіи всего этого они могли приступить къ послѣднему рѣшительному бою за Жидовскую гору. Однако, и съ занятіемъ Мюльберга королемъ были достигнуты немаловажные результаты: силы обѣихъ армій почти уравнивались: русская армія сразу уменьшилась въ своемъ составѣ на 15 баталіоновъ и 42 орудія; нравственный духъ прусскихъ войскъ отъ этого перваго блестящаго успѣха поднимался; послѣ занятія Мюльберга Фридрихъ II получилъ возможность продолжнымъ огнемъ обстрѣливать русскую армію именно въ то время, когда послѣдней, столь мало способной къ маневрированію, предстояло подъ выстрѣлами, по частямъ, перемѣнять фронтъ налѣво; когда ей приходилось подъ тѣмъ-же огнемъ массировать войска на тѣсной площади Б.-Шпица, вслѣдствіе чего ни одинъ выстрѣлъ противника не пропалъ даромъ; наконецъ, присутствіе прусской конницы и батарей на М.-Шпицѣ обязывало русскихъ беречь и свой фронтъ, т. е. готовиться къ бою на два фронта. Къ счастью, тѣснота на Мюльбергѣ не дала возможности прусскимъ батареямъ развернуться на этой горѣ въ значительномъ числѣ, но тѣмъ не менѣе огонь ставшей тамъ артиллеріи былъ такъ дѣйствителенъ, что на Б.-Шпицѣ „...мѣста почти не было, гдѣ-бы пушки его (непріятеля) не вредили, отчего многіе у насъ ящики подорваны и у пушекъ лафеты повреждены“.

Успѣшная атака Фридриха II на Мюльбергъ убѣдила графа Салтыкова въ томъ, что непріятель „до самаго нашего праваго крыла и до рѣки Одера пробиваться будетъ“, а потому онъ нашелъ нужнымъ „употребить сильныя противъ него способы“.

Еще до отступленія послѣднихъ защитниковъ Мюльберга главнокомандующій приказалъ генералу Панину перемѣнить фронтъ налѣво крайними полками обѣихъ линій и усилилъ ихъ гренадерскими ротами корпуса Лаудона. Общее начальство надъ этими войсками было поручено генералу Брюсу, которому приказано поддерживать князя Голицына. Узкій хребетъ не позволялъ вытянуть въ одну линію болѣе двухъ полковъ, а потому слѣдующіе полки 2-й линіи получили приказаніе образовать новыя линіи

позади Брюса. Такимъ образомъ, образовалось шесть лишій, выстроившихся поперекъ бывшаго фронта позиціи.

Генераль Брюсъ не только двинулся на поддержку Голицына, но и произвелъ контръ-атаку, однако, безуспѣшно: Мюльбергъ обратно не былъ взятъ; тѣмъ не менѣе дальнѣйшее наступленіе Фридриха II было задержано.

Эта задержка имѣла чрезвычайно важное значеніе для дальнѣйшаго хода боя, такъ какъ быстрое занятіе пруссаками высотъ на Б.-Шпицѣ повлекло бы за собою взятіе самой сильной русской батареи, которая могла обстрѣливать переходы черезъ пруды у Куннерсдорфа и вслѣдствіе этого конница Зейдлица, не вступившая еще въ бой, могла бы безнаказанно дебушировать между прудами и атаковать русскую позицію, избѣгнувъ перекрестнаго артиллерійскаго огня. Другими словами, съ потерей сильной батареи на Б.-Шпицѣ, защищаемой графомъ Румянцевымъ, едва ли русскіе могли бы держаться на центральномъ участкѣ своей позиціи.

Графъ Салтыковъ и графъ Румянцевъ отлично понимали значеніе этой батареи и необходимость воспользоваться временнымъ задержаніемъ пруссаковъ для того, чтобы принять мѣры противъ дальнѣйшихъ успѣховъ противника. Для этой цѣли, однако, можно было воспользоваться только 4-мя пѣхотными полками, которые оставались во 2-й линіи, такъ какъ полки 1-й линіи должны были оборонять фронтъ позиціи, а остальные полки 2-й линіи получили назначеніе дѣйствовать противъ непріятеля, запявшаго Мюльбергъ. Задача осложнялась тѣмъ болѣе, что какъ разъ въ это время защитникамъ Б.-Шпица пришлось принять бой уже не на два, а на три фронта.

Дѣло въ томъ, что сосредоточеніе остатковъ корпуса Голицына у западнаго подножья Мюльберга, сосредоточеніе тамъ же русскихъ конно-гренадеръ указали пруссакамъ, что болота Одера не такъ непроходимы, какъ предполагали. Вслѣдствіе этого прусскія войска, бывшія у Третина, рѣшили атаковать въ тылъ участокъ нашей позиціи, гдѣ первоначально располагалась 2-я линія войскъ, занимавшихъ Б.-Шпицъ.

Одновременно съ атакой со стороны Третина Фридрихъ II рѣшилъ форсировать переходъ черезъ Кунгрундъ. Для

этого имъ выдвинута была на край оврага сильная батарея для фронтальнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ продольнаго обстрѣливанія Б.-Шпица; пѣхота же была выстроена на Мюльбергѣ линія за линіею, такъ что „толстотѣ ея и густотѣ конца видѣть нельзя было“. Наконецъ, особая колонна готовилась къ атакѣ со стороны Куннерсдорфа. Въ это же время конница Зейдлица приготавливалась атаковать центръ нашего расположенія со стороны прудовъ, лежащихъ южнѣе Куннерсдорфа.

Сначала непріятельская батарея выѣхала въ одну очень удобную высоту на правомъ берегу р. Гюнеръ и открыла огонь по нестройной толпѣ шуваловцевъ, которая быстро стала отходить къ Ротефорверку. Тогда войска обходной колонны перешли р. Гюнеръ, благополучно прошли по лежащему на ихъ пути болотистому участку, подошли къ Кунгрунду и бросились на высоты въ двухъ направленіяхъ: пѣхота—правѣе, а конница—лѣвѣе, ближе къ оврагу. Правая прусская атака встрѣтила блестящій отпоръ, участіе въ которомъ приняли 5 полковъ пѣхоты (три изъ второй линіи центра и два прибыло съ Жидовской горы), шуваловскія гаубицы и австрійская артиллерія. Общими усиліями этихъ войскъ правая колонна пруссаковъ (пѣхота), осыпаемая градомъ ружейныхъ пуль, а также картечью съ фронта и фланга, съ громадными потерями, въ полномъ безпорядкѣ, безповоротно отброшена назадъ.

Лѣвая атака пруссаковъ у Кунгрунда, т. е. атака конницы принца Вюртембергскаго, сперва была успѣшна. Неудержимо бросились прусскіе латники на флангъ ближайшаго къ нимъ пѣхотнаго полка, сбили его и затѣмъ вынеслись на площадь Б.-Шпица; вмѣстѣ съ ними, съ фронта, черезъ оврагъ Кунгрундъ бросились и войска, находившіяся на Мюльбергѣ. Въ это время и со стороны Куннерсдорфа показались войска атакующаго, такъ что два полка, стоявшіе лѣвѣе батареи, были отвлечены отъ лѣваго фланга батареи, подавши свой правый флангъ впередъ. Въ эту критическую для союзниковъ минуту графъ Румянцевъ и Лаудонъ схватываютъ бывшіе у нихъ подъ рукою три слабыхъ полка конницы, бросаются съ ними на прусскихъ кирасиръ и опрокидываютъ послѣднихъ съ высотъ.

Атака короля на Купгрудъ съ фронта сначала также была удачна: его войска успѣли уже взобраться на Б.-Шпицъ, но не могли продвинуться даже до мѣста, занятаго полкомъ, составлявшимъ крайнее прикрытіе слѣва укрѣпленія этой горы, переходъ котораго въ руки непріятеля такъ рѣшительно повліялъ бы на исходъ сраженія. Задержанію наступленія пруссаковъ въ этомъ направленіи способствовали три полка изъ находившихся на Жидовской горѣ, а также и наши гаубицы, которыя успѣли занять выгодную позицію и съ большимъ успѣхомъ разстрѣливали густыя массы прусскихъ войскъ на Мюльбергѣ.

Такимъ образомъ, маневры, по плану короля, были уже приведены въ исполненіе, но не дали благопріятныхъ результатовъ, и Фридрихъ былъ поставленъ въ необходимость вести простой фронтальной бой, сбивать шагъ за шагомъ русскія войска, прибывавшія все въ большихъ и большихъ силахъ съ Жидовской горы.

При этихъ условіяхъ весьма понятно, что атака конницы Зейдлица во флангъ массы русской пѣхоты, столпившейся на Б.-Шпицѣ, была единственнымъ средствомъ въ рукахъ короля для одержанія побѣды. Но теперь, когда удержаніе укрѣпленій Б.-Шпица было обезпечено, атака эта для Салтыкова не была опасна, и онъ вправѣ былъ сказать, что теперь „можно уже было баталію почитать одержанною“.

Зейдлицъ отлично понималъ создавшееся положеніе дѣлъ и долго не рѣшался атаковать; лишь уступая настойчивымъ требованіямъ короля, онъ двинулъ свою конницу.

Поле для атаки прусской конницы, западнѣе прудовъ у Куннерсдорфа, было вполнѣ удобно: переходъ черезъ пруды, развертываніе и разбѣгъ хотя и были подъ артиллерійскимъ огнемъ, но при тогдашней дѣйствительности послѣдняго это была относительно легко разрѣшимая задача для образцовой кавалеріи. Ей оставалось только довершить сильный ударъ на окопы, занятые неразстроенною пѣхотою, подъ личнымъ начальствомъ Румянцева, что и являлось труднѣйшей задачей.

Зейдлицъ перевелъ всю свою конницу черезъ пруды восточнѣе Куннерсдорфа, развернулъ ее на глазахъ у русскихъ и затѣмъ бросился на окопы Б.-Шпица, занятые

неразстроенною пѣхотою подѣ личнымъ начальствомъ Румянцева. Атака Зейдлица „подѣ сильнымъ пушечнымъ огнемъ съ нашихъ батарей“... была моментально отбита съ большимъ урономъ.

Только теперь, когда могущественная конница непріятеля была отброшена, слабѣйшая конница союзниковъ, разбитая по разнымъ мѣстамъ боевого порядка, получила возможность дѣйствовать. Въ трехъ мѣстахъ, выйдя съ неудобной для ея дѣйствія позиціи, союзная конница устремилась за разстроенною прусскою кавалеріею. Регулярная кавалерія отыскала себѣ выходъ со стороны Лаудонова оврага, а бывшая на правомъ флангѣ—около Франкфуртскаго лѣса. Однако, выходъ конницы нѣсколько запоздалъ. Уже послѣ того, какъ Зейдлицъ успѣлъ укрыться за прудами, почти вся конница союзниковъ выстроилась въ слѣдующемъ порядкѣ: австрійскіе гусары—впереди и лѣвѣе батареи на Б. Шпицѣ; подѣ прямымъ же къ нимъ угломъ—русская регулярная конница въ двѣ линіи. Общее начальство надѣ этими частями принялъ Лаудонъ; позади него сосредоточилась конница графа Тотлебена.

Между тѣмъ, воспользовавшись отбитіемъ атаки Зейдлица, 4 русскихъ полка, подѣ начальствомъ бригадира Берга, стремительно перешли въ наступленіе противъ пруссаковъ, успѣвшихъ утвердиться на восточной оконечности Б.-Шпица. Поддержанный еще четырьмя полками, бригадиръ Бергъ заставилъ противника отступить за Кунгрундъ и навелъ паническій ужасъ на толпы пруссаковъ, которые занимали Мюльбергъ и къ тому же несли громадныя потери отъ губительнаго огня русской артиллеріи, въ особенности — шуваловскихъ гаубицъ, удачно поставленныхъ Бороздинымъ.

При такихъ условіяхъ прусская пѣхота, конечно, не могла оказать никакого сопротивленія наступавшимъ русскимъ войскамъ, которыя въ самое непродолжительное время штыками очистили Мюльбергъ, захватили обратно съ большимъ избыткомъ все потерянное шуваловцами и вполне прочно утвердились на прежней позиціи.

Фридрихъ, видя паническое бѣгство своей пѣхоты, рѣшилъ сдѣлать послѣднее отчаянное усиліе и пустить въ дѣло все, что оставалось у него подѣ рукой и имѣло видѣ

цѣлыхъ частей, т. е. конницу Зейдлица и нѣсколько эскадроновъ лейбъ-кирасирь.

Къ этому времени, чтобы не закрывать обстрѣлъ батареи Б.-Шпица, русская конница съ тремя австрійскими полками, имѣя уступомъ справа конницу Тотлебена, отошла къ Франкфуртскому лѣсу. Этими маневрами русской конницы и неминуемымъ беспорядкомъ на главной позиціи, при переходѣ въ наступленіе русскихъ на Мюльбергъ, и рѣшилъ воспользоваться Зейдлицъ: онъ вторично перевелъ свою конницу черезъ пруды и снова бросился на окопы. Но атака была доведена только на половину пушечнаго выстрѣла отъ ретраншемента: огнемъ артиллеріи и атакою союзною конницею слѣва Зейдлицъ вторично былъ отброшенъ назадъ. Желая хотя бы немного задержать наступленіе русскихъ, Фридрихъ приказываетъ двумъ эскадронамъ лейбъ-кирасирь атаковать головные полки контръ—атаки русскихъ, но „слабость въ непріятелѣ уже такъ велика была, что однихъ Чугуевскихъ казаковъ довольно было сіи два эскадрона истребить. Посему непріятельская армія въ совершенное бѣгство обратилась“.

Къ 7-ми часамъ вечера пораженіе прусской арміи было полное, однако, и побѣдители, ведшіе бой въ необычныхъ для нихъ условіяхъ въ теченіе цѣлаго дня, пришли въ сильное разстройство. Это и было причиною того, что побѣда не была завершена энергичнымъ преслѣдованіемъ.

Только австрійская конница и, главнымъ образомъ, не бывшая въ дѣлѣ легкая конница графа Тотлебена были въ готовности для преслѣдованія. Графъ Салтыковъ и направилъ ихъ съ этой цѣлью. Генераль Лаудонъ двинулся за разбитою имъ конницею Зейдлица на югъ, а графъ Тотлебенъ — на Бишофзее къ Герицу, т. е. въ самомъ важномъ направленіи.

Преслѣдованіе союзной кавалеріи прекратилось на крайнихъ границахъ поля сраженія, и энергическаго преслѣдованія внѣ поля сраженія не было ведено совсѣмъ ни Тотлебенемъ, ни Лаудономъ.

Вся союзная армія заночевала на полѣ сраженія, разбросанная отъ Мюльберга до Жидовской горы, на пространствѣ до 5 верстѣ.

На другой день графъ Салтыковъ приказалъ отслужить торжественный молебенъ по случаю новой побѣды надъ прусскою арміею, бывшей подъ предводительствомъ самого великаго короля, и отправилъ донесеніе Императрицѣ. Въ этой первой, наскоро составленной, реляціи главнокомандующій засвидѣтельствовалъ, что, „если найдется гдѣ побѣда ея славнѣе и совершеннѣе, то, однако, ревность и искусство генераловъ и офицеровъ, и мужество, храбрость, послушаніе и единодушіе солдатства должны навсегда примѣромъ остаться“... „Артиллерія наша, оговариваетъ графъ Салтыковъ, сохранила ту славу, которую при всѣхъ прочихъ случаяхъ приобрѣла“.

Но эта блестящая побѣда стоила намъ громаднхъ жертвъ. Союзники потеряли 15,000 (13,000 русскихъ и 2000 австрійцевъ), т. е. 25%, а пруссаки—17,000, т. е. 34%.

Трофеями Куннерсдорфской побѣды были: 26 знаменъ, 2 штандарта, 172 орудія и большое количество огнестрѣльныхъ запасовъ, изъ коихъ однихъ патроновъ болѣе 93,000.

Отсутствіе преслѣдованія со стороны Салтыкова послѣ Куннерсдорфской побѣды привело къ тому, что прусская армія къ 3-му августа сосредоточилась у Фюрстенвальде, непосредственно прикрывая Берлинъ. Но впечатлѣніе отъ пораженія было настолько сильно у пруссаковъ, что въ Берлинѣ, какъ и въ прусской арміи, царила паника, а немедленное наступленіе Салтыкова къ Берлину могло-бы безъ особаго труда закончиться взятіемъ столицы геніальнаго короля.

Однако, наступленія къ Берлину не послѣдовало, виновникомъ чего является австрійскій главнокомандующій.

Даунъ, при личномъ свиданіи съ Салтыковымъ, настоялъ на томъ, чтобы обѣ арміи оставались-бы на своихъ позиціяхъ до взятія вспомогательнымъ австрійскимъ корпусомъ Дрездена, а затѣмъ двинулись-бы въ Силезію.

Австрійская дипломатія побѣдила русскую стратегію и низвела результаты славнаго Куннерсдорфскаго боя къ нулю, чѣмъ спасла Фридриха.

Обращаясь къ дѣятельности Салтыкова въ Куннерсдорфской операціи, прежде всего нельзя не отмѣтить его рѣшимость, вытекающую изъ положенія вещей, дать бой, при

крайне неблагоприятныхъ условіяхъ, противъ искуснаго противника, руководимаго гениальнымъ полководцемъ.

Только глубокая вѣра въ русскаго солдата, хорошее знаніе его свойствъ, пониманіе его души, а съ другой стороны, желаніе рѣшительнымъ боемъ, а не уклоненіемъ отъ него (что не соотвѣтствовало чести и достоинству Россіи), вывести армію изъ критическаго положенія, въ которое она была поставлена австрійскою дипломатіею,—исключили у Салтыкова даже признаки колебанія въ этомъ вопросѣ.

При всемъ томъ Салтыковъ, однако, сознавалъ, въ какое ужасное положеніе ставилась армія въ случаѣ неудачнаго для русскихъ исхода сраженія, и имъ принимается цѣлый рядъ мѣръ для того, чтобы, съ одной стороны, наилучшимъ образомъ подготовить предстоящее сраженіе и тѣмъ обезпечить его успѣхъ, а съ другой стороны, чтобы уменьшить вредныя послѣдствія, могущія быть въ случаѣ пораженія.

Примѣненіе этихъ мѣръ является второй положительною особенностью Салтыкова въ Куннерсдорфской операци.

Къ числу этихъ мѣръ прежде всего необходимо отнести замѣчательное изученіе Салтыковымъ мѣстности поля сраженія, правильную оцѣнку ея свойствъ и вліянія ихъ на ходъ боя, соотвѣтственную этому и согласованную съ планомъ боя подготовку поля сраженія въ инженерномъ отношеніи возведеніемъ сильныхъ укрѣпленій на важныхъ пунктахъ позиціи и устройствомъ нѣсколькихъ мостовъ черезъ Одеръ съ мѣрами для ихъ обезпеченія.

Далѣе обращаетъ на себя вниманіе планъ Куннерсдорфскаго боя, принятый Салтыковымъ и въ основѣ своей выдержанный во все его продолженіе.

Этотъ планъ указываетъ, что Куннерсдорфское сраженіе является типичнымъ выжидательнымъ боемъ съ рѣшительною цѣлью, построеннымъ на постепенномъ истощеніи силъ противника и затѣмъ на переходѣ въ наступленіе, опираясь на главнѣйшій пунктъ позиціи, что вполне отвѣчало свойствамъ русской арміи того времени, мало способной къ активнымъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, но могущей выдержать активно-оборонительный бой при самой сложной обстановкѣ. Къ этому нужно прибавить, что, создавъ соотвѣтствующій обстановкѣ планъ боя, русской главнокомандующій чрезвычайно активно проводитъ его въ жизнь,

заставляя противника дѣйствовать по этому плану, т. е. подчиняетъ себѣ волю противника, и въ этомъ тѣмъ болѣе заслуги, что противникомъ у Салтыкова былъ великій мастеръ военнаго искусства.

Соотвѣтственно плану боя, а также свойствамъ позиціи и значенію различныхъ ея участковъ, Салтыковъ распредѣляетъ на послѣдней свои войска, отступая отъ рутины господствовавшаго тогда линейнаго порядка и примѣняя ихъ къ мѣстности. Вслѣдствіе этого Салтыковъ могъ использовать всю силу ружейнаго и особенно артиллерійскаго огня, которымъ обстрѣливались прекрасно всѣ удобнѣйшіе къ главнѣйшимъ пунктамъ позиціи подступы; онъ имѣлъ частные и общій резервъ, позволявшіе ему вести упорный оборонительный бой, не бояться охватовъ и обходовъ и перейти въ удобный моментъ въ общее наступленіе. Наконецъ, относительно дѣйствій Салтыкова въ Куннерсдорфскомъ сраженіи необходимо отмѣтить искусное управленіе имъ боемъ, выразившееся въ спокойномъ и систематическомъ проведеніи въ жизнь цѣлесообразнаго плана, „смотря по непріятельскимъ обращеніямъ“, и въ направленіи дѣйствій всѣхъ частей арміи къ одной опредѣленной цѣли, не стѣсняя инициативу частныхъ начальниковъ, но и не позволяя имъ вырваться изъ рукъ главнаго командованія.

Чтобы заключить оцѣнку дѣйствій русской арміи въ Куннерсдорфскомъ сраженіи, необходимо отмѣтить: необыкновенное упорство, проявленное здѣсь русскимъ солдатомъ, на что рассчитывалъ Салтыковъ и что дало ему возможность въ концѣ концовъ вырвать побѣду изъ рукъ великаго короля; проявленіе инициативы частными начальниками (Румянцевъ, Бергъ, Бороздинъ...), искусныя дѣйствія нашей артиллеріи и, наконецъ, проявленіе взаимной выручки всѣми родами войскъ.

Наряду съ изложеннымъ справедливость требуетъ указать на отрицательныя стороны, проявленныя Салтыковымъ въ Куннерсдорфскомъ сраженіи, — это во 1-хъ, неиспользованіе конницы для затрудненія переправы пруссаковъ черезъ Одеръ у Лебуса и затѣмъ движенія къ Третину, и во 2-хъ, отсутствіе энергичнаго преслѣдованія послѣ боя. Несомнѣнно, промахи — существенные, но смягчающимъ вину обстоятельствомъ для Салтыкова въ данномъ случаѣ

является крайне тяжелая обстановка, въ которой приходилось организовать то и другое русскому главнокомандующему.

Въ общемъ Куннерсдорфское сраженіе, являясь однимъ изъ славныхъ подвиговъ русской арміи, служить показателемъ высокаго уровня военнаго искусства въ Россіи въ одну изъ тѣхъ эпохъ, когда у насъ не было военнаго генія, дѣятельность котораго придаетъ блескъ военнымъ операціямъ и скрашиваетъ до нѣкоторой степени недостатки искусства у его современниковъ.

Такимъ образомъ, Куннерсдорфское сраженіе ярче подчеркиваетъ, что военное искусство у насъ въ эпоху Елизаветы стояло на высокомъ уровнѣ развитія и что главные носители его, русскіе, „свои“ генералы отлично понимали сущность военнаго дѣла и, не подражая западнымъ образцамъ, оригинально и вполне разумно примѣняли его основы на практикѣ вполне согласно съ обстановкой, правильно ими понимаемой.

Вслѣдствіе настояннй Дауна, съ которыми русскій главнокомандующій долженъ былъ считаться согласно указаніямъ Конференціи, 19-го августа Салтыковъ очистилъ Франкфуртъ.

Отказъ Дауна въ дальнѣйшемъ дѣйствовать согласно съ русскими привелъ къ тому, что въ сентябрѣ 1759 г. положеніе сторонъ опять было такое-же, какъ и въ іюлѣ, т. е. Салтыковъ стоялъ на Одерѣ (у Глогау), Даунъ — близъ Богемской границы въ Саксоніи, а Фридрихъ занималъ разобщающее союзниковъ положеніе въ Силезіи (Сагана).

Упорный отказъ Дауна дѣйствовать совмѣстно съ Салтыковымъ заставилъ послѣдняго въ концѣ октября двинуться на зимнія квартиры къ нижней Вислѣ, куда русская армія и прибыла въ декабрѣ.

3) Событія послѣ 1759 года *).

Послѣ кампаніи 1759 г. русская армія еще два года вела борьбу съ Пруссіей и, не смотря на то, что предыдущія кампаніи явно доказали невыгоды совмѣстныхъ дѣйствій съ австрійцами, тѣмъ не менѣе, и въ 1760 и 1761 гг. Конференція составляла для нашихъ армій такіе планы

*) См. схему № 1.

дѣйствій, по которымъ русскіе главнокомандующіе должны были, соображая свои дѣйствія съ австрійскими арміями, исполнять желанія вѣнской дипломатіи.

Въ 1760 г. Салтыковъ, задержанный Конференціей въ Петербургѣ, только въ концѣ мая выступилъ съ Вислы. Въ началѣ іюня 65-тысячная русская армія сосредоточилась въ Познани. Здѣсь Салтыковъ получилъ приказаніе Конференціи, соединившись съ Лаудономъ, прочно утвердиться въ Силезіи. 26-го іюля русская армія подошла къ Бреславлю, занятому пруссаками. Цѣлый мѣсяць Салтыковъ маневрировалъ у Бреславля и тщетно искалъ соединенія съ австрійцами. Наконецъ, Конференція, убѣдившись въ безцѣльности операцій на Одерѣ, повелѣла Салтыкову перенести дѣйствія въ Померанію и произвести набѣгъ на Берлинъ.

28-го сентября Берлинъ былъ взятъ передовымъ корпусомъ Чернышева. Главныя силы въ это время находились у Франкфурта. Получивъ свѣдѣнія, что Фридрихъ лично спѣшитъ съ 70000 на выручку своей столицы и что Даунъ только съ незначительными силами слѣдуетъ за королемъ и не можетъ оказать существенной поддержки русскимъ, Салтыковъ бросилъ Берлинъ и отвелъ свои войска къ Ландсбергу.

Въ ноябрѣ русская армія стала на зимнія квартиры на нижней Вислѣ, но еще въ октябрѣ, за болѣзнь Салтыкова, главнокомандующимъ былъ назначенъ графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ.

Планъ кампаніи на 1761 г. состоялъ въ томъ, что главная армія Бутурлина, силой въ 50000 человекъ, должна была двинуться въ Силезію и тамъ соединиться съ австрійской арміей Лаудона, а отдѣльному корпусу Румянцева (20000)—дѣйствовать въ Помераніи и взять Кольбергъ.

Послѣ цѣлаго ряда маневровъ Бутурлинъ соединился съ Лаудономъ 18-го августа у Стригау.

Такимъ образомъ здѣсь сосредоточилась 125-тысячная русско-австрійская армія, и Фридрихъ съ 55000 былъ принужденъ укрыться въ укрѣпленный лагерь у Бунцельвица. Положеніе Фридриха, казаками и драгунами отрѣзаннаго отъ всего міра, съ каждымъ днемъ становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Къ счастью для него, у Бутурлина съ Лаудономъ возникли прѣреканія, въ результатѣ которыхъ Бутурлинъ,

выдѣливъ для усиленія австрійскихъ войскъ 20-тысячный корпусъ, самъ отошелъ къ Лигницу. Это спасло Фридриха.

Отъ Лигница, гдѣ Бутурлинъ стоялъ не долго, русская армія двинулась въ Померанію для прикрытія осады Кольберга. Но непреодолимыя препятствія въ доставкѣ къ арміи продовольствія заставили Бутурлина, усиливъ Румянцева до 40000, въ срединѣ октября уйти къ нижней Вислѣ на зимнія квартиры. Тѣмъ не менѣе, 5-го декабря Кольбергъ сдался Румянцеву.

Къ концу декабря русскія войска располагались: Чернышевъ (20—25000) вмѣстѣ съ австрійцами—въ Силезіи, Румянцевъ (53000)—въ Помераніи, остальные силы (30—35000)—по квартирамъ на нижней Вислѣ.

Въ такомъ положеніи находились войска, когда 25-го декабря 1761 г. скончалась Императрица Елизавета.

На престолъ вступилъ Петръ III, поклонникъ Фридриха II. Очевидно, война съ Пруссіей должна была кончиться. И дѣйствительно, 8-го февраля 1762 г. Россія особой декларацией отказалась отъ союза съ Австріей. 5-го марта было заключено формальное перемиріе съ Пруссіей, а 24-го апрѣля Петръ III заключилъ трактатъ съ Фридрихомъ, по которому былъ восстановленъ съ Пруссіей вѣчный миръ, а всѣ завоеванія русскаго оружія были возвращены Великому королю безъ всякаго вознагражденія. Напротивъ, часть русской арміи (20000 Чернышева) отдавалась въ распоряженіе Фридриха II.

IV. Заключение о всей эпохѣ и ея значеніе въ исторіи военного искусства въ Россіи.

Такимъ образомъ, не смотря на блестящія побѣды русской арміи, Россіи не удалось сократить силы „скоропостижнаго Прусскаго короля“. Однако, побѣды эти не были совершенно безплодными: силы Пруссіи были крайне надорваны ими и это сказалось въ царствованіе Екатерины, когда эта Великая Государыня, рѣшая міровые политическіе вопросы въ интересахъ Россіи, паходила возможнымъ не особенно считаться съ мнѣніями и желаніями Фридриха.

Но если политическіе результаты борьбы Россіи съ Пруссіей при Елизаветѣ и не привели къ послѣдствіямъ, соотвѣтствующимъ усиліямъ и успѣхамъ русской арміи, то въ специально военномъ отношеніи наше участіе въ Семилѣтней войнѣ имѣетъ громадное значеніе.

Во главѣ дѣйствующихъ армій въ эту эпоху стояли генералы, которые служебный и боевой опытъ получили въ царствованіе Императрицы Анны. Съ другой стороны, война, веденная арміей, руководимой генералами предшествовавшей эпохи, послужила школой для такихъ будущихъ дѣятелей, каковы Румянцевъ, Панинъ, Прозоровскій, Суворовъ.

Такимъ образомъ, представляется возможнымъ установить непрерывную преемственность боевой школы, основаніе которой было положено великимъ создателемъ нашей регулярной арміи. Благодаря же этой преемственности боевой школы, у нашихъ полководцевъ выработались общія черты, присущія только имъ и носящія національный характеръ. Сюда прежде всего нужно отнести твердую вѣру нашихъ полководцевъ въ свою армію, затѣмъ пониманіе ими сущности военныхъ явленій и особенно—боя, далѣе—свободное, нерутинное, нешаблонное и при томъ независимое отъ какихъ либо иноземныхъ образцовъ примѣненіе основъ военнаго искусства, его теоріи на практикѣ вполнѣ соотвѣтственно обстановкѣ данной минуты въ условіяхъ непрестаннаго стремленія къ своей собственной цѣли и использованія въ полной мѣрѣ современныхъ техническихъ средствъ.

Характерной чертой нашей стратегіи въ разсматриваемую эпоху была осторожность, которая являлась слѣдствіемъ во 1-хъ, стремленія Конференціи руководить операціями въ ущербъ „полной мочи“ главнокомандующаго, а во 2-хъ, полнаго подчиненія нашей стратегіи вліянію австрійской дипломатіи.

Не смотря, однако, на такую осторожность, наши главнокомандующіе нерѣдко задаются смѣлыми, даже рискованными цѣлями и не избѣгаютъ боя даже при недостаточно выгодныхъ для себя условіяхъ.

Въ эту войну въ значительной мѣрѣ получили развитіе стратегическія дѣйствія массы легкой конницы впереди фронта арміи, причемъ отличительными особенностями

этихъ операцій являются: независимость отъ тыла, быстрота налета отдѣльными партіями съ разными цѣлями, широкой фронтъ, въ нѣсколько разъ превосходящій фронтъ арміи, и значительно выдвинутый впередъ районъ освѣщенія мѣстности конницей драгунскаго типа.

Наконецъ, въ отношеніи стратегіи необходимо отмѣтить умѣлое и полезное зочетаніе, при довольствіи арміи, пользованія мѣстными средствами съ процвѣтавшей тогда въ чистомъ видѣ магазинной системой.

Особенностью тактики русскихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну является активно-оборонительный бой. Чисто наступательный бой въ эту войну не получаетъ достаточнаго развитія. Это, какъ отчасти и осторожность въ стратегіи, можно объяснить тѣмъ, что русскіе главнокомандующіе имѣли противникомъ войска, считавшіяся лучше всѣхъ другихъ и нерѣдко предводительствуемая геніальнымъ полководцемъ-королемъ. Однако, нужно замѣтить, что активность при оборонѣ выказывала въ то время только одна русская армія.

Затѣмъ, въ тактикѣ нашихъ войскъ въ разсматриваемую эпоху необходимо подчеркнуть вполне свободное отношеніе къ формѣ линейнаго боевого порядка, вслѣдствіе чего устраняются тѣ или другія его неудобства: боевой порядокъ примѣняется къ мѣстности и „къ непріятельскимъ обращеніямъ“; позиціи не занимаютъ равномерно; осуществляется идея какъ частнаго, такъ и общаго резервовъ; войска, не исключая и артиллеріи, получаютъ возможность маневрировать и, вслѣдствіе этого, проявлять въ полной мѣрѣ принципъ взаимной выручки, достигаемый, между прочимъ, и дѣйствіями конницы на полѣ сраженія.

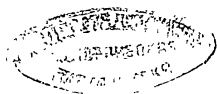
Въ частности, при дѣйствіяхъ пѣхоты преобладающее значеніе отдается огню, хотя войска не чуждаются и работы штыкомъ.

Конница отказывается отъ стрѣльбы съ коня и залогъ успѣха своихъ дѣйствій видитъ въ атакѣ, но въ то-же время, очевидно, конница недостаточно проникнута важностью, по своимъ послѣдствіямъ, акта преслѣдованія какъ на полѣ сраженія, такъ и внѣ его.

Что касается артиллеріи, то, перерождаясь въ своемъ устройствѣ, она на поляхъ сраженія оказываетъ могущественное содѣйствіе пѣхотѣ и конницѣ.

Особенностями дѣйствій артиллеріи являются: распредѣленіе ея на батареи по линіи, защита ея огнемъ промежутокъ между линіями, стрѣльба черезъ головы пѣхоты. Эти особенности въ дѣйствіяхъ артиллеріи показываютъ усовершенствованіе не только техники и организаціи нашей артиллеріи, но и прямое вліяніе этого на ея дѣйствія въ бою.

Наконецъ, необходимо указать на проявленное еще разъ въ Семилѣтнюю войну классическое упорство русскихъ войскъ и на то нравственное значеніе, которое имѣли побѣды наши надъ лучшими войсками, руководимыми лучшимъ полководцемъ. Эти побѣды несомнѣнно укрѣпили увѣренность нашихъ войскъ въ себѣ, подняли духъ и дали пищу для нравственнаго воздѣйствія, при воспитаніи, какъ на отдѣльныхъ людей, такъ и на цѣлыя войсковыя части, чѣмъ съ такимъ успѣхомъ пользовались дѣятели слѣдующей эпохи.

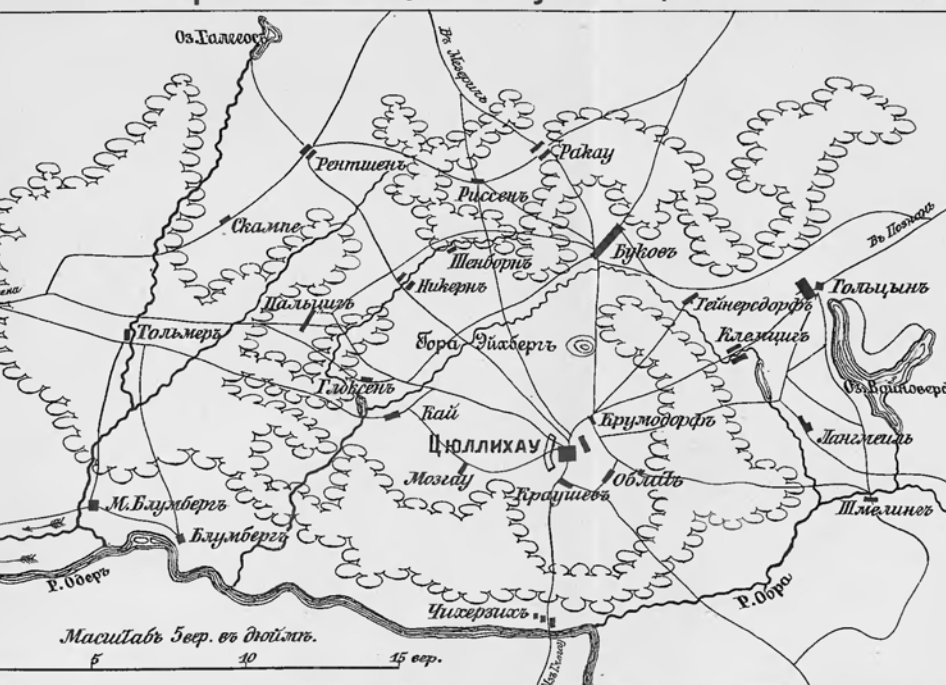
Район действий русской армии в Семилетнюю войну.

Окрестности Цюллихау-Пальцигъ.

Схема М

Курскъ Ист. Русск. Военн. Иск. вып.

